

MIESIĘCZNIK

№ 1(74), 2026

POŁOCKI.

Tom I.

Rok 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия D. Экономические и юридические науки

В серии D научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области экономики и управления, финансов, денежного обращения и кредита, бухгалтерского учета и статистики, а также юридических наук.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСИТЭТА

Серыя D. Эканамічныя і юрыдычныя навукі

У серыі D навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне эканомікі і кіравання, фінансаў, грашовага абарачэння і крэдыта, бухгалтарскага ўліку і статыстыкі, а таксама юрыдычных навук.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY

Series D. Economics and law sciences

Series D of the scientific-theoretical journal includes reviewed articles which contain new scientific results in such fields as economics and management, finance, money circulation and credit, accounting and statistics and also legal sciences.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Электронная версия номера размещена на сайте: <https://journals.psu.by/economics>

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: *Е.Ю. Афанасьева.*
Редактор *И.Н. Чапкевич.*

Подписано к печати 28.05.2026. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 15,34. Уч.-изд. л. 18,50. Тираж 8 экз. Заказ 255.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 336.1

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-2-7

МАТРИЦА РЕНТАБЕЛЬНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

канд. техн. наук, доц. Т.В. КАСАЕВА, Ж.А. КОВАЛЕНКО
(Витебский государственный технологический университет)

Показатели рентабельности в современных экономических исследованиях характеризуются множественностью подходов не только к трактовке их сущности, но и к методике расчета, экономической интерпретации, способам объединения в однородные группы. Несмотря на глубокую степень проработки данных вопросов в теоретических исследованиях, в реальной практике экономические субъекты Республики Беларусь используют достаточно узкий круг показателей рентабельности, в большинстве случаев ограничиваясь рентабельностью продукции и рентабельностью продаж, в то время как зарубежная практика финансового анализа широко использует показатели рентабельности активов и рентабельности капитала (собственного капитала). Разработанная матрица рентабельности объединяет показатели доходного подхода (рентабельности продаж) и ресурсного (рентабельности активов) для получения обобщенной оценки уровня прибыльности бизнеса.

Ключевые слова: рентабельность продаж, рентабельность активов, матрица рентабельности, «лидеры», «успешные продажи», «эффективные активы», «временные трудности».

Введение. Характеристики современного этапа развития экономики, связанные с ужесточением конкуренции, ростом предпринимательских рисков, процессами глобализации, дефицитом сырьевых ресурсов, обуславливают стремление экономических субъектов не только к максимальным объемам прибыли, но и к эффективному использованию вложенного капитала, вовлеченных инвестиций. Привлекаемые для оценки доходности бизнеса показатели рентабельности активно обсуждаются экономистами уже многие десятилетия, и даже не одно столетие. На наш взгляд, наиболее полное рассмотрение системы показателей рентабельности в национальных экономических исследованиях предложено известным автором Г.В. Савицкой [1], сформулировавшей три основных подхода к расчету показателей рентабельности: затратный, ресурсный и доходный, которые сегодня рассматриваются как сложившиеся или традиционные. На каждом этапе развития как национальной экономики в целом, так и отдельных её институциональных единиц усиливается либо ослабляется интерес к определённой группе показателей рентабельности.

В многолетней практике хозяйствования экономических субъектов Республики Беларусь наибольшее распространение получил показатель рентабельности продукции, который традиционно до сих пор остается определяющим при формировании ценовой и ассортиментной политики организаций и показывает степень выгодности производства продукции. В последние годы в перечне основных показателей, характеризующих эффективность деятельности предприятия, рентабельность продукции стала дополняться таким показателем, как рентабельность продаж, позволяющим судить насколько правильно субъект хозяйствования реализует свою товарную стратегию и какова доля прибыли в полученной выручке от реализации продукции. Соответствуя современным трендам финансового анализа, сложившимся в зарубежной практике, организации Республики Беларусь все чаще обращают внимание и направляют свою деятельность на достижение высокого уровня ресурсных показателей рентабельности – рентабельности активов и капитала, как характеристик возможности бизнеса зарабатывать прибыль на вложенных активах, то есть эффективности конвертирования инвестированных средств в чистую прибыль. Нынешний этап развития исследований теории рентабельности характеризуется активной дискуссией вокруг двух показателей: рентабельности продаж и рентабельности активов (рентабельности капитала), определяя их принципиальное отличие: рентабельности продаж как характеристики уровня эффективности основной (операционной, текущей) деятельности от рентабельности активов как индикатора эффективности использования активов организации [2–6]. Исследования, проведенные авторами ранее [7–10], показали, что организации, которые относятся даже к одному виду экономической деятельности, демонстрируют не только разные уровни рентабельности продаж и рентабельности активов, но достаточно часто и разнонаправленную динамику их изменения.

Целью данного исследования явилась разработка матрицы рентабельности для интегрированной оценки уровня эффективности бизнеса, объединяющей в себе показатели рентабельности продаж и активов.

Основная часть. Объектами исследования выступили отдельные экономические субъекты Республики Беларусь, занятые производством мясной и мясосодержащей продукции, выбор которых был обусловлен доступностью информации для оценки уровня их доходности на официальных сайтах организаций. Этот вид экономической деятельности играет важную роль в национальной экономике по двум причинам: во-первых, он обеспечивает продовольственную безопасность страны; во-вторых, мясная продукция является одной из самых востребованных позиций экспорта Беларуси. Стратегическая значимость отрасли сопровождается многосторонней государственной поддержкой в виде субсидий, компенсаций, других трансфертов. Вместе с тем одной из актуальнейших проблем отрасли являются методы регулирования рентабельности деятельности.

Сравнение трендов, характеризующих динамику показателей рентабельности деятельности организаций Республики Беларусь, занятых производством мясной и мясосодержащей продукции обеспечивает более полное и объективное понимание состояния отрасли в целом, что важно для принятия обоснованных управленческих решений и формирования эффективной политики ее развития (таблица 1).

Таблица 1. – Уравнения трендов, характеризующих динамику показателей рентабельности объектов исследования с 2019 до 2024 года

Название организации	Рентабельность продаж	Рентабельность активов
ОАО «Агрокомбинат «Юбилейный»	$y = 2,844x - 5733,6$	$y = 0,4849x - 974,53$
ОАО «Смолевичи Бройлер»	$y = 0,9013x - 1806,6$	$y = 1,4326x - 2886,3$
ОАО «Агрокомбинат «Дзержинский»	$y = 0,0591x - 104,68$	$y = -0,8134x + 1650,1$
ОАО «Птицефабрика Городок»	$y = 5,8771x - 11879$	$y = 3,0029x - 6070,2$
ОАО «Бобруйский мясокомбинат»	$y = 1,0845x - 2186$	$y = -0,5775x + 1161,3$
ОАО «Столбцовский мясоконсервный комбинат»	$y = 0,875x - 1762$	$y = 1,5111x - 3042$
ОАО «Пинский мясокомбинат»	$y = 0,5597x - 1122,9$	$y = 0,8523x - 1717,3$
ОАО «Гродненский мясокомбинат»	$y = 0,4554x - 913,03$	$y = 0,6874x - 1382,7$
ОАО «Ошмянский мясокомбинат»	$y = -0,2117x + 436,04$	$y = -0,6531x + 1328,6$
ОАО «Волковысский мясокомбинат»	$y = -0,2309x + 476,63$	$y = -0,1555x + 321,08$
ОАО «Брестский мясокомбинат»	$y = 0,0045x - 0,0354$	$y = -0,6204x + 1263,7$
ОАО «Березовский мясоконсервный комбинат»	$y = 0,4821x - 969,77$	$y = 0,8433x - 1699,5$
ОАО «Витебский мясокомбинат»	$y = -0,0586x + 122,96$	$y = -5,1931x + 10506$
ОАО «Слонимский мясокомбинат»	$y = 0,0606x - 114,74$	$y = 0,4218x - 844,09$
ОАО «Беловежский»	$y = -0,1535x + 318,76$	$y = -0,625x + 1267,1$
ОАО «Гомельский мясокомбинат»	$y = -0,4153x + 843,72$	$y = -1,4147x + 2858,8$

Примечание – для построения уравнений трендов использованы данные бухгалтерской отчетности, размещенные на официальных сайтах указанных организаций; расчет приведен в [11].

Как свидетельствуют уравнения, характеризующие динамику показателей рентабельности, из 16 исследуемых организаций 11 демонстрируют положительную динамику рентабельности продаж, в то время как по рентабельности активов такая тенденция наблюдается только у половины организаций. При этом, все организации, по которым наблюдается рост рентабельности активов, характеризуются положительной тенденцией в изменении рентабельности продаж. Следовательно, взаимосвязь динамических изменений показателей не вызывает сомнения. Однако, необходимо учитывать, что показатели различаются и по абсолютному значению. Поэтому на следующем этапе исследовалась взаимосвязь рентабельности активов с рентабельностью продаж с помощью коэффициента корреляции рангов. Выбор данного метода оценки тесноты связи обусловлен наличием отрицательных значений, т.е. убыточностью отдельных объектов исследования, что не исключает возможности их ранжирования (таблица 2).

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена определяется по формуле (1):

$$p = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2 - 1)}, \tag{1}$$

где d – разность между рангами двух переменных одного и того же объекта исследования;
 n – количество пар ранжированных значений (объем выборки).

Таблица 2. – Ранжирование показателей рентабельности продаж и активов исследуемых организаций в 2024 г.

Организация	Рентабельность продаж, %		Рентабельность активов, %		Разность рангов (d)	d^2
	значение	ранг	значение	ранг		
ОАО «Агрокомбинат «Юбилейный»	18,36	1	6,12	10	-9	81
ОАО «Смолевичи Бройлер»	17,38	2	12,24	2	0	0
ОАО «Агрокомбинат «Дзержинский»	15,19	3	4,36	12	-9	81
ОАО «Птицефабрика Городок»	12,06	4	10,82	3	1	1
ОАО «Бобруйский мясокомбинат»	11,66	5	0,02	14	-9	81
ОАО «Столбцовский мясоконсервный комбинат»	11,28	6	22,78	1	5	25
ОАО «Пинский мясокомбинат»	9,95	7	7,45	8	-1	1
ОАО «Гродненский мясокомбинат»	9,23	8	10,31	4	4	16
ОАО «Ошмянский мясокомбинат»	9,17	9	8,60	7	2	4
ОАО «Волковысский мясокомбинат»	8,75	10	4,96	11	-1	1
ОАО «Брестский мясокомбинат»	8,72	11	9,46	6	5	25
ОАО «Березовский мясоконсервный комбинат»	8,15	12	9,94	5	7	49
ОАО «Витебский мясокомбинат»	7,44	13	-0,74	15	-2	4
ОАО «Слонимский мясокомбинат»	6,90	14	6,75	9	5	25
ОАО «Беловежский»	6,18	15	1,12	13	2	4
ОАО «Гомельский мясокомбинат»	1,96	16	-4,24	16	0	0
Σ	x	x	x	x	x	398

Примечание – значения показателей рентабельности рассчитаны по данным бухгалтерской отчетности, размещенным на официальных сайтах указанных организаций.

Значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена $r = 1 - \frac{6 \times 398}{16(256-1)} = 0,4147$.

Таким образом, значение коэффициента ранговой корреляции, равное 0,4147, указывает на умеренную положительную связь между двумя переменными. Иными словами, при возрастании одной переменной другая тоже склонна к возрастанию, но эта связь не является ярко выраженной. Это означает, что высокорентабельный бизнес по уровню использования активов может иметь невысокие уровни рентабельности продаж, и наоборот. Поэтому для оценки уровня рентабельности деятельности организаций предлагается построение матрицы, позволяющей не только определить лидеров и аутсайдеров отрасли, но и выявить проблемные области, требующие особого внимания.

Матрица (рисунок 1) состоит из 4-х квадрантов, разделительными значениями которых могут быть средние значения показателей рентабельности по виду экономической деятельности, основным конкурентам, эталонные значения и др.

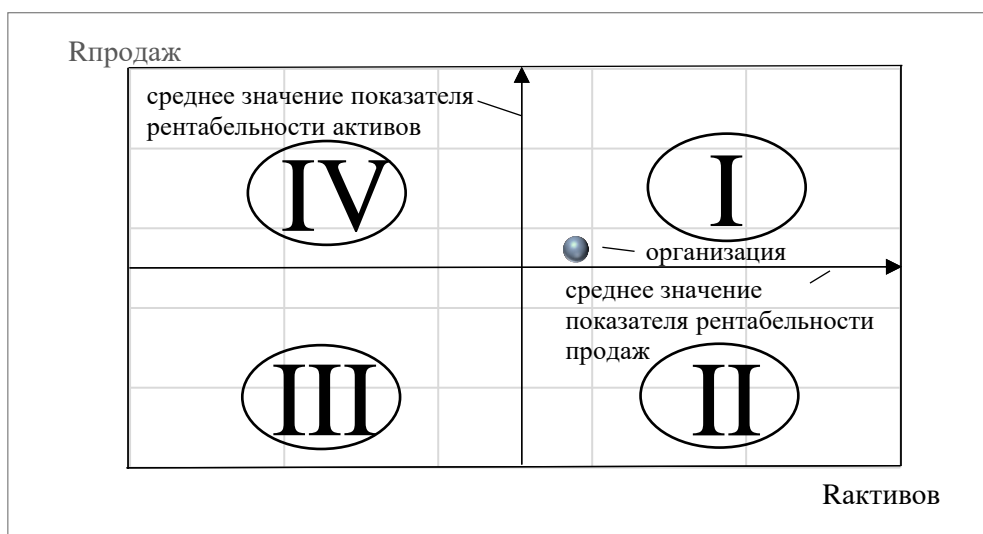

Рисунок 1. – Графическая иллюстрация матрицы рентабельности деятельности организации

Для каждого из квадрантов предложены названия, которые соответствуют сочетанию достигнутых уровней рентабельности активов и рентабельности продаж (таблица 3).

Таблица 3. – Определения квадрантов в матрице рентабельности

Квадрант, название	Определение
I «Лидеры»	Организации демонстрируют эффективное использование своих ресурсов и успешную коммерческую деятельность. Они занимают лидирующие позиции в исследуемой области
II «Эффективные активы»	Организации, эффективно использующие свои ресурсы и активы для получения прибыли, несмотря на относительно низкую прибыльность от реализации продукции. Это может свидетельствовать о высокой скорости оборачиваемости краткосрочных активов. В результате такие организации демонстрируют устойчивую финансовую эффективность и стабильность, несмотря на ограниченную прибыльность с каждой единицы реализованной продукции
III «Временные трудности»	Организации, с низким уровнем конкурентоспособности своей продукции и, как следствие, низким уровнем рентабельности продаж, что в значительной степени вызвано недостаточной эффективностью использования своих ресурсов. Такие организации имеют не только слабую конкурентоспособность, но и испытывают финансовые затруднения
IV «Успешные продажи»	Организации, которые успешно реализуют свою продукцию и демонстрируют высокую прибыльность по каждой единице продукции, однако при этом использование их активов не является эффективным. В перспективе может быть поставлена под сомнение финансовая устойчивость и стабильность сложившегося положения

Присвоение статуса отдельным квадрантам матрицы основано на экономическом содержании, представленном в таблице 3. Апробация разработанной матрицы рентабельности проведена на примере указанных ранее мясоперерабатывающих организаций Республики Беларусь. Матрица построена по финансовым результатам деятельности организаций за 2024 год, в качестве разделительных значений взяты средние значения показателей рентабельности продаж и рентабельности активов организаций Республики Беларусь, занятых производством мясной и мясосодержащей продукции в этом периоде.

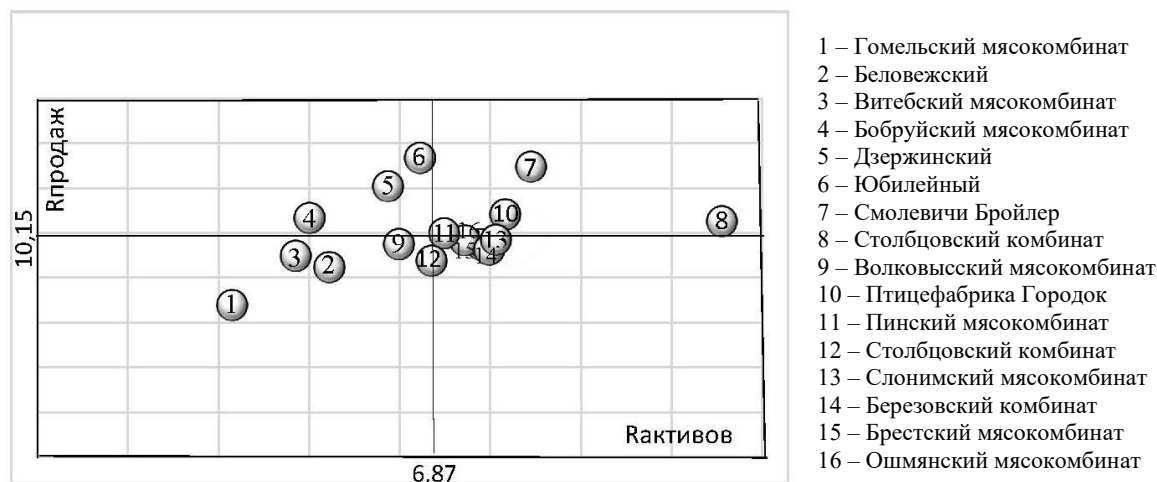

Рисунок 2. – Матрица рентабельности деятельности мясоперерабатывающих организаций Республики Беларусь в 2024 г.

Согласно рисунку 2, в квадранте «Лидеры» находятся ОАО «Смолевичи Бройлер», ОАО «Столбцовский мясоконсервный комбинат», ОАО «Птицефабрика Городок». ОАО «Бобруйский мясокомбинат», ОАО «Агрокомбинат «Дзержинский», ОАО «Агрокомбинат «Юбилейный», расположившиеся в квадранте «Успешные продажи», демонстрируют показатель рентабельности продаж выше отраслевого уровня, вместе с тем они также демонстрируют невысокие значения рентабельности активов, что может быть вызвано как неэффективным использованием активов, так и получением незначительной величины чистой прибыли. Что касается ОАО «Гродненский мясокомбинат», ОАО «Брестский мясокомбинат», ОАО «Ошмянский мясокомбинат», данные организации расположились между квадрантами «Лидеры» и «Эффективные активы», что свидетельствует о достаточно эффективной работе организаций. В самом центре оказался ОАО «Пинский мясокомбинат», значения рентабельности продаж и рентабельности активов были самыми близкими из исследуемых организаций к среднеотраслевым. В квадранте «Временные трудности», помимо ОАО «Гомельский мясокомбинат» и ОАО «Витебский мясокомбинат», которые испытывают серьезные финансовые проблемы (в отчетах приводятся значения чистых убытков). ОАО «Березовский мясоконсервный комбинат» расположился в квадранте «Эффективные активы», однако данный мясоконсервный комбинат очень близок к квадранту «Лидеры», что свидетельствует о достаточно успешном функционировании организации.

Учитывая тот факт, что основная доля экспорта отрасли приходится на рынок Российской Федерации, представляет интерес оценка уровней рентабельности деятельности объектов исследования в сравнении с уровнем российских конкурентов. Это возможно в том числе и путем построения матрицы, в которой граничными значениями выступают уровни показателей рентабельности, достигнутые российскими организациями (рисунок 3).

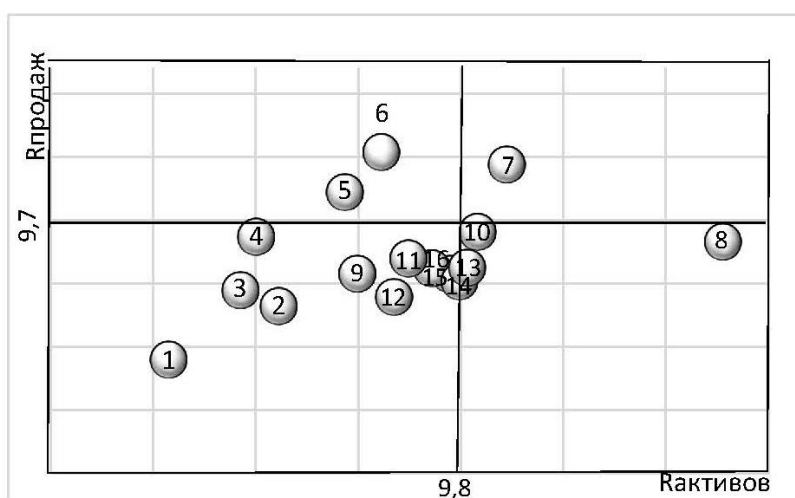

Рисунок 3. – Матрица рентабельности деятельности объектов исследования, исходя из средних значений показателей рентабельности в производстве пищевых продуктов в Российской Федерации за 2024 г.

Примечание – Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b10_11/IssWWW.exe/Stg/d2/23-19.htm/), по виду экономической деятельности «производство пищевых продуктов» рентабельность продаж в 2024 г. 9,7%, рентабельность активов – 9,8%.

Как и следовало ожидать, разница в средних уровнях рентабельности продаж (в РБ 10,15%, в РФ 9,7%) позволила мясоперерабатывающим организациям Республики Беларусь из квадрантов «Эффективные активы» и «Временные трудности» подняться ближе к квадрантам «Лидеры» и «Успешные продажи». Вместе с тем, разница в среднем показателе рентабельности активов в мясоперерабатывающей промышленности Республики Беларусь в 2024 г. и средним показателем рентабельности активов в производстве пищевых продуктов в Российской Федерации в 2024 г. составляет 2,93 п. п. в пользу Российской Федерации, что негативно повлияло на смещение отдельных организаций из квадранта «Эффективные активы» в сторону квадранта «Временные трудности». Так, в квадранте «Временные трудности» теперь находится 8 мясокомбинатов, в то время как в матрице на рисунке 2 их 5.

На основании полученных уравнений трендов (см. таблицу 1) были определены прогнозные уровни показателей рентабельности деятельности объектов исследования. При этом учтено, что при условии сохранения сложившихся тенденций ожидается рост среднего значения рентабельности продаж до уровня 10,98% и одновременно некоторое снижение показателя рентабельности активов до уровня 5,43%. Это позволило построить прогнозную матрицу рентабельности (рисунок 4).

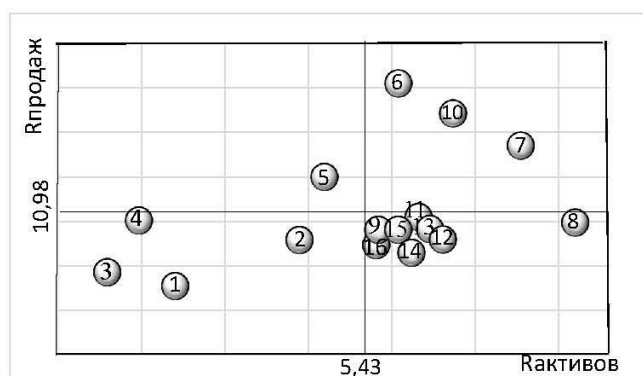

Рисунок 4. – Прогнозная матрица рентабельности деятельности мясоперерабатывающих организаций Республики Беларусь

Анализируя матрицу, представленную на рисунке 4, и сравнивая ее с рисунком 2, можно сделать вывод об усилении разрыва между уровнями рентабельности деятельности объектов исследования: значительно меньше объектов в центре матрицы, увеличилось их количество в квадранте «Временные трудности», в более высокой степени опережают всех «Лидеры».

Заключение. Значительные различия в показателях рентабельности между организациями, занятыми производством мясной продукции в Республике Беларусь, могут иметь негативные последствия по нескольким причинам:

- во-первых, создается угроза стабильности отрасли, так как низкая доходность части организаций может привести к их финансовым трудностям или даже банкротству, что негативно скажется на общем состоянии отрасли и её устойчивости;

- во-вторых, снижается привлекательность отрасли для инвесторов, так как она демонстрирует нестабильность данного вида экономической деятельности, а, следовательно, повышаются инвестиционные риски;

- в-третьих, формируются разные уровни конкурентоспособности предприятий и эти диспропорции могут прогрессировать: более прибыльные компании получают преимущества не только в привлечении инвестиций, но и во внедрении инноваций;

- в-четвертых, создаются проблемы в формировании единой стратегии развития и повышения конкурентоспособности всей мясной отрасли страны.

Факторами, в наибольшей степени негативно влияющими на развитие отрасли, называются нехватка кадров или их низкая квалификация, низкий оборот активов, сложная логистика с экспортными поставками и конкурентная среда¹. Отмечается, что вместо объединения и выстраивания своей деятельности на внутреннем и внешнем рынках белорусские организации, занятые производством мясной и мясосодержащей продукции конкурируют между собой. На VI Международном форуме «Беларусь мясная» основное внимание было уделено теме импортозамещения, так как санкции, эмбарго в той или иной степени затронули все предприятия².

На наш взгляд, возможным решением проблемы сокращения разрыва между организациями, занятыми производством мясной и мясосодержащей продукции и улучшением их финансового положения может стать создание «Мясного Союза» по аналогии с Национальным Союзом мясопереработчиков в Российской Федерации, который объединил более 80 организаций, занимающихся переработкой и торговлей мясной продукцией, для отстаивания интересов отрасли в органах государственной власти и формирования положительного имиджа продуктов в глазах потребителей, а также обеспечения устойчивости отрасли и ее отдельных предприятий³.

¹ URL: <https://factories.by/news/myasnaya-promyshlennost-belarusi-tekushee-sostoyanie-problemy-i-perspektivy-razvitiya>.

² URL: <https://www.sb.by/articles/otvety-na-vyzovy-vremeni.html>.

³ URL: <https://nsmrf.ru/>

Результаты проведенного исследования позволяют не только дифференцировать организации по уровню результативности их деятельности, но и определить наиболее актуальные пути увеличения показателей рентабельности применительно к рассмотренным квадрантам.

Так, организациям, находящимся в квадранте «Эффективные активы», необходимо предпринять меры по снижению себестоимости и формированию оптимальной ценовой политики, совершенствованию маркетинговой стратегии, что приведет к повышению эффективности продаж. В то же время организациям, находящимся в квадранте «Успешные продажи», необходимо сосредоточиться на повышении эффективности использования имеющихся активов: пересмотр структуры активов, выявление неэффективно используемых активов и их продажа или репрофилирование, ускорение оборачиваемости активов путем внедрения современных систем управления запасами, дебиторской задолженностью и др. Пути решения проблем повышения рентабельности деятельности организаций, обозначенные для квадрантов «Эффективные активы» и «Успешные продажи», в полной мере относятся и к организациям, которые отнесены в квадрант «Временные трудности». Однако, на наш взгляд, для таких организаций необходим более глубокий анализ причин низкой доходности деятельности и разработка более кардинальных мер, в том числе пересмотр своих бизнес-планов.

Таким образом, выявленные тенденции и предложенная матрица рентабельности могут применяться как в оценке эффективности деятельности организаций, так и в финансовом менеджменте при принятии решений по повышению доходности бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савицкая Г.В. Анализ эффективности деятельности предприятия: методологические аспекты. – 2-е изд., испр. – М.: Новое знание, 2004. – 159 с.
2. Бубновская Т.В., Анохина А.А. Рентабельность как фактор повышения эффективности деятельности предприятия // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики. – 2019. – № 3-1. – С. 231 – 236.
3. Ковалева И.И., Неборак М.А. Актуальные направления анализа и определения факторов роста показателей рентабельности в Российской практике // «Вектор экономики». – 2020. – № 10. – URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/10/economicsmanagement/Kovaleva_Neborak.pdf (дата обращения 14.02.2026).
4. Хамчуков Д.Ю. Использование показателей рентабельности для сравнительного анализа эффективности работы промышленности // Белорусский экономический журнал. – 2015. – № 2. – С. 110–133.
5. Шарафуллина Р.Р., Рамазанова Р.Ф. Рентабельность как основной показатель эффективности деятельности предприятия в рыночной экономике // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики. – 2020. – № 4(29). – С. 25–29.
6. Шукина М.В. Рентабельность активов: подходы и концепции // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 4-1. – С. 138–143.
7. Касаева Т.В., Шеремет О.О. Рентабельность активов или рентабельность продаж: приоритеты в управленческих решениях = Return on assets or return on sales: priorities in management decisions // Устойчивое и инновационное развитие в цифровом глобальном пространстве: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 21–23 марта 2024 г. / ЮФУ. – Ростов-н/Д; Таганрог, 2024. – С. 48–53.
8. Касаева Т.В., Шеремет О.О. Рентабельность активов в оценке финансовой эффективности бизнеса // Материалы докл. 57-й Междунар. науч.-техн. конф. преподавателей и студентов: в 2 т. / УО «ВГТУ». – Витебск, 2024. – Т. 1. – С. 86–88.
9. Касаева Т.В., Коваленко Ж.А. Оценка финансовой эффективности бизнеса: проблемы и направления развития // Актуальные вопросы современной экономики: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 10–11 нояб. 2022 г. / ВГТУ «Военмех» им. Д. Ф. Устинова. – СПб., 2022. – С. 96–99.
10. Шеремет О.О., Касаева Т.В. Сравнительная оценка динамики показателей рентабельности деятельности организаций по производству ковров и ковровых изделий // Материалы докл. 58-й Междунар. науч.-техн. конф. преподавателей и студентов «Образование и наука в развитии технологий, экономики, общества» “Education and Science in the development of Technology, Economy and Society (ESTES–2025)”, посвящ. 60-летию УО «ВГТУ»: в 2 т. / УО «ВГТУ». – Витебск, 2025. – Т. 1. – С. 102–105.
11. Боровченко А.С., Касаева Т.В. Рентабельность продаж в оценке эффективности деятельности организаций // Инновации в текстиле, одежде, обуви (ICTAI–2024) = International conference on textile and apparel innovation (ICTAI–2024): материалы докл. междунар. науч.-техн. конф., Витебск, 20–21 нояб. 2024 г. / ВГТУ. – Витебск, 2025. – С. 212–218.

Поступила 26.02.2026

PROFITABILITY MATRIX AS A TOOL FOR INTEGRAL ASSESSMENT OF ORGANIZATIONAL PERFORMANCE EFFICIENCY

T. KASAYEVA, Zh. KVALENKA
(Vitebsk State Technological University)

Profitability indicators in modern economic research are characterized by a multiplicity of approaches not only to their essence but also to calculation methods, economic interpretation, and methods of combining them into homogeneous groups. Despite the extensive study of these issues in theoretical research, in practice, economic entities in the Republic of Belarus use a rather narrow range of profitability indicators, in most cases limiting themselves to product profitability and return on sales. Meanwhile, international financial analysis practices widely utilize return on assets and return on equity indicators. The developed profitability matrix combines indicators from the income approach (return on sales) and the resource-based approach (return on assets) to obtain a generalized assessment of a business's profitability.

Keywords: *return on sales, return on assets, profitability matrix, "leaders", "successful sales", "effective assets", "temporary difficulties".*

УДК 331.5:338.1

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-8-16

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ С УЧЕТОМ ИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

А.В. МАРКИДОНОВА

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

В статье разработаны практические рекомендации по совершенствованию государственного регулирования региональных рынков труда в Республике Беларусь с учетом их территориальной организации: обосновано несовпадение пространственных границ региональных рынков труда с административно-территориальными границами, что позволило уточнить субъект и объект их государственного регулирования. Предложено распределение районов по уровню значимости государственного вмешательства при реализации инвестиционных проектов на основе расположения градообразующих и крупных предприятий и степени охвата территории изохронами транспортной доступности. На данной основе разработан дифференцированный подход к реализации инициативы «Один район – один проект», способствующий повышению адресности государственного регулирования региональных рынков труда и эффективности использования бюджетных средств.

Ключевые слова: региональные рынки труда, государственное регулирование, территориальная организация, субъект регулирования, объект регулирования, транспортная доступность, уровни значимости, дифференцированный подход.

Введение. Одной из ключевых задач, стоящих перед органами государственного управления в Республике Беларусь, является формирование эффективно функционирующего рынка труда в каждом регионе страны, что предполагает не только решение существующих социально-экономических проблем, но и формирование необходимых векторов совершенствования государственного регулирования и повышение его эффективности и результативности [1].

В современных условиях особую актуальность приобретает проблема *территориальных границ* региональных рынков труда для корректного установления субъектов и объектов их государственного регулирования, а также в обосновании дифференцированного подхода к их государственному регулированию, основанного на распределении районов по уровню значимости государственного вмешательства. Так, фактические границы региональных рынков труда нередко не совпадают с официально установленными границами административно-территориальных единиц (далее – АТЕ), что обусловлено свободой осуществления трудовой деятельности гражданами в любом регионе страны, не всегда совпадающим с местом жительства и/или регистрации. Указанное несоответствие выступает фактором, затрудняющим развитие отдельных территорий, усиливая неравномерность их развития, усложняя распределение полномочий между органами управления, затрудняя согласованность мер экономической политики и адресность государственного регулирования. В связи с этим, целью данной статьи является разработка практических рекомендаций по совершенствованию государственного регулирования региональных рынков труда в Республике Беларусь с учетом их территориальной организации и дифференциации районов по уровню значимости для государственного вмешательства.

Основная часть. Современные ученые, проводя исследования в области пространственного развития, подчеркивают формирование и функционирование рынков труда не только в пределах официально установленных административно-территориальных границ.

Так, Ридевский Г.В. обосновывает формирование рынков труда в границах территориальных образований – городских агломераций, объединяющих центральные города и прилегающие районы, связанные при этом трудовыми процессами [2]. Автор в своем исследовании упоминает понятие «конурбации» как интегрированной полицентричной пространственной структуры, состоящей из тесно взаимодействующих друг с другом городских и сельских населенных пунктов. На территории Беларуси Г.В. Ридевский выделяет крупнейшую центрально-белорусскую конурбацию (ЦБК), занимающую центральную часть Минской области и, частично, территорию Гродненской. При этом подчеркивается, что состав ЦБК – результат самоорганизации населения в пространстве, что связано с размытостью и подвижностью границ, целостность которых обеспечивается трудовыми и социально-бытовыми поездками проживающего в ней населения [3].

В российской научной литературе также подчеркивается существование устойчивых пространственных структур на территории России – городских агломераций. Так, Антонов Е.В., анализируя крупнейшие агломерации, показывает наличие диспропорций их развития, обосновывая при этом необходимость дифференцированной политики управления [4]. И.А. Секушина рассматривает состояние и проблемы развития рынков труда внутри городских агломераций (особых территориальных систем, включающих центр и окружение), а также оценивает их сбалансированность в разрезе ядро/спутниковая зона. Она акцентирует внимание на отличающемся характере спроса и предложения и наличии дисбалансов внутри агломераций [5].

Таким образом, несмотря на наличие исследований, посвященных анализу пространственного развития рынка труда и существующих агломерационных структур, недостаточно разработанными остаются вопросы государственного регулирования региональных рынков труда как в рамках агломераций и конурбаций, так и вне их

границ с учетом несовпадения фактических границ рынков труда с официальными границами административно-территориальных единиц, что обосновывает необходимость и актуальность настоящего исследования.

Мотивирующими факторами трудоустройства работников в другом регионе, отличном от места регистрации и проживания, являются:

1. Экономические факторы:

- размер заработной платы в районе трудоустройства;
- наличие рабочих мест по профессии;
- наличие крупных предприятий, иностранных инвесторов.

2. Транспортная доступность:

– как показывает мировая практика, чаще всего маятниковая миграция (регулярные поездки граждан из места проживания в другой регион с целью работы, учебы и т.д.) осуществляется в пределах 30–60 км., что позволяет населению с небольшими временными и денежными потерями совершать ежедневный проезд на работу и обратно к месту жительства;

– стоимость проезда;

– развитость транспортного сообщения (наличие прямых рейсов автобусов, электричек, маршрутного такси).

Таким образом, трудоустройство граждан в районах, отличных от места жительства/регистрации, расширяет границы региональных (районных) рынков труда за пределы официально установленных границ административно-территориальных единиц (в нашем случае районов), а, следовательно, их регулирование не может осуществляться изолированно отдельными исполнительными и распорядительными органами (исполнительными комитетами) данных АТЕ. Необходимы их совместные и согласованные действия и усилия, что может быть обеспечено созданием межрайонных структур (советов, служб, агентств и т.д.) на базе нескольких, расположенных вблизи градообразующих предприятий районов. Таким образом, расположение градообразующих предприятий как основных источников рабочих мест, привлекающих трудовые ресурсы из близлежащих районов, можно считать одним из основных, но не единственным, фактором определения районов для формирования предлагаемых межрайонных структур. Однако в силу сложности учета других факторов (масштабов и уровня развития сельскохозяйственных предприятий, количества в районе других предприятий, кроме градообразующих, количества предприятий малого и среднего бизнеса и т.д.) и значительного влияния градообразующих предприятий на трудовую мобильность граждан, именно они в данном исследовании будут рассматриваться как основной фактор. При этом, некоторые районы будут участвовать в создании не одной, а нескольких межрайонных структур в силу их близости к нескольким районам с градообразующими предприятиями.

Функцию определения перечня районов для создания предлагаемых межрайонных структур, а также координации их деятельности и организации взаимодействия между собой, изменения в случае необходимости путем создания новых, объединения или присоединения нескольких таких структур целесообразно возложить на областные исполнительные и распорядительные органы, в частности, на комитеты по труду, занятости и социальной защите областных исполнительных комитетов, в которых для реализации данных функций могут быть созданы специальные координационные центры.

Необходимо также отметить, что определить точные границы региональных рынков труда не представляется возможным ни на уровне районов, ни на уровне областей, поскольку направления перемещения граждан для трудоустройства из одного района в другие, во-первых, могут быть различными и, во-вторых, они не являются статичным явлением и подвержены постоянным изменениям. Данное обстоятельство обуславливает также необходимость взаимодействия между собой комитетов по труду, занятости и социальной защите областных исполкомов в граничащих между собой областях по вопросам создания межрайонных структур регулирования региональных рынков труда.

Помимо определения субъекта регулирования региональных рынков труда, целесообразным также является выделение объектов регулирования, диверсифицированных по уровню регулирования региональных рынков труда с точки зрения, как официально установленных АТЕ, так и выявленных особенностей региональных рынков труда (мобильность рабочей силы) (рисунок 1).

Рисунок 1. – Уровни региональных рынков труда по объекту государственного регулирования

Так, как видно из рисунка 1, в качестве региональных рынков труда с точки зрения официальных АТЕ можно рассматривать на первом уровне областные рынки труда и рынок труда г. Минска совместно с Минским районом. Так же, как на втором уровне следует рассматривать рынки труда городов областного подчинения и других крупных городов, где находятся градообразующие предприятия, совместно с районами, в которых расположены данные города. Отдельно на втором уровне можно выделить рынки труда районов, в которых не расположены города областного подчинения либо другие крупные города с градообразующими предприятиями. Такое распределение рынков труда по уровням обусловлено тем, что многие жители районов, где расположены города областного подчинения и другие города с градообразующими предприятиями, как правило, трудоустраиваются в этих городах, и их следует рассматривать как единый объект государственного регулирования. Первичный уровень административно-территориального устройства Республики Беларусь (сельсоветы, города районного подчинения и поселки городского типа) отдельно в качестве объекта регулирования рынка труда рассматривать не целесообразно, в силу чего он в данном исследовании включен в состав второго уровня. Таким образом, основными объектами государственного регулирования региональных рынков труда с точки зрения разработки рекомендаций по его совершенствованию будут выступать рынки труда на уровне областей и районов (особенно без городов областного подчинения и крупных городов с градообразующими предприятиями). Как видно, выделенные уровни региональных рынков труда не полностью совпадают с официально установленными уровнями административно-территориального устройства в силу описанных в данном исследовании факторов и условий функционирования региональных рынков труда.

В настоящее время в Республике Беларусь находится 103 градообразующих предприятия, предоставляющих рабочие места гражданам из разных районов страны, из них 16 – в Брестской области, 15 – в Витебской, по 11 – в Гомельской и Минской областях, 13 – в Гродненской, 17 – в Могилевской, 20 – в г. Минске¹. Таким образом, градообразующие предприятия имеются не во всех районах страны. А с учетом того, что в некоторых районах расположено более одного такого предприятия, количество районов, не обеспеченных стабильными рабочими местами, увеличивается. Большинство таких предприятий, как правило, расположено в областных центрах и других крупных промышленных городах Республики Беларусь. В таких городах, помимо этого, достаточно неплохо развивается малый и средний бизнес, расположено значительное количество мелких и средних предприятий, развивается сфера услуг и, таким образом, проблема занятости местного населения не стоит так же остро, как в большинстве районов, не имеющих градообразующих предприятий.

Всего можно выделить 76 районов без градообразующих предприятий (64%) (рисунок 2). Отсутствие градообразующих предприятий, предоставляющих стабильную занятость и хорошо оплачиваемые рабочие места, в данных районах побуждает их жителей, не задействованных на сельскохозяйственных либо других небольших предприятиях и организациях, искать возможности для реализации своего трудового потенциала в соседних районах. Для оценки доли населения, осуществляющего трудовую деятельность за пределами района жительства/регистрации могут быть использованы такие показатели, как индексы самодостаточности и пересечения. Для расчета указанных индексов в данном исследовании были использованы данные переписи населения Республики Беларусь за 2009 и 2019 гг.

Индекс самодостаточности территории по обеспеченности собственными трудовыми ресурсами рассчитывается по формуле:

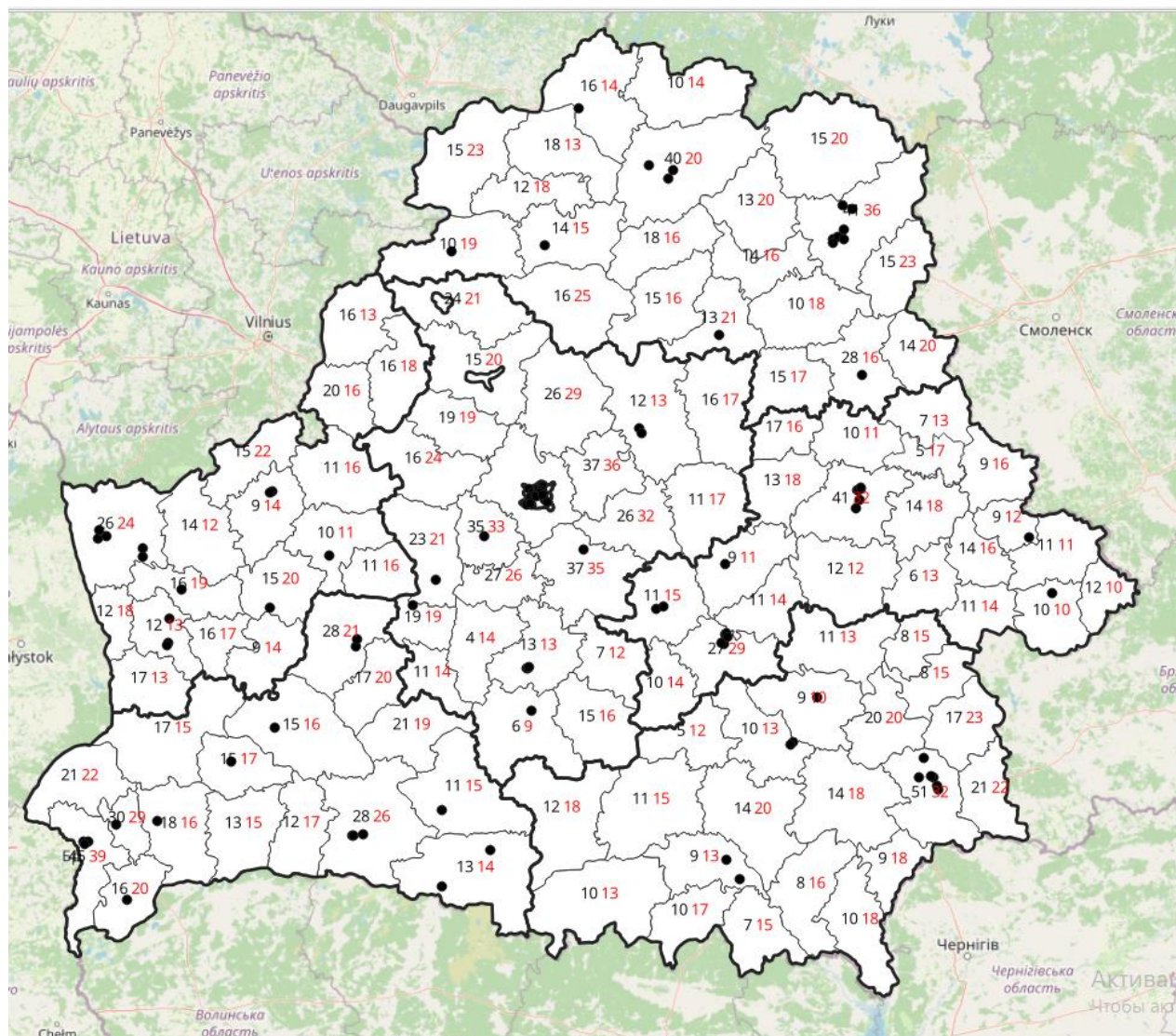
$$\text{Индекс самодостаточности} = \frac{\text{Население работающее и проживающее в районе}}{\text{Численность занятого населения в районе}} \times 100\%$$

Индекс пересечения показывает процент граждан, работающих в исследуемом районе, но проживающих/зарегистрированных в других районах, и рассчитывается по формуле:

$$\text{Индекс пересечения} = 100\% - \text{Индекс самодостаточности}$$

Результаты расчетов показали, что индекс пересечения составил от 4 до 45 в 2009 г. и от 9 до 39 в 2019 г. (см. рисунок 2). При этом, в большинстве районов значение индекса увеличилось, что свидетельствует об увеличении мобильности рабочей силы и подтверждает сформулированный ранее вывод о несовпадении фактических границ региональных рынков труда с территориальными границами административно-территориальных единиц (районов), что подчеркивает важность определения субъекта регулирования региональных рынков труда и обосновывает необходимость создания предлагаемых межрайонных структур регулирования региональных рынков труда и координационных центров при областных исполнительных комитетах.

¹ Постановление Совета Министров от 16 февраля 2021 года №90 «Об утверждении перечня системообразующих и (или) градообразующих предприятий (организаций)».

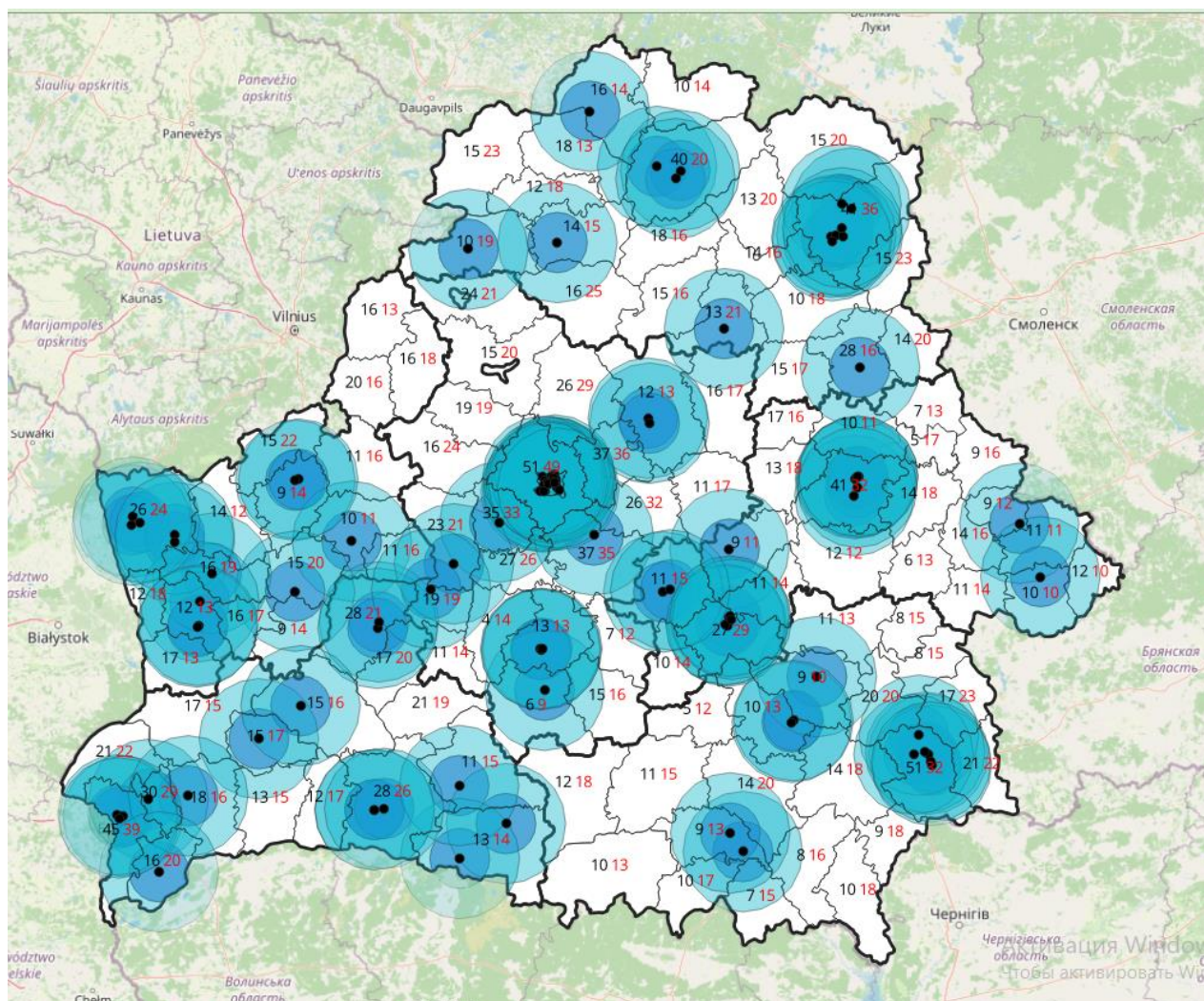

черная точка – градообразующее предприятие;
цифры черного цвета – индекс пересечения за 2009 г.;
цифры красного цвета – индекс пересечения за 2019 г.

Рисунок 2. – Индекс пересечения за 2009 и 2019 гг. с нанесенными градообразующими предприятиями

Для более точного определения районов, в рамках которых могут быть созданы межрайонные регулирующие структуры, а также районов, в первую очередь нуждающихся в реализации инвестиционных проектов для создания новых рабочих мест, могут быть построены изохроны транспортной доступности для градообразующих предприятий Республики Беларусь (рисунок 3).

По итогам построения изохрон транспортной доступности можно выделить следующие группы районов: **районы, полностью охваченные изохронами в силу расположения в них градообразующих предприятий** (не требуют значительного вмешательства в части регулирования рынка труда из-за отсутствия серьезной проблемы занятости и предлагаемые в качестве центров расположения предлагаемых *межрайонных структур регулирования региональных рынков труда*); **районы без градообразующих предприятий и не попавшие в границы изохрон** (требуют наибольшего участия государственных органов в части решения проблемы обеспечения занятости за счет реализации инвестиционных проектов для создания новых рабочих мест); **районы без градообразующих предприятий, частично охваченные изохронами** (требуют государственного внимания в части реализации инвестиционных проектов для создания рабочих мест). В последней группе районов важно учитывать степень охвата изохронами, что будет учтено далее при определении значимости районов по степени вмешательства государства.

**темно-синяя окружность меньшего диаметра – изохрон транспортной доступности в 30 км;
 светло-синяя окружность большего диаметра – изохрон транспортной доступности в 60 км**

Рисунок 3. – Изохроны транспортной доступности для градообразующих предприятий Республики Беларусь

Таким образом, перед органами государственного регулирования стоит задача такого расположения новых предприятий посредством реализации инвестиционных проектов, которое бы учитывало не только природные, экологические и экономические факторы, но и существующее размещение производительных сил, а также соответствующую транспортную инфраструктуру. Для выполнения данной задачи предлагается ввести уровни значимости районов по необходимости государственного вмешательства и очередности применения мер государственного регулирования в плане реализации инвестиционных проектов, размещения новых предприятий и организаций, а также применения соответствующих стимулирующих инструментов:

- районы первой значимости – характеризуются отсутствием градообразующих предприятий и нахождением вне изохронов транспортной доступности;
- районы второй значимости – характеризуются отсутствием градообразующих предприятий и небольшим процентом охвата территории изохронами транспортной доступности;
- районы третьей значимости – характеризуются отсутствием градообразующих предприятий и большим процентом (около половины) пересечения изохронами транспортной доступности, при этом часть территории остается вне досягаемости изохронов;
- районы четвертой значимости – отсутствие градообразующих предприятий, практически полное пересечение изохронами транспортной доступности;
- районы пятой значимости – наличие градообразующих предприятий и обусловленный этим полный охват изохронами;
- районы, отдельно вынесенные из групп значимости – районы, вошедшие в группы 1–3 по выделенным критериям, однако вынесенные отдельно, поскольку в них либо численность населения превышает 50 000 чел.

и/или имеются средние и крупные предприятия (Речицкий, Молодечненский и Сморгонский районы), либо реализуются крупные проекты, способствующие росту численности населения (Островецкий район) (таблица 1, рисунки 4–5).

Таблица 1. – Распределение районов по уровню значимости

Уровень значимости	Характеристика	Кол-во	Название района
Районы первой значимости	отсутствие градообразующих предприятий; нахождение вне изохронов транспортной доступности	6	Лельчицкий, Брагинский, Кормянский, Вилейский, Круглянский, Славгородский, Островецкий , Ошмянский, Сморгонский
Районы второй значимости	отсутствие градообразующих предприятий; небольшой процент охвата территории изохронами транспортной доступности	17	Ганцевичский, Браславский, Россонский, Житковичский, Петриковский, Октябрьский, Чечерский, Лоевский, Воложинский, Молодечненский , Глусский, Быховский, Краснопольский, Горецкий, Дрибинский, Мстиславский
Районы третьей значимости	отсутствие градообразующих предприятий; большой процент (около половины) пересечения изохронами транспортной доступности; часть территории остается вне досягаемости изохронов	16	Дрогичинский, Докшицкий, Лепельский, Ушачский, Шумилинский, Городокский, Толочинский, Хойникский, Речицкий , Ивьевский, Логойский, Крупский, Березинский, Бельничский, Чаусский
Районы четвертой значимости	отсутствие градообразующих предприятий; практически полное пересечение изохронами транспортной доступности	37	Ивановский, Каменецкий, Ляховичский, Пружанский, Бешенковичский, Дубровенский, Лиозенский, Миорский, Сенненский, Шарковщинский, Буда-Кошелевский, Ветковский, Добрушский, Ельский, Калинковичский, Наровлянский, Рогачевский, Берестовицкий, Вороновский, Зельвенский, Кореличский, Свислочский, Слонимский, Щучинский, Клецкий, Копыльский, Любанский, Мядельский, Смолевичский, Стародорожский, Узденский, Червенский, Кировский, Климовичский, Хотимский, Чериковский, Шкловский
Районы пятой значимости	наличие градообразующих предприятий; полный охват изохронами	42	Барановичский, Березовский, Брестский, Жабинковский, Ивацевичский, Кобринский, Лунинецкий, Малоритский, Пинский, Столинский, Верхнедвинский, Витебский, Глубокский, Оршанский, Полоцкий, Поставский, Чашникский, Гомельский, Жлобинский, Мозырский, Светлогорский, Волковысский, Гродненский, Дятловский, Лидский, Мостовский, Новогрудский, Островецкий, Борисовский, Дзержинский, Минский, Несвижский, Пуховичский, Слуцкий, Солигорский, Столбцовский, Бобруйский, Кличевский, Костюковичский, Кричевский, Могилевский, Осиповичский,
Районы, вошедшие в группы 1-3 по выделенным критериям, однако вынесенные отдельно по другим критериям	отсутствие градообразующих предприятий; неполный процент охвата территории изохронами транспортной доступности, однако численность населения более 50 000 человек и/или наличие средних и крупных предприятий, или реализация крупных проектов, способствующих росту численности населения		Островецкий (из первой группы, реализация проекта по строительству АЭС – резкий рост населения в 2 раза), Сморгонский (из первой группы, имеются средние промышленные предприятия), Молодечненский (из второй группы, население 88 000 человек, много средних предприятий), Речицкий (из третьей группы, население 64 000 человек, есть крупные предприятия)

С 2022 г. в Республике Беларусь реализуется программа «Один район – один проект», инициированная Президентом Республики Беларусь с целью равномерного распределения инвестиций, а, следовательно, равномерного развития районов страны. Программа подразумевает создание различного рода предприятий в каждом из районов страны. Однако, как показывает данное исследование, реализация инициативы «Один район – один проект» в каждом районе страны является нецелесообразной и приводит к размыванию средств бюджета либо созданию небольших нерентабельных предприятий, не способных обеспечить как свое равномерное развитие,

так и устойчивую занятость населения. При этом, строительство крупных предприятий в каждом районе страны также невозможно и нецелесообразно в силу отсутствия в некоторых из них достаточного количества необходимых ресурсов (как производственных, так и трудовых).

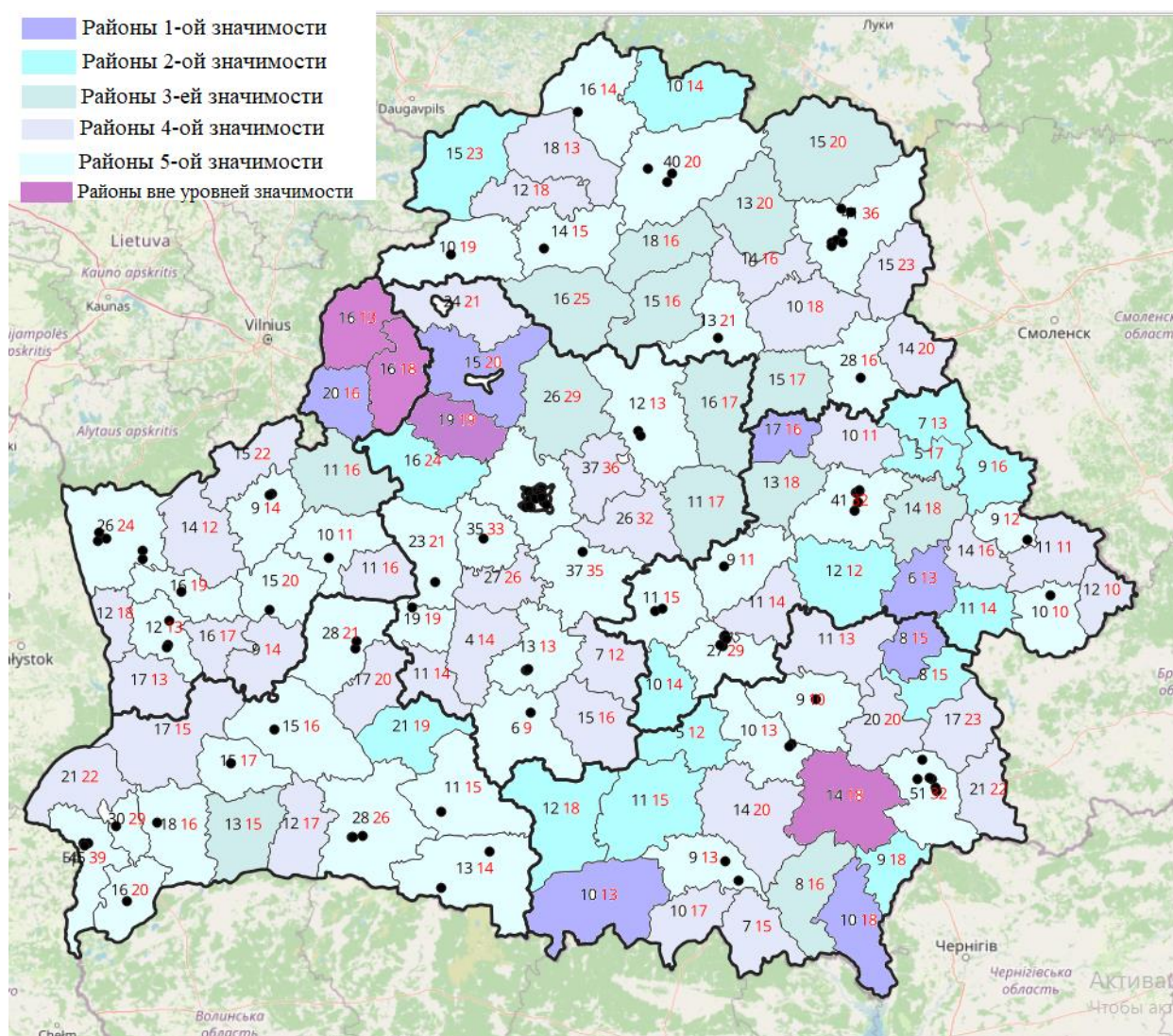

Рисунок 4. – Выделение районов по уровню значимости

Таким образом, на начальном этапе, экономически выгодным может быть реализация инвестиционных проектов по строительству крупных (или средних) предприятий в неких «опорных точках» – районах первой значимости. На следующем этапе, с учетом уже сложившейся структуры расположения крупных предприятий и направлений их деятельности, можно приступить к стимулированию появления в районах второй значимости организаций обслуживающего характера (не обязательно заводов, производящих продукцию), развивающих инфраструктуру, логистику, сферу услуг, малый и средний бизнес. Одновременно в районах третьей значимости предлагается реализация мер по стимулированию малого и среднего бизнеса для реализации небольших инвестиционных проектов также по созданию и развитию обслуживающих объектов. Районы четвертой значимости не требуют реализации крупных инвестиционных проектов, однако меры по стимулированию небольших проектов в сфере услуг могут быть предприняты. Районы пятой группы требуют мер государственного регулирования по модернизации и повышению уровня технологичности и конкурентоспособности действующих предприятий и организаций, а также по решению текущих проблем и задач региональных рынков труда. К районам, находящимся вне уровней значимости, предлагается применять меры регулирования, используемые для четвертого и пятого уровней значимости, включающие точечные меры поддержки, стимулирования малого и среднего бизнеса и модернизации действующих предприятий (без реализации крупных инвестиционных проектов) (см. рисунок 5).

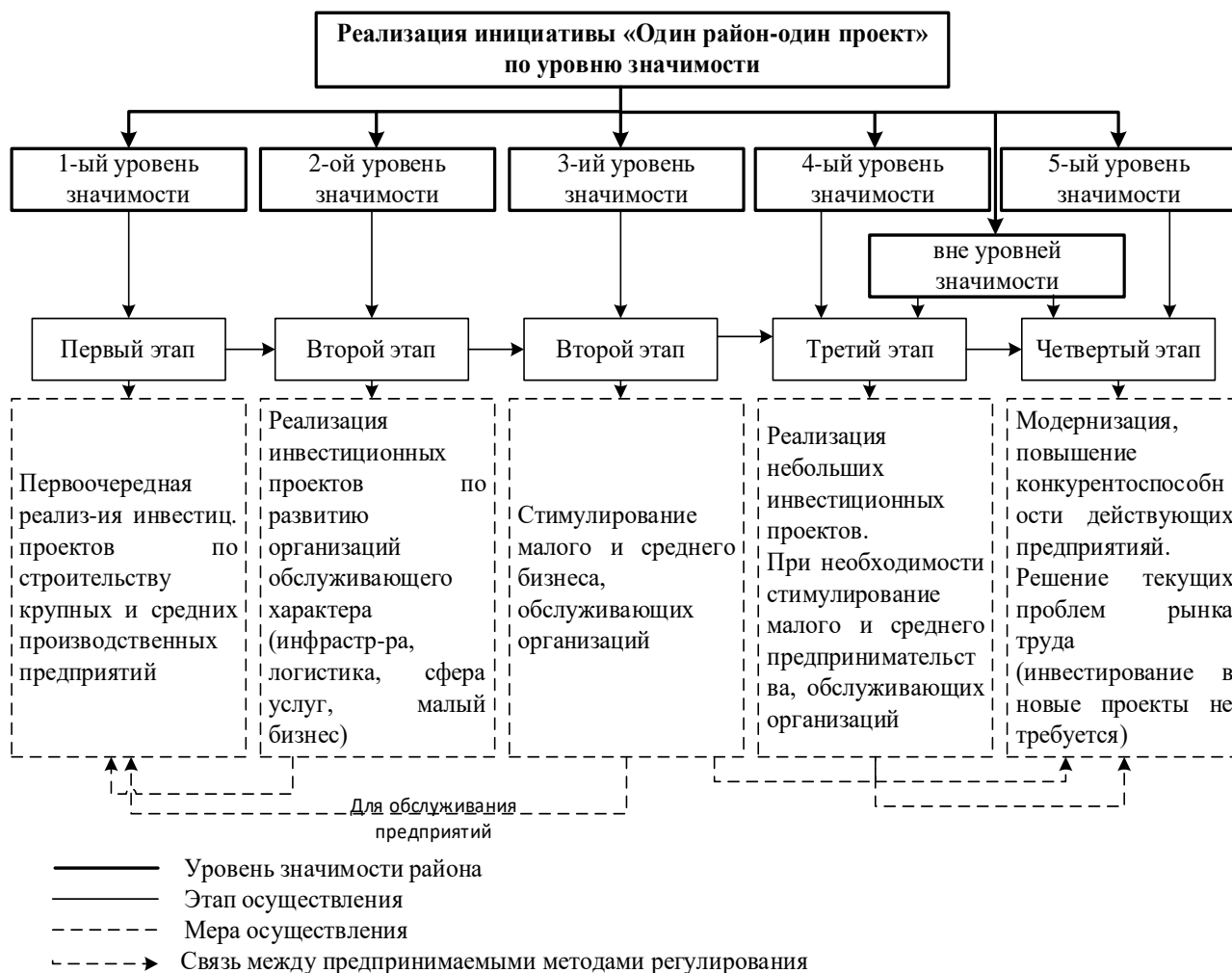

Рисунок 5. – Предложения по реализации инициативы «Один район – один проект» в районах по уровню значимости районов

Таким образом, реализацию инициативы «Один район – один проект» предлагается сконцентрировать преимущественно на районах первой и второй значимости, тем самым не допуская размывания и нецелесообразного использования бюджетных средств. Предлагаемый подход будет способствовать адресному решению проблем занятости на региональных рынках труда, что, в свою очередь, будет способствовать повышению уровня социально-экономического развития регионов. Практическая реализация подхода предполагает также развитие транспортной инфраструктуры, способствующей мобильности трудовых ресурсов и обеспечивающей взаимодействие предприятий между собой.

Заключение. Таким образом, трудоустройство граждан в районах, отличных от места жительства/регистрации, расширяет границы региональных (районных) рынков труда за пределы официально установленных границ административно-территориальных единиц (в нашем случае районов), а, следовательно, их регулирование не может осуществляться изолированно отдельными исполнительными и распорядительными органами (исполнительными комитетами) данных административно-территориальных единиц, что требует уточнения субъектов и объектов их государственного регулирования.

По итогам построения изохронов транспортной доступности районы были дифференцированы с учетом расположения в них градообразующих предприятий, что послужило основой введения уровней значимости районов по необходимости государственного вмешательства и очередности применения мер государственного регулирования.

Предложенные рекомендации по совершенствованию государственного регулирования региональных рынков труда обеспечивают более эффективную реализацию инвестиционных проектов за счет учета не только природных, экологических и экономических факторов, но и существующего размещения производительных сил, а также позволяют адресно подходить к осуществлению государственной политики занятости, обеспечивая более рациональное распределение бюджетных средств, в том числе в рамках реализации инициативы «Один район – один проект».

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркидонова А.В. Совершенствование механизма государственного регулирования региональных рынков труда // Белорусский экономический журнал. – 2023. – № 3. – С. 97–114.
2. Ридевский Г.В. Влияние агломерационных процессов на внутреннюю миграцию в Республике Беларусь // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 1. – С. 101–114.
3. Ридевский Г.В. Центрально-Белорусская конурбация как географическое открытие // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 19–20 мая 2022). – Минск: БГЭУ, 2022. – С. 127–128.
4. Antonov E. V. Labor Markets of Urban Agglomerations in Russia // Regional Research of Russia. – 2021. – Vol. 11, № 1. – P. 187–198.
5. Секушина И.А. Рынок труда городских агломераций: состояние и проблемы развития // Экономика труда. – 2024. – Т. 11, № 4. – С. 525–548.

Поступила 10.03.2026

**IMPROVEMENT OF STATE REGULATION OF REGIONAL LABOR MARKETS
IN THE REPUBLIC OF BELARUS, TAKING INTO ACCOUNT
THEIR TERRITORIAL ORGANIZATION**

A. MARKIDONOVA
(Belarus State Economic University, Minsk)

The article develops practical recommendations for improving state regulation of regional labor markets in the Republic of Belarus, taking into account their territorial organization: the discrepancy between the spatial boundaries of regional labor markets and administrative-territorial boundaries is substantiated, which made it possible to clarify the subject and object of their state regulation. The distribution of districts according to the level of importance of government intervention in the implementation of investment projects is proposed based on the location of city-forming and large enterprises and the degree of coverage of the territory by isochrons of transport accessibility. On this basis, a differentiated approach to the implementation of the "One District, One Project" initiative has been developed, which helps to increase the targeting of state regulation of regional labor markets and the efficiency of using budget funds.

Keywords: *regional labor markets, state regulation, territorial organization, subject of regulation, object of regulation, transport accessibility, levels of significance, differentiated approach.*

УДК 314.3+314.04+314.18

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-17-25

ПРОЕКТ «РОДИТЕЛЬСТВО»: МОТИВАЦИЯ, ИЗДЕРЖКИ, ОКУПАЕМОСТЬ И МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ**Р.Д. САРВАРИ***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)***ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3001-1950>**

Статья посвящена анализу исследовательского пробела – недостаточной интеграции экономических и социологических механизмов, направленных на изучение издержек в контексте родительства, а также формирования инструментов индуцирования воспроизводства населения. Статья показывает, каким образом рентабельность проекта «Родительство» сказывается на его инвестиционной привлекательности со стороны прямых участников процесса воспроизводства (родителей ребенка). Цель – выявить экономическую привлекательность проекта «Родительство» через расчет авторского показателя – стоимости приобретения человеческого капитала (Human Capital Acquisition Cost). Методологическая основа: общедоступные источники данных, отражающих демографические и социально-экономические показатели на уровне Республики Беларусь и зарубежных стран. Результаты: проект «Родительство» не обладает признаками инвестиционной привлекательности ввиду долгого периода окупаемости, однако инвестиционное вовлечение прямых и непрямых участников процесса воспроизводства может быть урегулировано через качественный подбор параметров проекта.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке мер семейной и пронаталистской политики, а также в социоэкономических исследованиях труда и демографии. Дальнейшие исследования требуют эмпирической верификации на региональных выборах, включая страны малой экономики, которые близки по социально-экономическому устройству к белорусскому государству.

Ключевые слова: *воспроизводство населения, издержки воспроизводства, механизмы индуцирования рождаемости.*

Введение. Современная социально-экономическая система имеет множество механизмов, позволяющих соблюдать баланс интересов общества на множестве уровней. Говоря о репродуктивной модели, биологическое устройство и преимущество женщин в классическом понимании позволяет им осуществлять функцию воспроизводства напрямую, когда в классическом варианте для рождения ребенка достаточно биологического материала мужчины. Доступ мужчин к воспроизводственной функции ограничен и в классическом понимании является непрямым, так как мужчина не может самостоятельно выносить и родить ребенка, лишь только принимать участие в качестве родителя. На уровне экономики данная модель условно уравнивается посредством неравного доступа женщин к карьерным возможностям, ограничению при трудоустройстве на выбранные специализации, а также, как будет показано в теоретической части исследования, посредством неравной оплаты труда. И, если в одном случае ограничение обусловлено заботой о женщине, ее здоровье для выполнения воспроизводственной функции (ст. 262 Трудовой Кодекс Республики Беларусь, а также постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 12.06.2014 г. № 35 (ред. от 06.06.2022 г.)), то в других случаях ограничения отчасти являются пережитком предшествующей исторической модели общественного устройства, которому присущи домохозяйство и социальные роли мужчины и женщины в классическом понимании, когда женщина – супруга, мать детей, а мужчина – супруг, отец детей, принимает роль добытчика в семье. Однако вместе с тем как реализуется процесс демографического и гендерного переходов, следующим образом меняются роли и смещаются обязанности, а именно: мужчина не всегда является основным добытчиком в семье, а женщина не в 100% случаев занимается только домохозяйством и воспитанием детей. В данном контексте, современная белорусская социально-экономическая модель ориентирует оба гендера (мужчин и женщин) на равноправие в части доступа к образованию, здравоохранению, оплачиваемому труду, карьерным возможностям. Тем не менее в силу исторических, ментальных, культурных и биологических особенностей данная модель реализации прав и функций производства и воспроизводства ограничена по обе стороны гендера.

В данном контексте подчеркивается, что цель исследования заключается не в обсуждении моральной справедливости распределения ролей, а в указании на необходимость пересмотра модели индуцирования рождаемости в условиях современной гендерной экономики. Как следствие актуальным является представление модели регулирования воспроизводства и процесса его индуцирования, а также институциональной модели и ее участников. В этой связи проект «Родительство» представляет собой трехсторонний договор между прямыми участниками процесса (родители ребенка) и непрямые участники – заинтересованными сторонами (государство и рынок труда в лице работодателя). Научное обоснование представлено теоретическим анализом существующих подходов к изучению демографических процессов и издержек воспроизводства, а также аналитической частью и авторской экономической моделью оценки НСАС (human capital acquisition cost – англ. ‘стоимость приобретения человеческого капитала’). Сформулированные выводы позволяют выявить некоторые из множества барьеров (в том числе экономических), препятствующих росту воспроизводства, а также оценить рентабельность проекта «Родительство», основные составляющие и возможные детерминанты процесса индуцирования в трехстороннем воспроизводственном договоре.

Основная часть. Для целей теоретического анализа изучены отечественные и зарубежные исследования по теме воспроизводства, мотивации данного процесса и демографического анализа. Существует множество подходов к анализу причинно-следственных связей и зависимостей в теории воспроизводственного поведения. Настоящее исследование не ориентируется на систематизацию и структурирование теории, а призвано выявить тенденции в демографических вопросах, что в последующем станет базисом обоснования институциональной модели индуцирования воспроизводства населения.

Гендерное распределение социальных функций формировалось исторически и отражает смену хозяйственных укладов и норм солидарности: движение от племенных форм к домохозяйству, от коллективистских ценностей к индивидуализму задавало рамку для организации родительской занятости и распределения времени между уходом и оплачиваемой деятельностью [1]. В этой рамке конфликт между трудом и созданием семьи становится ключевым фактором, влияющим на демографические исходы: чем выше напряжение между карьерными требованиями и репродуктивными планами, тем заметнее сдерживается деторождение [2]. Соответственно, институциональные решения (симметричные непереходимые отпуска для обоих родителей и адекватные денежные выплаты) рассматриваются как инструмент выравнивания возможностей матери и отца, а также как частичная компенсация альтернативных издержек, возникающих при рождении ребенка. Однако прямая бюджетная поддержка, ограниченная ранними годами жизни ребенка, неизбежно сталкивается с фактом длительной финансовой и эмоционально-психологической нагрузки, которую несут родители вплоть до взрослости детей. Государственная компенсация при этом остается слабо чувствительной к различиям в траекториях инвестиций в человеческий капитал потомства: семьи, ориентирующиеся на высококвалифицированное образование и длительный период подготовки, фактически субсидируют будущие общественные выгоды в том же объеме, что и семьи с иными образовательными приоритетами. Следовательно, вопрос о справедливом распределении издержек и выгод родительской работы выходит за пределы раннего детства и требует переосмысления принципов адресности социальной политики.

С теоретической точки зрения выбор в пользу рождения и воспитания детей разворачивается в условиях жестких ограничений времени и бюджета: ресурсы, потраченные на одну цель, недоступны для другой, поэтому индивиды неизбежно заключают компромиссы между самоинвестированием, текущим поддержанием жизни и будущим воспроизводством [3; 4]. Эти компромиссы модифицируются как индивидуальными характеристиками (вложенный капитал, здоровье), так и параметрами среды, например, неопределенностью и дефицитом ресурсов [5]. На макроуровне исходы таких частных балансировок проявляются через экономику безвозмездной домашней занятости, где значительная часть ухода (от приготовления пищи до заботы о детях и пожилых) выполняется женщинами и остается невидимой в национальных счетах. Впоследствии, как показывают оценки международных организаций, неучтенный неоплачиваемый труд снижает наблюдаемую производительность и темпы роста; в противовес, более равномерное распределение такого труда повышает эффективность использования рабочей силы и способствует экономическому расширению [6]. Тем самым сокращение временных затрат на домашний уход закономерно связано с увеличением участия женщин в рынке труда, а спектр потребностей домохозяйства (количество малолетних, больных и престарелых) обратно коррелирует с их экономической активностью [7].

На уровне рынка труда гендерная асимметрия проявляется в разрывах между показателями занятости, оплаты труда и дискриминационных практик [8]. При этом гендерная сегрегация и дифференциалы зарплаток одновременно поддерживают зависимость женщин и сужают поле их экономического влияния [9]. Некоторые эмпирические исследования фиксируют устойчивые компоненты потерь, например, штраф материнства, цена быть женщиной и премия отцу [10; 11]. В то время как выбор неполной занятости и увеличение времени ухода (неоплачиваемый труд) ограничивают карьерный рост и доходы, усиливая альтернативные издержки инвестиций в качество человеческого капитала ребенка [12]. Дополнительно склонность работодателей минимизировать социальные обязательства по репродуктивной функции повышает риски безработицы у молодых, особенно бездетных, женщин [13]. При этом международные сопоставления показывают, что степень разрывов варьируется институционально, например, в Скандинавии они ниже за счет высокой занятости женщин, тогда как в странах Центрально-Восточной Европы наблюдается меньшая разница в рабочих часах, что нивелирует часть разрывов [14].

В связи с указанным и для целей выявления зависимости с демографическим поведением полезно обратиться к существующим теоретическим моделям. В данной теме различают несколько стратегий, среди которых «медленные» стратегии – крупные вложения в развитие потомства с фокусом на его качество, и «быстрые» – раннее деторождение с фокусом на количество с меньшими инвестициями на ребенка [15–18]. В связи с этим теория запланированного поведения объясняет, как установки, социальное одобрение и воспринимаемый контроль формируют намерения и, в конечном счете, поступки [19; 20; 15; 21]. В свою очередь теория управления страхом подчеркивает стремление к бессмертию через культурные и биологические механизмы [22; 23], а гипотеза наследственной конкуренции описывает замену генетического наследия карьерой и богатством [24–26]. Наконец, «династические» и контрактные семейные модели фокусируются на межпоколенческих трансфертах, показывая, как публичные пенсии могут вытеснить частную поддержку и, тем самым, влиять на фертильность [27]. Совокупность всех этих факторов показывает, что стоимость времени, нормативные ожидания и конфигурация институтов напрямую встраиваются в индивидуальные репродуктивные решения, меняя нормы и ценности, а, следовательно, и динамику воспроизводства [28].

Как демонстрируют современные исследования, нормы и ценности усиливают или смягчают описанные выше механизмы воздействия на воспроизводственное намерение и поведение. В одних обществах религиозно

закрепленная модель «Мужчина-кормилец, женщина-хранительница домашнего очага» сохраняет разделение домашних обязанностей. В других религиозных устройствах утверждается более симметричное участие мужчины и женщины в разделении обязанностей в системе работа – дом. При этом, несмотря на культурное разнообразие, глобальная картина остается схожей, например, женщины несут большую часть неоплачиваемого и неучтенного труда [29]. Во многом именно от того, будет ли эта часть нагрузки перераспределена и обеспечена соответствующей инфраструктурой, зависит, трансформируется ли рост женской занятости в сокращение инвестиций в человеческий потенциал или, напротив, положительно скажется на росте рождаемости [30]. В дополнение, международные обзоры подтверждают, что в странах с низким доходом преобладают стратегии совмещения неформальной занятости и неоплачиваемого труда, в то время как в экономиках среднего уровня неравенство и раннее материнство способствуют дисбалансу, а в богатых странах социальная защита повышает баланс распределения обязанностей в контексте дом – работа, хотя и не устраняет связанные с этим перерывы в карьере [31; 32].

Следуя логической цепи исследования теории воспроизводства, стоит отметить важность зависимости микромеханизма фертильности от качества партнерства и семейных связей. Для примера, поддерживающие отношения и вовлеченность партнера в воспитание детей усиливают позитивное отношение к беременности внутри семьи, а территориальная близость с родителями и доступ ко времени бабушек и дедушек чаще оказываются важнее финансовых трансфертов [33–38]. При этом субъективная высокая стоимость детей (как прямая, так и альтернативная) ассоциирована с более поздними первыми родами и меньшим числом детей, тогда как культурная поддержка родительства частично гасит карьерные конфликты [39–41]. Здесь стоит отметить важность мотивации, которая носит краткосрочный характер, однако имеет место в процессе воспроизводства. Положительные мотивы усиливают отклик на медицинские и отпускные меры, тогда как отрицательная мотивация снижает чувствительность к денежным и жилищным стимулам [42–43].

В заключение теоретической части анализа важно отметить эмпирическую составляющую, которая фиксирует перевернутую J-образную связь между гендерным равноправием и фертильностью, когда при частичном распространении гендерной паритетности деторождение снижается, а при полном охвате институтов и домохозяйств вновь растет [44]. Этот результат, однако, следует учитывать вместе с биологической асимметрией репродуктивной функции, когда окно фертильности женщин ограничено, а пики карьерной конкуренции приходится на те же годы. Как следствие, даже при формальном равном доступе к профессиональным возможностям альтернативная стоимость материнства остается высокой [45].

Данные и методика исследования. Для целей проведения исследования использовались общедоступные источники данных, среди которых:

- демографические и социально-экономические показатели, оцениваемые в регулярных ежегодных статистических сборниках Национального статистического комитета Республики Беларусь;
- статистика открытого доступа Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР);
- данные и метаданные Глобального отчета о гендерном разрыве за 2024 год по методологии Всемирного экономического форума;
- статистика открытого доступа Европейского института гендерного равенства;
- данные World Bank;
- данные регулярной ежегодной статистической отчетности ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин («ООН – женщины»).

Модель. На основании теоретической части исследования проведен анализ распределения гендерных ролей в производственной и воспроизводственной функциях по выбранным странам (а именно, Швеция, Германия, Франция, Израиль, Венгрия, Великобритания, Польша, Испания, Иран). Шкала от 0 до 1 отражает относительный уровень участия (0 – минимальное участие, 1 – максимально возможное). На столбчатой диаграмме (рисунок 1) представлены результаты оценки.

В большинстве анализируемых стран мужчины устойчиво доминируют в производственных функциях, тогда как женщины чаще вовлечены в воспроизводственные функции. При этом наиболее сбалансированное распределение гендерных ролей наблюдается в странах Западной Европы (Швеция, Германия, Франция, Великобритания), где показатели женщин и мужчин по обеим функциям близки друг к другу. В то же время в странах Центральной и Восточной Европы (Венгрия, Польша) фиксируется заметное смещение показателей, когда женщины сильнее связаны с воспроизводственными функциями, а мужчины больше вовлечены в производственную сферу. На примере Испании и Израиля видно, что население занимает промежуточное положение, демонстрируя тенденцию к постепенному выравниванию ролей мужчин и женщин. На фоне Европейских стран Иран выделяется наибольшей асимметрией: мужчины почти полностью доминируют в производственных функциях, а женщины представляют исключительно воспроизводственную функцию.

Для целей репрезентативности выводов проанализирована статистика уровня вовлеченности женщин в рабочую силу. Во внимание приняты данные Мирового Банка (World Bank). Так, в 2024 г. глобальное соотношение участия женщин к мужчинам в рабочей силе составило 69,65%, что указывает на сохраняющийся гендерный дисбаланс в мировой экономике. Среди стран с наибольшим гендерным равенством выделяются Израиль (91,03%), Швеция (90,43%), Франция (86,76%), Великобритания (86,41%) и Испания (84,28%). Германия (83,88%) и Беларусь (81,07%) также демонстрируют высокий уровень участия женщин. Венгрия (79,39%), Российская Федерация (79,35%) и Польша (77,98%) занимают промежуточные позиции, тогда как Италия (70,41%)

лишь незначительно превышает мировой средний показатель. Наиболее низкий уровень занятости женщин зафиксирован в Иране (20,28%), что указывает на глубокие гендерные различия в доступе к трудовой деятельности.

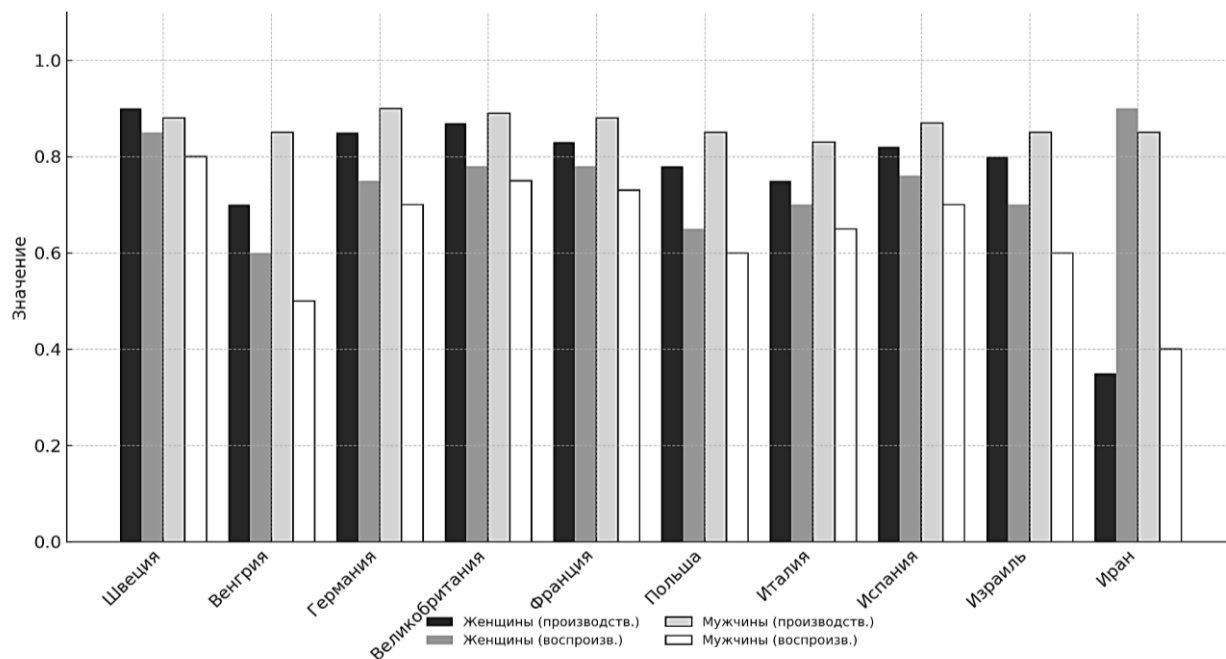

Рисунок 1. – Распределение гендерных ролей по странам

Анализ показателей фертильности за период 1960–2024 гг. представлен на рисунке 2.

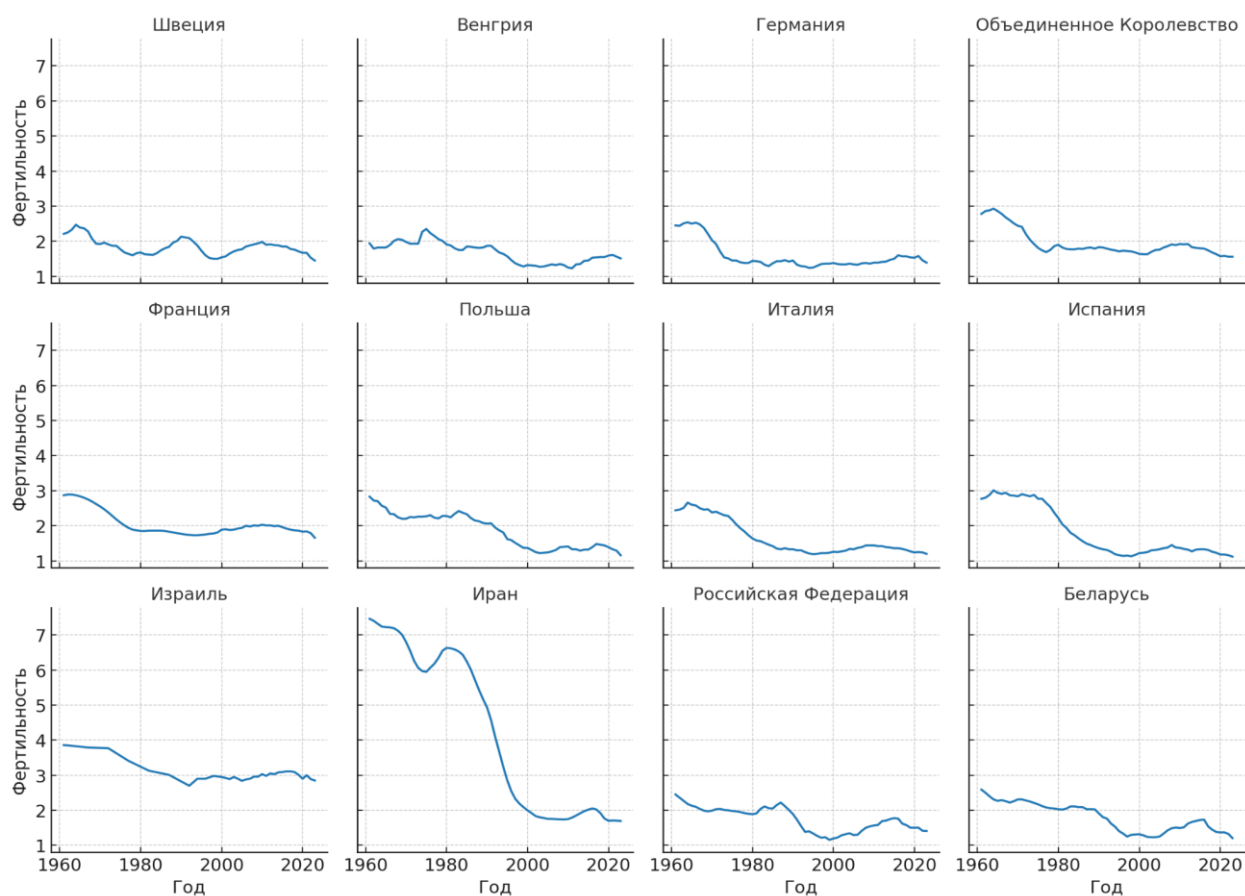

Рисунок 2. – Динамика показателей фертильности по выборке стран (Швеция, Венгрия, Германия, Объединенное Королевство, Франция, Польша, Италия, Испания, Израиль, Иран, Российская Федерация, Беларусь) за период 1960 – 2024 гг.

Данные наглядно подтверждают общеевропейские тенденции в отношении суммарного коэффициента рождаемости (см. рисунок 2). Например, в Российской Федерации и Беларуси в период 1961–2023 гг. показатель снижается и располагается ниже уровня простого воспроизводства. Примечателен факт, что оба государства повторяют схожую траекторию в динамике показателя, когда всплеск рождаемости в конце 1980-х сменился его резким падением в 1990-е гг. и далее наблюдается кратковременный подъем в 2010-е гг. с последующим снижением до 2023 г. Вместе с тем современные показатели Беларуси сопоставимы с низкими значениями в Италии и Испании, в том время как динамика Российской Федерации (1,41) остается чуть выше средневропейского уровня. В сравнении с европейскими странами на контрасте сильно выделяются азиатские страны, такие как Израиль (2,85), Иран (показатель снизился с более 7 детей до менее 2 детей за анализируемый период). Кроме того, эмпирический анализ дисперсии и конвергенции на выбранных показателях показал существенное сокращение разброса в индикаторе фертильности между изучаемыми странами. Для примера предлагается взять период после 2020 г., за который фертильность в указанных странах сократилась почти втрое. Исходя из этой динамики отмечается глобальное выравнивание демографических показателей, что, с другой стороны, подчеркивает значимость все нарастающей проблемы снижения популяции населения и показателя воспроизводства.

В современной экономической системе, где присутствует свободный доступ к знаниям, ресурсам и информации, модель воспроизводства больше не может быть основана исключительно на социальных интересах индивидов и государства. К потребностям общества такая модель должна добавить инвестиционную выгодность проекта под названием «Родительство». Иными словами, воспроизводственная модель, на наш взгляд, должна учитывать три стороны процесса (прямые и косвенные участники): родитель, работодатель и государство. Каждая из сторон несет издержки и получает бенефиты в долгосрочной и краткосрочной перспективе от участия (косвенного или прямого) в процессе воспроизводства. При этом стимулирование воспроизводства в такой модели основано на прозрачности мотивации трехстороннего договора между родителем, работодателем и государством, а сама модель ориентирована на рост показателя фертильности. Важно, что итоговый оцениваемый показатель в матричных расчетах – Human Capital Acquisition Cost (с англ. ‘Стоимость приобретения человеческого капитала’). Через расчеты аргументируется стоимость человеческого капитала и базовые стимулы роста показателя фертильности. В будущем данная модель может корректироваться как на уровне региона (мезоуровень), так и на уровне страны (макроуровень). Модель также может видоизменяться в зависимости от потребностей экономики, социальной политики, а также географической зоны применения. Гибкий подход, предложенный в модели, позволяет направлять показатель воспроизводства через его стоимость и регулировать посредством ориентации на инвестиционную выгоду, выражаемую в долгосрочной прибыли для каждой из сторон трехстороннего договора. Важно отметить отсутствие привязки к полу: родителем-выгодоприобретателем в авторской модели может выступать как отец (мужчина), так и мать (женщина) ребенка. При этом могут быть рассмотрены множественные сценарии родительства, например, когда у ребенка имеются оба родителя или когда один из родителей отсутствует в принципе или не участвует в воспитании ребенка по объективным причинам (не реализует функцию эксплуатации).

Для целей настоящего исследования автор принимает во внимание сценарий одиночного воспитания ребенка, когда в воспроизводстве участвуют оба родителя, но бремя эксплуатации возлагается на одного из них. Данная авторская позиция имеет статистическую обоснованность: в виду снижения ценности брака как семейного института (например, в Республике Беларусь показатель брачности в 2024 г. составлял 46,2 тыс. браков, что более чем в 2 раза меньше соответствующего показателя в 1990 г. и на 17,5% меньше показателя 2023 г.); дисбаланса в численности мужчин и женщин (например, в Республике Беларусь 54% населения составляют женщины. Показатель стабилен с 2020 по 2024 год. В предыдущие годы наблюдалось небольшое изменение в сотых долях в численности мужчин, что несущественно для авторского анализа), снижение уровня рождаемости объективно приводит к необходимости отвязки института родительства от создания семьи или партнерства для воспроизводства. Потребность реализации в роли родителя – это исключительное право каждого гражданина, которым он свободен воспользоваться и реализовать вне привязки к наличию стабильного и/или платежеспособного партнера. Поддерживающими сторонами в процессе выступают заинтересованные стороны договора – работодатель и государство – каждый из которых, в свою очередь, приобретает свой перечень выгод от поддержки воспроизводства.

Для проведения моделирования на основе авторского подхода был принят во внимание показатель номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников Республики Беларусь в 2024 году. Он выступает индикатором финансовой оценки труда родителя в стране, а также выражает средние издержки родительства в случае рождения ребенка и необходимости оформления отпуска по уходу за ребенком.

Как показывают данные таблицы 1, при распределении издержек воспроизводства между государством и работодателем в первый год предлагается следующая модель. Государственные институты компенсируют родителю 80% от средней заработной платы по региону. Остальные 20% списываются с баланса работодателя родителя. При этом данный механизм учитывает различия в уровне оплаты труда, а именно, если фактическая заработная плата превышает среднерегиональный показатель, то возникающую разницу покрывает работодатель, в противном случае, если заработная плата ниже регионального среднего уровня, возникает необходимость разработки дополнительных компенсаторных механизмов. В этом случае требуется определить субъект компенсации (государство или работодатель), а также степень и форму покрытия данной разницы.

Таблица 1. – Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников Республики Беларусь в 2024 году по регионам, BYN¹

Регион	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
Среднемесячная заработная плата	1989,20	1899,60	2016,60	2010,00	3024,70	2286,80	1895,1
Итого за 12 мес.	23870,40	22795,20	24199,20	24120,00	36296,40	27441,60	22741,2
Годовые отчисления государства, 80%	19096,32	18236,16	19359,36	19296,00	29037,12	21953,28	18192,96
Годовые отчисления работодателя, 20%	4774,08	4559,04	4839,84	4824,00	7259,28	5488,32	4548,24
Средний показатель затрат по всем регионам за 12 мес.			2160,29				
Предполагаемые годовые отчисления государства, от среднего показателя, 80%			20 738,74				
Предполагаемые годовые отчисления работодателя, от среднего показателя, 20%			5184,69				

Следующий этап моделирования предполагает оценку периода реализации функции эксплуатации родителем и среднюю стоимость данного труда – базовые издержки родительства. Здесь автор не учитывает дополнительные издержки (ввиду отсутствия единого подхода к расчетам и высокой индивидуализации каждого отдельного родителя по уровням образования, карьерного и финансового статуса на момент рождения ребенка), которые родитель может нести в период воспитания ребенка с 1 года до 18 лет (до достижения им совершеннолетия с целью сепарации как в легальном, так и финансовом смысле). К данным вторичным издержкам могут быть отнесены карьерные потери, энергетические потери, а также другие финансовые и нефинансовые издержки. Для базовых расчетов автором принят во внимание бюджет прожиточного минимума в Республике Беларусь на период 2025 года.

Таблица 2. – Бюджет прожиточного минимума в Республике Беларусь на период 2025 года и затраты родителя в оцениваемый период воспитания ребенка, BYN²

Количество лет	18	
Количество месяцев в году	12	
Количество месяцев за 18 лет	216	
Бюджет прожиточного минимума 2025 год		
до 3 лет	301,5	
от 3 до 6 лет	406,1	
от 6 до 18 лет	476,97	
Итого затраты родителя в разрезе лет ребенка		Количество месяцев в периоде
до 3 лет	10 854	36
от 3 до 6 лет	14 619,6	36
от 6 до 18 лет	68 683,68	144
Итого базовые затраты родителя за 18 лет		
		94 157,28

Как видно по данным таблицы 2, на протяжении всего периода взросления ребенка родитель несет базовые затраты в материальном выражении, максимум по которым достигается в промежуток с 6 до 18 лет. В данном случае автором принимается во внимание удовлетворение базовых потребностей ребенка, в то время как необходимость дополнительной инвестиции в качество человеческого капитала (дополнительно образование или навыки) оценивается и спонсируется самим родителем. При таком подходе проект «Родительство» – инвестиционный проект, ROI (Return on Investments, с англ. 'Возврат на инвестиции'), регулируемый родителем индивидуально в зависимости от ожидаемых будущих компенсаций (возврата на инвестиции). Формой данной компенсации автором предлагается рассматривать родительскую пенсию, которая формируется из отчислений с заработной платы ребенка, начиная с его первого рабочего дня. Процент таких выплат носит фиксированный характер, а итоговое материальное выражение напрямую зависит от а) стоимости человекокапитала ребенка – уровень оплаты его труда, б) мотивации со стороны ребенка отчислять больший процент родителю, с) мотивации и предпосылок со стороны родителя получать больший процент отчислений в родительскую пенсию.

Для моделирования родительской пенсии взяты в расчет показатели номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников Республики Беларусь в 2024 году в разрезе сфер труда³. Последующий этап –

¹ Источник данных – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/stoimost-rabochey-sily/godovye-dannye/nominalnaya-nachislennaya-srednemesyachnaya-zarabotnaya-plata-po-oblastyam-i-g-minsku/>.

² Источник данных – URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2025/july/89643/>.

³ URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/stoimost-rabochey-sily/godovye-dannye/nominalnaya-nachislennaya-srednemesyachnaya-zarabotnaya-plata-po-oblastyam-i-g-minsku/>.

общий расчет Human Capital Acquisition Cost (далее – HCAC) для участников трехстороннего договора воспроизводства (таблица 3).

Таблица 3. – Расчет HCAC для участников трехстороннего договора воспроизводства

Показатели за период	Затраты	Форма ROI
Со стороны работодателя, 12 мес., BYN	5184,69	Лояльность родителя как работника + наполнение рынка труда человеком капиталом + льготы и компенсации со стороны государства за поддержку воспроизводства и др.
Со стороны государства, 12 мес., BYN	20 738,74	Налоги и др.
Со стороны родителя, 18 лет, BYN	94 157,28	Отчисления в родительскую пенсию и др.

Примечание – данные для расчетов взяты с таблиц 1, 2.

Таким образом, формой ROI в рамках договора родительства для трех сторон выступает множество бенефитов, которое не ограничивается в материальном выражении и может видоизменяться в зависимости от социальных и экономических потребностей/возможностей региона.

В дальнейшем с целью прикладной оценки выгодности проекта родительства рассчитывается срок его окупаемости для родителя. Для расчетов приняты средние показатели отчислений в родительскую пенсию по Республике Беларусь (см. таблицу 3).

Общие инвестиции на момент расчетов (I_0) = 94 157,28 BYN (см. таблицы 2, 3). Ежемесячный денежный поток (CF) в % от суммы номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников Республики Беларусь в 2024 году составил 2288,6 BYN по каждому сценарию:

Сценарий 1% $CF = 22,9$ BYN

Сценарий 2% $CF = 45,8$ BYN

Сценарий 5% $CF = 114,4$ BYN

Накопленный поток по месяцам ($CUMt$) рассчитывается по формуле (1):

$$CUMt = t \cdot CF, \tag{1}$$

где t – номер периода, мес.;

CF – ежемесячный денежный поток отчислений (инвестиций) в родительскую пенсию, ден. ед.

Период окупаемости (PP) – момент, когда $CUMt \geq I_0$. Так как поток предполагается постоянным, расчет периода окупаемости производится по следующим формулам:

1) в месячном выражении $PP = I_0 / CF$;

2) в годовом выражении PP , лет = $PP / 12$.

Таблица 4 – Результаты расчетов периодов окупаемости проекта родительства в зависимости от процентного выражения отчислений в родительскую пенсию⁴

Сценарий родительской пенсии	PP месячный, мес.	PP годовой, лет
1%	4111,67	342,64
2%	2055,84	171,32
5%	823,05	68,59

Результаты исследования. Проведенные расчеты показали, что при исходных параметрах проект «Родительство» не обладает признаками инвестиционной привлекательности, так как срок его окупаемости в зависимости от рассматриваемого сценария составляет от 68,6 лет (при доходности 5%) до 343 лет (при доходности 1%) с момента рождения ребенка. Таким образом, даже в наиболее благоприятном сценарии период возврата инвестиций остается чрезмерно продолжительным и значительно превышает экономически приемлемые горизонты планирования (ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Республике Беларусь по данным Национального статистического комитета в 2024 году составляет 74,7 года). Это позволяет сделать вывод о нецелесообразности реализации проекта в текущей конфигурации. Для обеспечения приемлемого уровня эффективности с меньшим сроком окупаемости автор рассматривает множество вариантов, среди которых как существенное увеличение ежемесячного чистого денежного потока (отчислений в родительскую пенсию), сокращение первоначальных капитальных вложений (затраты на ребенка), дополнительная компенсация со стороны других участников трехстороннего договора в проекте родительство (государство и работодатель), так и другие, более кастомизированные конфигурации, которые будут рассмотрены на следующем этапе данного научного исследования.

Заключение. В контексте проведенного исследования представлено несколько вариаций «кэшбека» за родительский труд, срок возврата которых показан в различных вариациях и зависит от множества составляющих. Высокий срок окупаемости негативно сказывается на выгодности проекта «Родительство», однако является регулируемым как прямыми, так и косвенными участниками процесса воспроизводства. Со стороны родителя для

⁴ URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/stoimost-rabochey-sily/godovye-dannye/nominalnaya-nachislennaya-srednemesyachnaya-zarabotnaya-plata-po-oblastyam-i-g-minsku/>

снижения порога возврата инвестиций рождение ребенка должно осуществляться в более раннем возрасте. Другим сценарием является количественное выражение затрат на воспитание и развитие ребенка, когда формула возврата регулируется через уменьшение затратной части проекта. Третьим вариантом является повышение коммерческой выгоды проекта посредством простого увеличения отчислений в родительскую пенсию либо через комбинацию качественного роста инвестиции для повышения человеческого капитала ребенка и будущего увеличения возврата в родительскую пенсию как в процентном, так и в натуральном выражении. Со стороны неярких участников процесса при этом могут быть рассмотрены множественные сценарии родительства, например, когда у ребенка имеются оба родителя или когда один из родителей отсутствует в принципе или не участвует в воспитании ребенка по объективным причинам (не реализует функцию эксплуатации). При этом данный механизм учитывает различия в уровне оплаты труда, а именно, если фактическая заработная плата превышает среднерегиональный показатель, то возникающую разницу покрывает работодатель, в противном случае, если заработная плата ниже регионального среднего уровня, возникает необходимость разработки дополнительных компенсаторных механизмов. В этом случае требуется определить субъект компенсации (государство или работодатель), а также степень и форму покрытия данной разницы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пшеничникова М.М. Родительский труд как объект экономического анализа // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 39(204). – С. 23–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roditelskiy-trud-kak-obekt-ekonomicheskogo-analiza/viewer>.
2. Багирова А.П., Бледнова Н.Д., Нецатаев А.В. Факторное моделирование мнений российских родителей о влиянии системы отпусков по уходу за ребенком на рождаемость // Население и экономика. – 2024. – № 8(2). – С. 97–113. DOI: <https://doi.org/10.3897/pepecon.8.e106333>.
3. Stearns S. C. Trade-offs in life-history evolution // Functional ecology. – 1989. – Vol. 3/ – P. 259–268. DOI: <https://doi.org/10.2307/2389364>.
4. Death, hope, and sex: life-history theory and the development of reproductive strategies [and comments and reply] / J. S. Chisholm, P. T. Ellison, J. Evans et al. // Current anthropology. – 1993. – № 34. – P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1086/204131>
5. Ellis B. J., Figueredo A. J., Brumbach B. H., Schlomer G. L. Fundamental dimensions of environmental risk // Human nature. – 2009. – Vol. 20. – P. 204–268. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12110-009-9063-7>.
6. Подольная Н.Н. Экономическая пассивность населения на рынке труда // Экономический анализ: теория и практика. – 2015. – № 14. – С. 38–45.
7. Винокуров Е.Ф., Винокурова Н.А. Предложение на российском рынке труда: гендерный аспект // Народонаселение. – 2021. – Т. 24, № 3. – С. 191–205. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.15>.
8. Леонова В.А., Никулина И.Е. Развитие гендерных подходов в экономике труда // Экономика труда. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 25–44. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.12.1.122482>
9. Колянов А.Ю. Профессиональная гендерная сегрегация в научном дискурсе: тенденции и противоречия // Дискурс. – 2023. – Т. 9, № 6. – С. 90–100. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-90-100>
10. Goldin C. Understanding the Economic Impact of COVID-19 on Women // NBER. – 2022. – P. 65–139. DOI: <https://doi.org/10.3386/w29974>.
11. Baizan P., Arpino B., Delclòs C-E. The Effect of Gender Policies on Fertility: The Moderating Role of Education and Normative Context // European Journal of Population. – 2016. – Vol. 32. – P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-015-9356-y>.
12. Воронов Ю.П. Женщина в семье и на рынке труда (о Нобелевской премии по экономике в 2023 г.) // ЭКО. – 2024. – № 1. – С. 246–256. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-1-246-256>.
13. Панов А.М. Гендерный анализ российского рынка труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3(33). – С. 235–247.
14. Hipp L., Kelley K. Gender differences in paid work over time: Developments and challenges in comparative research // PLoS ONE. – 2025. – 20(5). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0322871>.
15. Philipov D. The effect of competing intentions and behaviour on short-term childbearing intentions and subsequent childbearing // European Journal of Population. – 2009. – Vol. 25. – P. 525–548. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9197-7>
16. Kariman N., Simbar M., Ahmadi F., Vedadhir A. A. Concerns about one's own future or securing child's future: paradox of childbearing decision making // Health (NY). – 2014. – Vol. 6. – P. 1019–1029. DOI: <https://doi.org/10.4236/health.2014.610128>.
17. Langdrige D., Sheeran P., Connolly K. Understanding the reasons for parenthood // Journal of reproductive and infant psychology. – 2025. – Vol. 23. – P. 121–133. DOI: <https://doi.org/10.1080/02646830500129438>.
18. Mayer B., Trommsdorff G. Adolescents' value of children and their intentions to have children: a cross-cultural and multilevel analysis // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2010. – Vol. 41. – P. 671–689. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022022110372195>.
19. Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational behavior and human decision process. – 1991. – Vol. 50. – P. 179–211. DOI: [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T).
20. Ajzen I., Klobas J. Fertility intentions // Demographic research. – 2013. – Vol. 29. – P. 203–232. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.8>.
21. Miller W. B. Why some women fail to use their contraceptive method: a psychological investigation // Family Planning Perspectives. – 1986. – Vol. 18. – P. 27–32. DOI: <https://doi.org/10.2307/2135198>.
22. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. The causes and consequences of a need for self-esteem: a terror management theory // In Public self and private self (ed. Baumeister RF.). Springer, 1986. – P. 189–212.
23. Zhou X., Liu J., Chen C., Yu Z. Do children transcend death? An examination of the terror management function of offspring // Scandinavian journal of psychology. – 2008. – Vol. 49. – P. 413–418. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2008.00665.x>.
24. Aarssen L. Explaining below-replacement fertility and increasing childlessness in wealthy countries: legacy drive and the 'transmission competition' hypothesis // Evolutionary Psychology. – 2006. – Vol. 4. – P. 290–302. DOI: <https://doi.org/10.1177/147470490600400125>.

25. Aarssen L., Altman S. Fertility preference is inversely related to 'legacy drive' in women, but not in men: interpreting the evolutionary roots, and future, of the 'childfree' culture // *Open Behaviour. Science.* – 2012. – Vol. 6. – P. 37–43. DOI: <https://doi.org/10.2174/1874230001206010037>.
26. Kaplan H., Lancaster J. B., Tucker W. T., Anderson K. G. Evolutionary approach to below replacement fertility // *American Journal of Human Biology.* – 2002. – Vol. 14. – P. 233–256. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajhb.10041>.
27. Boldrin M., Nardi M., Jones J.E. Fertility and Social Security // *Journal of Demographic Economics.* – 2005. – Vol. 81(3). – P. 261–299.
28. Kagitcibasi C., Ataca B. Value of children and family change: a three-decade portrait from Turkey // *Applied psychology.* – 2005. – Vol. 54. – P. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2005.00213.x>.
29. Seedat S., Rondon M. Women's wellbeing and the burden of unpaid work // *BMJ.* – 2021. – 374(1972). DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.n1972>.
30. Braunstein E., Seguino S., Altringer L. Estimating the role of social reproduction in economic growth // *Care, work and the economy. (CWE-GAM working paper series).* – 2019. – Vol. 19-02. – 42 p. DOI: <https://doi.org/10.17606/rv6p-6f66>.
31. Finlay J. Women's reproductive health and economic activity: A narrative review // *World Development.* – 2021. – Vol. 139. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105313>.
32. Ильвес Э.В. Родительский труд как неустойчивая занятость: принципы оценки // *Экономика труда.* – 2017. – Т. 4, № 3. – С. 257–272. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.4.3.38322>.
33. Newson L., Postmes T., Lea S. E. G., Webley P., Richerson P. J., Mcelreath R. Influences on communication about reproduction: the cultural evolution of low fertility // *Evolution and Human Behavior.* – 2007. – Vol. 28. – P. 199–210. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2007.01.003>.
34. Wilson E. K., Koo H. P. The relationship context: its effects on low-income women's desire for a baby // *Journal of Marriage and Family.* – 2006. – Vol. 68. – P. 1326–1340. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2006.00331.x>.
35. Carter M., Kraft J. M., Hock-Long L., Hatfield-Timajchy K. Relationship characteristics and feelings about pregnancy among Black and Puerto Rican young adults // *Perspectives on sexual and reproductive health.* – 2013. – Vol. 45. – P. 148–156. DOI: <https://doi.org/10.1363/4514813>.
36. Rijken A. J., Thomson E. Partners' relationship quality and childbearing // *Social science research.* – 2011. – Vol. 40. – P. 485–497. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.10.001>.
37. Chipman A., Morrison E. Family planning: fertility and parenting ideals in urban adolescents // *Archives of Sexual Behavior.* – 2014. – Vol. 44. – P. 695–703. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10508-013-0254-2>.
38. Waynforth D. Grandparental investment and reproductive decisions in the longitudinal 1970 British cohort study // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences.* – 2012. – Vol. 279. – P. 1155–1160. DOI: <https://doi.org/10.1098/rspb.2011.1424>.
39. Straits B. C. Factors influencing college women's responses to fertility decision-making vignettes // *Journal of Marriage and the Family.* – 1985. – Vol. 47. – P. 585–596. DOI: <https://doi.org/10.2307/352260>.
40. Guedes M., Pereira M., Pires R., Carvalho P., Canavarro M. C. Childbearing motivations scale: construction of a new measure and its preliminary psychometric properties // *Journal of Child and Family Studies.* – 2015. – Vol. 24. – P. 180–194. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-013-9824-0>.
41. Trommsdorff G., Nauck B. (eds). *The value of children in cross-cultural perspective.* – Lengerich: Pabst, 2005. – 280 p.
42. Zare Z., Saffari E., Tabar R. K. Fertility Motivations and their Relation with Attitude towards Government Incentives for Childbearing in Women of Reproductive Age // *Journal of Mazandaran University of Medical Sciences.* – 2018. – Vol. 28(162). – P. 104–114.
43. Rajati R., Khadivzade T., Esmaeili H., Danesh F. Female or Male Fertility Motivation? Which One Determines the Number of Children? (A Comparative Study) // *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research.* – 2023. – Vol. 28. – P. 144–149. DOI: https://doi.org/10.4103/ijnmr.ijnmr_189_21.
44. Борисенко Я.А. (препринт). Влияние гендерного равенства на рождаемость. – Preprint series of the economic department 0038. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=82790&p=attachment> (Дата обращения: 13.08.2025).
45. Miller A. R. The effects of motherhood timing on career path. *Journal of population economics* // *Journal of the European Society for Population Economics (ESPE).* – 2011. – Vol. 24(3). – P. 1071–1101. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00148-009-0296-x>.

Поступила 10.03.2026

THE PARENTING PROJECT: MOTIVATION, COSTS, RETURN ON INVESTMENT AND THE REGULATORY MECHANISM

R. SARVARY

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

This article analyzes a research gap: the insufficient integration of economic and sociological mechanisms aimed at studying costs in the context of parenthood, as well as the formation of tools for inducing population reproduction. The article demonstrates how the profitability of the "Parenthood" project affects its investment attractiveness from the side of direct participants in the reproduction process (the child's parents). The goal is to identify the economic attractiveness of the "Parenthood" project by calculating the author's indicator - the cost of acquiring human capital (Human Capital Acquisition Cost). Methodological basis: publicly available data sources reflecting demographic and socio-economic indicators at the level of the Republic of Belarus and foreign countries. Results: The "Parenthood" project does not have signs of investment attractiveness due to the long payback period. However, the investment involvement of direct and indirect participants in the reproduction process can be regulated through a high-quality selection of project parameters. The results obtained can be used in the development of family and pronatalist policies, as well as in socioeconomic studies of labor and demography.

Further research requires empirical verification on regional samples, including small economies that are close in socio-economic structure to the Belarusian economy.

Keywords: *population reproduction, reproduction costs, mechanisms of birth induction.*

УДК 338.43.01

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-26-34

РАЗВИТИЕ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ПРОДУКЦИИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (НА ПРИМЕРЕ САХАРНОЙ ОТРАСЛИ)**Е.А. ЧУЯНОВА***(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*

В статье рассмотрены современные подходы к управлению качеством продукции агропромышленного комплекса с учетом риск-ориентированного подхода. Проанализированы базовые принципы менеджмента качества, закрепленные в стандартах ISO 9000:2015 и концепции TQM, а также обоснована необходимость их расширения с учетом современной проблематики вопросов экологичности и цифровизации. Особое внимание уделено интеграции моделей EFQM/RADAR, FERMA и COSO ERM в единую систему управления качеством. Разработана структурно-логическая модель риск-ориентированного управления качеством, адаптированная к условиям сахарной отрасли Республики Беларусь. Показана практическая значимость предложенной модели для повышения устойчивости, конкурентоспособности и экспортного потенциала предприятий сахарной отрасли.

Статья будет интересна специалистам, занимающимся изучением проблем повышения качества производимой продукции, государственным институтам, разрабатывающим подходы к внедрению систем менеджмента качества на предприятиях агропромышленного комплекса. Результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегии повышения качества производимой продукции с учетом риск-ориентированного подхода.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, качество, пищевая продукция, риск-ориентированный подход, сахар, сахарная отрасль, сельское хозяйство, сельскохозяйственная продукция, система менеджмента качества, управление качеством.

Введение. В условиях глобализации рынков, усиления конкурентной борьбы, ужесточения требований к качеству и безопасности пищевой продукции управление качеством производимой продукции приобретает стратегическое значение для сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. Современные системы менеджмента качества не ограничиваются контролем соответствия продукции установленным нормативам, т.к. должны учитывать широкий спектр рисков, оказывающих влияние на устойчивость производства и качество конечного продукта. Сельское хозяйство является наиболее рискованной отраслью, где управление качеством продукции зависит от совокупности природно-климатических, биологических, технологических и экономических факторов. Риски, возникающие в сельском хозяйстве, сказываются на результатах работы промышленности, использующей сельскохозяйственную продукцию в качестве сырья. В этих условиях традиционные подходы, основанные на принципах ISO 9000:2015 и концепции TQM, требуют дальнейшего развития в направлении риск-ориентированного управления, что обуславливает актуальность представленного исследования.

Целью данного исследования является обоснование и разработка интегрированной модели управления качеством продукции агропромышленного комплекса на основе сочетания принципов менеджмента качества и современных методологий управления рисками, а также адаптация модели к специфике сахарной отрасли. Для достижения поставленной цели использованы методы системного анализа, обобщения мирового опыта, сравнительного анализа стандартов и методов управления качеством и рисков. Объектом исследования являются системы управления качеством продукции в условиях функционирования агропромышленного комплекса. Предметом исследования являются организационно-экономические и методологические отношения, возникающие в процессе формирования и функционирования риск-ориентированной системы управления качеством продукции агропромышленного комплекса с учетом отраслевой специфики сахарного производства. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) проанализировать теоретические основы и эволюцию принципов менеджмента качества, закрепленные в международных стандартах ISO 9000:2015 и концепции TQM, и выявить ограничения их применения;
- 2) обосновать необходимость расширения традиционных принципов управления качеством с учетом требований устойчивого развития и риск-ориентированного подхода;
- 3) исследовать возможности применения модели EFQM/RADAR в качестве инструмента зрелости системы менеджмента качества.
- 4) проанализировать методологии управления рисками FERMA и COSO ERM и определить их роль в формировании риск-ориентированной системы управления качеством продукции;
- 5) разработать интегрированную модель управления качеством продукции агропромышленного комплекса на основе последовательного объединения инструментов EFQM/RADAR, FERMA и COSO ERM;
- 6) провести адаптацию разработанной модели к условиям сахарной отрасли Республики Беларусь.

Основная часть. Агропромышленный комплекс Республики Беларусь является одним из приоритетов социально-экономического развития страны, основой обеспечения продовольственной безопасности. Сахарная отрасль выступает значимым звеном агропромышленного комплекса, сахар входит в перечень социально-значимых

продуктов, имеет длительный срок хранения, обладает высокой энергетической ценностью, характеризуется легкостью в транспортировке и является продуктом повседневного спроса. Подобная характеристика сахара свидетельствует о его жизненно важной роли для человека. Международная сахарная организация (ISO) опубликовала свой второй пересмотр глобального баланса сахара на 2025-2026 годы. Рассмотрим фактические и прогнозируемые показатели в рамках производства и потребления сахара на мировом уровне, представленные на рисунке 1.

Рисунок 1. – Динамика фактического и прогнозируемого мирового баланса сахара за 2023 – 2026 гг., млн. т

По данным Международной сахарной организации (ISO) мировое потребление сахара в 2025/26 вырастет по сравнению с предыдущим сезоном, а соотношение конечных запасов к потреблению сведется к минимуму¹.

Анализ мирового рынка сахара свидетельствует об экономическом потенциале сахарной отрасли Республики Беларусь, где его воспроизводством занимаются более 300 сельскохозяйственных организаций, которые осуществляют промышленное свекловодство, а мощности 4 сахарных комбинатов позволяют перерабатывать до 40 тыс. т сахарной свеклы в сутки. Рассмотрим основные показатели по выращиванию сахарной свеклы в Республике Беларусь, представленные в таблице 1.

Таблица 1. – Показатели по выращиванию и сбору сахарной свеклы в Республике Беларусь за 2020–2023 гг.²

Показатели	01.01.2021	01.01.2022	01.01.2023	01.01.2024	01.01.2025
Производство свеклы сахарной в расчете на душу населения, кг.	427	416	458	528	542
Посевная площадь, тыс. га	85	87	94	103	105
Валовый сбор, тыс. т	4009	3874	4227	4844	4951
Урожайность, ц. с 1 га	482	451	451	477	474

Проанализировав данные таблицы 1, можно сделать вывод о положительной динамике по выращиванию сахарной свеклы в стране для последующего производства сахара, что отвечает современным тенденциям мирового рынка. Увеличение объемов посевной площади сахарной свеклы за последние пять лет на 24% дало результаты по увеличению валового сбора и повышению урожайности сахарной свеклы. Учитывая, что отечественный сахар поставляется в 20 стран, основными импортерами которых являются страны – члены ЕАЭС, а также страны «дальней дуги», пространство ЕС, африканский континент, а также факт удержания Республики Беларусь в топ-10 мировых экспортеров сахара, можно сделать вывод о наличии потенциала по увеличению объемов экспорта сахара за счет повышения качества системы управления на предприятии и, как следствие, качества продукции.

Несмотря на положительные производственные показатели, сахарная отрасль характеризуется высоким уровнем рисков, оказывающих непосредственное влияние на качество конечного продукта. К числу ключевых рисков на стадии производства сахарной свеклы относятся неблагоприятные погодные условия, нарушение агротехнологий, снижение урожайности и сахаристости, а также потери при хранении и транспортировке сырья. Указанные риски носят вероятностный характер и оказывают непосредственное влияние на эффективность переработки и качество конечной продукции.

В современных условиях управление качеством приобретает стратегическое значение в связи с непосредственным влиянием на конкурентоспособность, устойчивость и экспортный потенциал сельскохозяйственных и перерабатывающих организаций. Ужесточение требований к безопасности пищевой продукции, рост неопределенности внешней среды и усиление влияния природно-климатических факторов обуславливают необходимость

¹ URL: <https://www.isosugar.org/publication/425/iso-sugar-yearbook-2025>.

² URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/dcb/x5yi51ug3mxns384kiqbvxynwhh1r1db.pdf>.

совершенствования традиционных подходов к управлению качеством продукции. В целях проведения расширенного анализа актуальности принципов управления качеством и их полноты, рассмотрим, в первую очередь, базовые семь принципов управления, которые изложены в международных стандартах ISO 9000:2015:

- 1) ориентация на потребителя (Customer focus). Цель: удовлетворять требования клиентов и стремиться превосходить их ожидания;
- 2) лидерство (Leadership) Руководители создают единую цель и направление, формируя условия, в которых сотрудники мотивированы на достижение целей качества;
- 3) вовлечение (Engagement of people) вовлечение людей на всех уровнях важно для раскрытия их возможностей и пользы организации;
- 4) процессный подход (Process approach) эффективные и предсказуемые результаты достигаются при управлении деятельностью как взаимосвязанными процессами;
- 5) улучшение (Improvement) постоянное совершенствование – характерная черта успешных организаций;
- 6) принятие решений на основе фактов (Evidence-based decision making) эффективные решения принимаются на основе анализа достоверных данных и информации;
- 7) управление взаимоотношениями (Relationship management) взаимовыгодные отношения с заинтересованными сторонами способствуют устойчивому успеху.

Принципы менеджмента качества, закрепленные в международном стандарте ISO 9000:2015 представляют собой стандартизованную и формализованную основу, которая создана на основе многолетнего опыта в системе управления качеством. В то же время концепция «Тотальное управление качеством» (Total Quality Management) является более широкой философией управления качеством, сформированной в середине XX века, которая главной целью ставит вовлечение всех сотрудников организации в постоянное улучшение процессов, ориентации на потребителя, использование научных методов для предотвращения дефектов. TQM охватывает более широкий спектр аспектов, включая культурные и поведенческие аспекты, которые способствуют формированию организационной среды, ориентированной на качество и инновации. Согласно классическим исследованиям В.Э. Деминга и Ж.М. Джурана TQM предусматривает комплексный подход к управлению качеством, который включает всеобщее вовлечение персонала, системное предотвращение дефектов, непрерывное улучшение процессов и ориентацию на удовлетворение потребителей, в котором:

- 1) обеспечение качества понимается не как техническая функция, которая может реализовываться каким-то одним подразделением, а как систематический процесс, пронизывающий всю организационную структуру предприятия;
- 2) вопросы качества актуальны не только в рамках производственного цикла, но и в процессе разработок, конструирования, маркетинга и послепродажного обслуживания;
- 3) качество должно быть ориентировано на удовлетворение требований потребителя, а не производителя;
- 4) повышение качества продукции требует применения новой технологии производства, начиная с автоматизации проектирования и кончая автоматизированным измерением в процессе контроля качества;
- 5) всеобъемлющее повышение качества достигается только заинтересованным участием всех работников.

Несмотря на методологическую значимость стандартов ISO 9000:2015 и концепции TQM, их практическое применение в агропромышленном комплексе сталкивается с рядом ограничений. Данные подходы в большей степени ориентированы на соответствие установленным требованиям, тогда как управление рисками, влияющими на формирование качества продукции, остается недостаточно формализованным. Таким образом, в отраслях с высокой степенью неопределенности возникает объективная необходимость перехода от преимущественно нормативно-ориентированного управления качеством к риск-ориентированному подходу, обеспечивающему учет и управление факторами в условиях повышенного объема принимаемых на себя рисков.

Несмотря на фундаментальность принципов менеджмента качества, закрепленных в ISO 9000:2015 и концепции TQM, в условиях современных требований устойчивого развития, цифровизации и ужесточения нормативно-правовой базы, необходимо расширение базовых принципов управления качеством продукции с учетом отраслевой специфики предприятий агропромышленного комплекса. Современные международные стандарты ISO, разработанные для специфических сфер (экология, охрана труда, управление рисками и т.д.) содержат дополнительные управленческие ориентиры, которые можно идентифицировать как дополнительные или расширенные принципы менеджмента качества. В качестве дополнительных принципов можно учитывать следующие:

- 1) в стандарте ISO 14001:2015 (системы экологического менеджмента) акцентируется внимание на таких принципах, как жизненный цикл, предотвращение загрязнения, соблюдение природоохранного законодательства и экологическая устойчивость;
- 2) в стандарте ISO 45001:2018 (системы управления охраной труда и безопасности) утверждаются приоритеты обеспечения безопасности и здоровья работника, предотвращения производственного травматизма и развития культуры безопасности;
- 3) в стандарте ISO 26000:2010 (руководство по социальной ответственности) включает принципы прозрачности, подотчетности, соблюдения прав человека и этического управления;
- 4) в стандарте ISO 31000:2018 (менеджмент риска) вводит принципы системности, интеграции, динамичности и адаптивности в условиях неопределенности;
- 5) в стандарте ISO 37301:2021 (системы менеджмента соответствия) уделяется внимание соблюдению законодательства, добросовестности, управлению обязательствами и корпоративной этике.

Данные стандарты демонстрируют, что в рамках международной стандартизации происходит эволюция понимания качества, в результате чего формируются принципы, охватывающие не только производственную деятельность организации, но и более широкие её аспекты. В последние годы вопросы экологической безопасности приобретают все большую значимость как на глобальном, так и на национальном уровнях. Это особенно актуально для таких отраслей, как сельское хозяйство и производство пищевой продукции. Современные тенденции показывают, что вопрос экологичности продукции приоритетнее вопроса цены продукции. В этой связи традиционные подходы ISO 9000:2015 и концепции TQM требуют адаптации к новым реалиям.

В рамках актуализации системы принципов TQM целесообразно ее расширить принципом экологичности. Под данным принципом следует понимать не только соответствие продукции экологическим нормативам, но и системное управление рисками, влияющими на здоровье потребителей конечной продукции. Такой подход позволит усилить доверие потребителей к продукции агропромышленного комплекса и повысить тем самым ее конкурентоспособность. Интеграция принципа экологичности в основу системы менеджмента качества является важным условием для выходы отечественных производителей на внешние рынки, где действуют повышенные требования к пищевой и экологической безопасности продукции.

Таким образом, можно утверждать, что современная система управления качеством формируется на основе расширенного подхода, где базовые принципы ISO 9000 и философии TQM дополняются иными принципами, зафиксированными в других нормативных документах.

Одновременно с развитием этих моделей развиваются модели бенчмаркинга и оценок успешности/устойчивости развития организаций с точки зрения качества (пригодности организации выполнять требования) и эффективности (способности зарабатывать за счет соответствия требованиям) – модели конкурсов (премий) в области качества. Одной из них является EFQM, претерпевшая с 1992 г. три пересмотра.

В отличие от стандартов ISO и концепции TQM, европейская модель EFQM ориентирована на оценку зрелости системы управления и способность организации достигать устойчивых результатов. Данная модель представляет собой не только систему подходов, но и инструмент мониторинга состояния управления рисками. Одним из инструментов модели EFQM, используемым для оценки и улучшения организационной эффективности, является RADAR, который представляет собой акроним: Results (результаты); Approach (Подход); Deployment (Развертывание); Assessment & Review (Оценка и улучшение). Система RADAR помогает организациям структурировать свои процессы оценки и непрерывного улучшения, обеспечивая системный подход к управлению качеством и эффективностью деятельности. Используя этот инструмент, организации могут лучше понять свои достижения, выявить области для улучшения и разработать стратегии для достижения своих целей.

Тем не менее проведенный анализ существующих подходов позволяет сделать вывод, что система менеджмента качества ограничивается системой менеджмента качества продукции, отвечающей требованиям ISO. Отмечается, что получить на системной основе качественную продукцию возможно при наличии отлаженной работы всех сфер и подразделений предприятий, объединенной одной стратегией, миссией и целями. В этой связи нами разработана структурно-логическая модель использования инструментов методики оценки качества RADAR модели EFQM, что представлено на рисунке 2.

Рисунок 2. – Структурно-логическая модель использования инструментов методики оценки качества RADAR модели EFQM

Структурно-логическая модель использования инструментов методики оценки качества RADAR модели EFQM подразумевает определенный ряд действий, направленных на контроль уровня принимаемых рисков, что в свою очередь влияет на качество производимой продукции. Разработка стратегии и, на основе ее процессов, построение системы риск-менеджмента, оценка текущего состояния предприятия, оценка результативности ключевых показателей позволяют идентифицировать риски, разрабатывать действия по их минимизации и обеспечивать тем самым выпуск высококачественной продукции, способной конкурировать на рынке [1, с. 65].

В отличие от ISO 9000 и TQM, которые задают основополагающие принципы системы менеджмента качества, EFQM предлагает интегрированную риск-ориентированную систему управления. Таким образом, предлагается при построении современной системы управления качеством продукции агропромышленного комплекса использовать интеграцию базовых принципов ISO 9000 и TQM с риск-ориентированным инструментом RADAR модели EFQM. Следует отметить, что модель EFQM/RADAR не предназначена для непосредственного управления рисками и не содержит детализированного методологического аппарата их идентификации и обработки. Вместе с тем ее применение позволяет выявить системные слабости в управлении, определить уровень зрелости процессов и оценить готовность организации к внедрению риск-ориентированных методов управления качеством. Таким образом, EFQM/RADAR целесообразно рассматривать как диагностический и оценочный инструмент, обеспечивающий аналитическую основу для последующего внедрения операционных и стратегических моделей управления рисками.

Операционную основу риск-ориентированного управления качеством целесообразно формировать на базе методологии FERMA (Federation of European Risk Management Associations). FERMA представляет собой процессно-ориентированную методологию управления рисками, включающую идентификацию, анализ, оценку, обработку и мониторинг рисков. Отличительной особенностью данной системы является акцент на операционный уровень, обеспечивая тем самым системность, прозрачность и адаптивность процессов. FERMA выступает операционной основой риск-менеджмента. Риск-ориентированность модели в совокупности с процессным подходом является актуальной системой для промышленных и сельскохозяйственных организаций. При этом следует отметить, что эффективность внедрения данной системы во многом зависит от компетентности сотрудников, их умения идентифицировать и анализировать риски, а также дисциплины в ведении базы данных и мониторинга. FERMA предусматривает количественную оценку процессов, но без строго оговоренных алгоритмов расчета и критериев для всех типов рисков, что требует дополнительной адаптации к специфике отрасли, в которой данная система планируется к применению. Для предприятий агропромышленного комплекса она является практико-применимой, поскольку позволяет управлять комплексом взаимосвязанных технологических, биологических и рыночных рисков, влияющих на качество продукции.

В то же время FERMA, преимущественно ориентированная на операционный уровень управления, не охватывает стратегические аспекты развития организации. Данный недостаток может быть устранен за счет интеграции FERMA с системой COSO ERM. COSO ERM (Enterprise Risk Management Integrated Framework) является системой стратегического управления рисками, разработанной Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission. Изучив данную систему детальнее, можно сделать вывод, что данный подход представляет собой методологию, направленную на формирование устойчивой корпоративной среды, где управление рисками является неотъемлемой частью стратегического планирования, операционной деятельности и внутреннего контроля. При этом данная система подлежит интегрированию в систему менеджмента качества продукции. COSO ERM в актуальной версии 2017 года включает пять взаимосвязанных компонентов (рисунок 3).

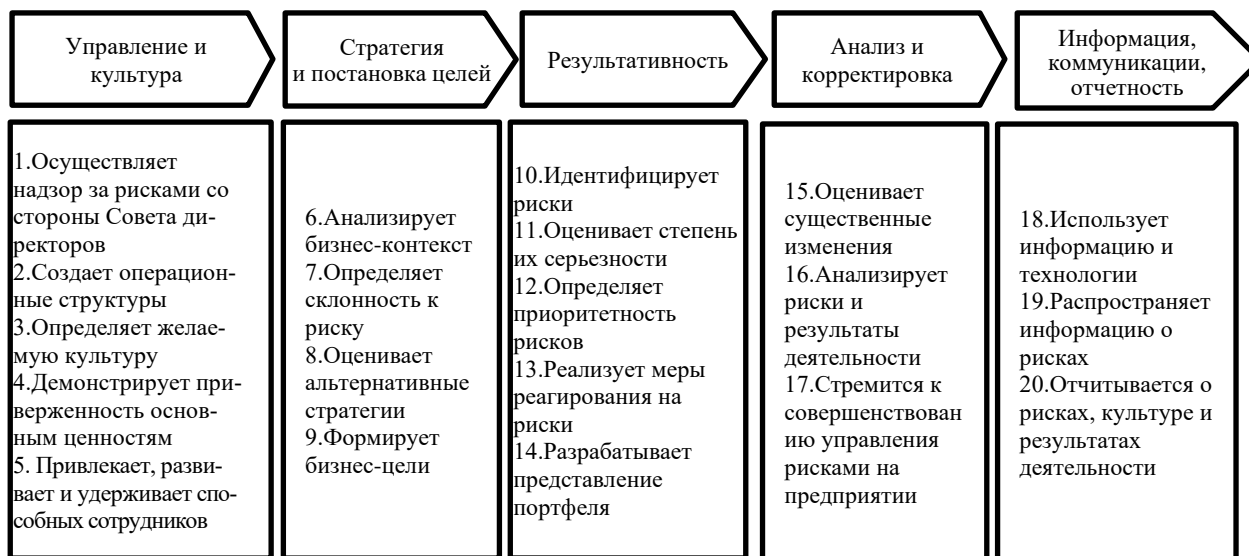

Рисунок 3. – Структурно-логическая модель системы стратегического управления рисками COSO ERM

Модель COSO ERM выступает стратегической, связывая цели, процессы и риски в единую систему корпоративного управления. Способность данной системы быть вовлеченной во все организационные уровни управления в организации позволяет COSO ERM интегрироваться с ISO 31000 и ISO 9001, создавая тем самым основу для построения соответствующей международным требованиям системы менеджмента качества. При этом эффективность COSO ERM напрямую зависит от вовлеченности и заинтересованности руководства, а также наличия прозрачной структуры управления.

В рамках развития агропромышленного комплекса, где высока зависимость от внешних факторов и стратегических решений (инвестиции, государственное регулирование, климатические изменения) система COSO ERM может быть использована для повышения планомерности развития, укрепления внутреннего контроля и обеспечения устойчивости бизнеса. Однако по причине стратегической направленности модель не может заменить операционные методы управления рисками, такие как FERMA, и требует интеграции с ними, а также предварительной оценки зрелости процессов (например, с помощью EFQM/RADAR).

Современные подходы к управлению качеством продукции агропромышленного комплекса требуют комплексной модели, которая объединяет оценочные механизмы, операционный контроль рисков и стратегическое управление. В отличие от подходов, предполагающих параллельное использование моделей EFQM/RADAR, FERMA и COSO ERM, в настоящем исследовании предложена последовательная логика их интеграции, основанная на функциональном разграничении уровней управления. Модель EFQM/RADAR позволит определить текущий уровень развития системы менеджмента качества, выявить недостатки в процессах, а также определить векторы развития, что особенно важно в условиях наличия значительного количества рисков. EFQM/RADAR выступит как «точка входа» в интегрированную систему, обеспечивая тем самым аналитическую базу для дальнейшего риск-ориентированного развития. Модель FERMA обеспечит методологическую основу управления рисками на операционном уровне, то есть в зоне действия основных процессов организации. Ее применение после EFQM/RADAR позволит перейти от анализа к действиям по выявлению, оценке, обработке рисков, влияющих на качество продукции. На наш взгляд, данная модель важна для агропромышленного комплекса, поскольку обеспечит управление технологическими, биологическими, климатическими рисками, а также, поспособствует минимизации потерь качества в процессе выращивания, переработки и хранения продукции агропромышленного комплекса.

В свою очередь, COSO ERM как стратегическая корпоративно-ориентированная модель сформирует основу для интеграции риск-менеджмента в стратегические цели предприятия, распределит функции по управлению рисками между уровнями управления, обеспечивая при этом прозрачность и подотчетность. Применение COSO ERM, на наш взгляд, дополнит операционное управление рисками FERMA стратегическим контролем.

Назовем предложенную нами интегрированную модель «От оценки зрелости – к управлению рисками – к стратегическому контролю». Концепция предлагаемой модели представляет собой трехслойную структуру, в которой каждый уровень выполняет определенную функцию:

- 1) стратегический уровень COSO ERM отвечает за формирование корпоративной политики управления рисками и качеством, определение риск-аппетита, системы контроля и стратегических индикаторов устойчивости;
- 2) операционный уровень (FERMA) отвечает за управление рисками внутри производственных процессов (к примеру, хранение сельхозпродукции, качество сырья, отходы, логистика и т.д.);
- 3) оценочно-управленческий уровень (EFQM/RADAR) отвечает за оценку зрелости процессов и механизмов обеспечения качества, установление баланса между затратами и эффективностью результатов, обеспечение процессов непрерывного улучшения;
- 4) регулятивно-нормативный слой (ISO) должен быть внедрен в модель как обязательные границы принимаемых мер и решений;
- 5) информационно-технологический слой (Integrated Quality System) обеспечивает гарантированность высокого качества и его доступность для потребителей.

Разработанная интегрированная модель представлена на рисунке 4.

Научная новизна предложенной интеграционной модели заключается в:

- 1) системном слиянии стратегического, операционного и оценочного направлений управления качеством, ранее рассматривавшихся преимущественно изолированно;
- 2) переносе методологий FERMA и COSO ERM в область управления качеством продукции, что позволяет формализовать риски, ранее считавшиеся природными и неуправляемыми;
- 3) создании концептуальной цепочки «риски – контроль – оценка эффективности – улучшение», обеспечивающей возможность цифровой верификации управленческих решений на основе объективных данных;
- 4) встраивании требований международных стандартов в архитектуру риск-менеджмента, что формирует совместимость модели с регулированием сферы менеджмента качества.

Предложенная нами модель, на наш взгляд, позволит формировать единый реестр рисков от стадии производства сельхозпродукции до ее промышленной переработки с привязкой к этапам жизненного цикла продукции, превратить управление качеством из функции контроля в стиль корпоративного управления, оптимизировать затраты за счет риск-ориентированного распределения ресурсов, повысить конкурентоспособность продукции агропромышленного комплекса при ее экспорте за счет соответствия международным требованиям.

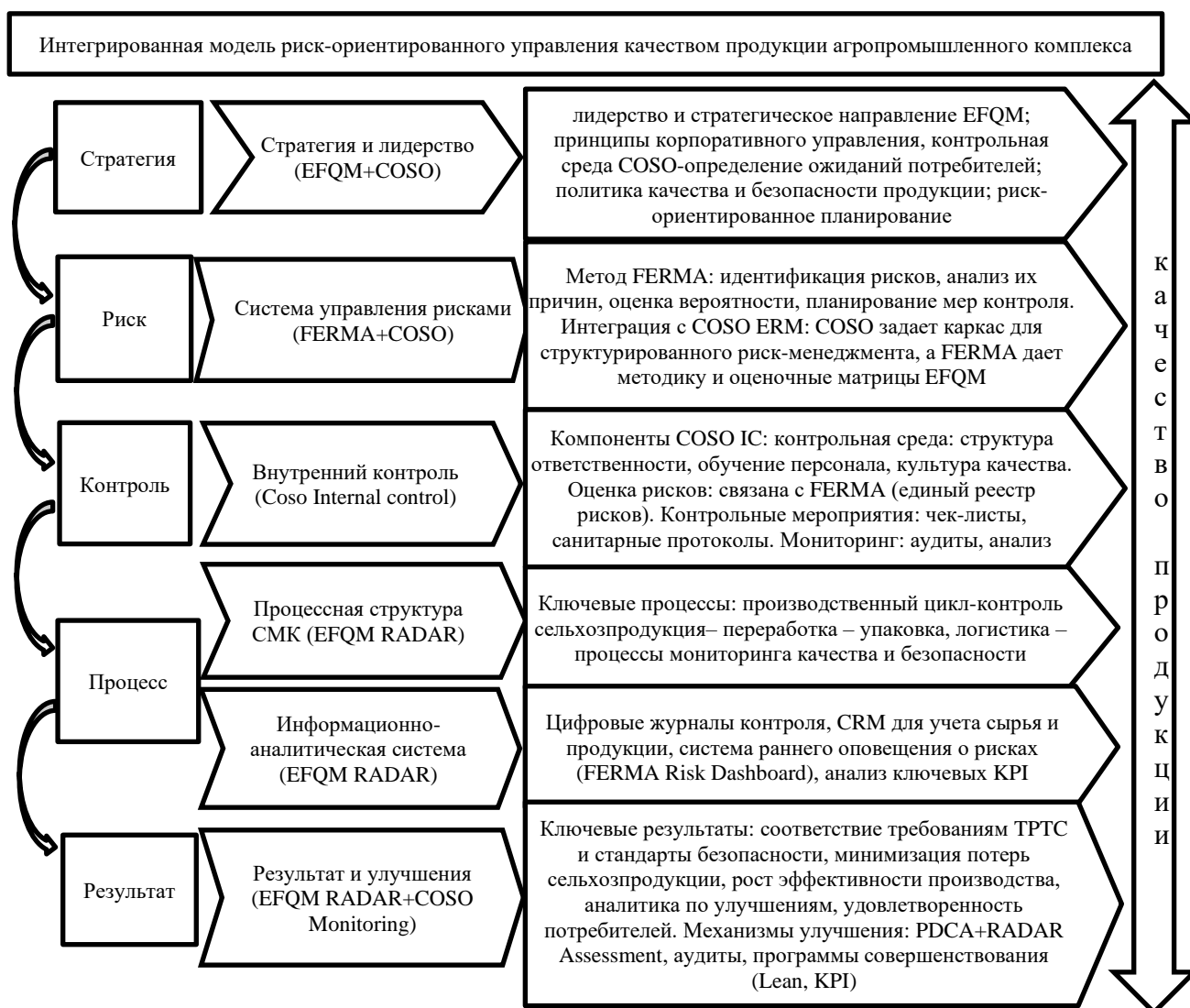

Рисунок 4. – Интегрированная модель риск-ориентированного управления качеством продукции агропромышленного комплекса

Проведенный анализ показал, что традиционные принципы управления качеством, изложенные в международных стандартах ISO 9000:2015 и концепции TQM, формируют устойчивую основу для построения систем менеджмента качества, однако в недостаточной степени отражают риск-ориентированный подход. Несмотря на наличие в стандарте ISO 9001:2015 положения о необходимости «риск-ориентированного мышления», его концептуальная и методологическая проработка остаётся ограниченной, особенно применительно к отраслям с высокой степенью неопределенности и внешней зависимости. В рамках агропромышленного комплекса, где качество продукции формируется под воздействием значительного количества факторов таких как природно-климатические, биологические, экономические, технологические и т.д., управление рисками должно рассматриваться как ключевой элемент обеспечения качества.

Таким образом, на наш взгляд, общие принципы менеджмента качества требуют дальнейшего развития в направлении интеграции риск-ориентированного подхода. Это позволит повысить адаптивность и устойчивость систем управления качеством продукции агропромышленного комплекса. Практическая апробация разработанной риск-ориентированной модели управления качеством требует ее адаптации к отрасли, характеризующейся высокой степенью технологической сложности, сырьевой зависимости и чувствительности качества конечного продукта к условиям производства. В этой связи в качестве объекта исследования выбрана сахарная отрасль, которая занимает стратегическое место в структуре агропромышленного комплекса и играет значимую роль в обеспечении производственной безопасности.

Несмотря на положительные производственные показатели, сахарная отрасль характеризуется высоким уровнем рисков, оказывающих непосредственное влияние на качество конечного продукта. К числу ключевых рисков относятся риски сырья (низкая сахаристость, загрязненность, потери при хранении), технологические риски (отклонения режимов очистки, выпаривания, кристаллизации), а также риски качества готовой продукции (нестабильность показателей влажности и цвета).

С учетом выявленных особенностей сахарного производства в рамках настоящего исследования разработана структурно-логическая модель риск-ориентированного управления качеством, адаптированная к условиям сахарной отрасли Республики Беларусь (таблица 2).

Таблица 2. – Интегрированная модель риск-ориентированного управления качеством продукции агропромышленного комплекса, адаптированная под сахарную отрасль

Уровень	Подуровень	Элемент стратегии	Содержание
Стратегия	Лидерство Планирование	Политика качества	Политика в области качества продукции агропромышленного комплекса, качества сельскохозяйственного сырья (сахарной свеклы) и продукции переработки (сахара), соблюдение требований пищевой безопасности, соответствие национальным и международным системам качества
		Стратегические цели	Для сырья: повышения урожайности и сахаристости, снижение потерь при хранении; для переработки: стабильная поляризация, минимальные потери сахара, энергоэффективность
		Заинтересованные стороны	Регуляторы, промышленные потребители, дистрибьюторы, персонал, сельскохозяйственные предприятия и фермеры как поставщики сырья
		Риск-ориентированное планирование	Учет на всех стадиях: сырьевых (сахарная свекла), технологических (переработка), санитарных и репутационных
Риски	Идентификация	Риски сырья	Низкая сахаристость, загрязненность, порча при хранении и транспортировке
		Технологические риски	Отклонения кристаллизации, сушки, выпаривания
		Риски качества	Цвет, влажность, чистота
	Анализ	Оценка рисков (FERMA)	Оценка вероятности и последствий рисков на стадии производства сырья и переработки, формирование матрицы рисков
Управление	Меры реагирования	Для сырья: корректировка агротехнологий, условий хранения; для переработки: корректировка технологических режимов, техобслуживание оборудования, обучение персонала	
Контроль	Контрольная среда	Ответственность и компетенции	Роли, инструкции, обучение операторов, лаборантов
		Культура и качество	Пищевая безопасность, дисциплина процессов на всех стадиях
	Контрольные мероприятия	Лабораторный контроль	Контроль качества сырья (сахаристость, загрязненность) и сахара (поляризация, влажность)
	Мониторинг	Аудиты и проверки	Внутренние аудиты, анализ несоответствий на всех стадиях от сырья до переработки
Процессы	Основные	Прием сырья	Контроль качества сахарной свеклы, хранение, подготовка к переработке
		Производство	Диффузия, очистка, выпаривание, кристаллизация
		Завершение	Сушка, охлаждение, упаковка, хранение
	Поддерживающие	Лаборатория	Анализ качества сырья, промежуточных продуктов и готового сахара
Данные и аналитика	Информация	Цифровые журналы	Данные по сырью (урожайность, сахаристость, условия хранения) и по переработке (технологические параметры, выход сахара)
	Аналитика	KPI и RADAR	Оценка эффективности: выход сахара, потери, стабильность качества на всех стадиях
Результаты	Продукт	Качество сахара	Обеспечение стабильного качества за счет управления качеством сырья и процессов переработки
	Клиенты	Удовлетворенность	Снижение рекламаций, доверие клиентов
	Бизнес	Эффективность	Снижение потерь, рост производительности
	Улучшения	PDCA и EFQM	Непрерывное совершенствование процессов на всех стадиях агропромышленного производства

Представленная модель обеспечивает управление качеством продукции агропромышленного комплекса и позволяет учитывать влияние характеристик сырья на параметры конечной продукции. На стратегическом уровне формируются политика и цели в области качества сахара, определяются приоритеты пищевой безопасности, устойчивости и энергоэффективности, а также устанавливаются требования к соответствию национальным

и международным стандартам. Данный уровень обеспечивает интеграцию управления качеством и рисками в систему корпоративного управления предприятием. Операционный уровень модели ориентирован на управление рисками в ключевых производственных процессах сахарного производства, включая приемку и хранение сырья, очистку, выпаривание, кристаллизацию, сушку и упаковку сахара. Использование методологии FERMA позволяет системно идентифицировать и оценивать риски, разрабатывать меры реагирования и осуществить мониторинг их эффективности. Оценочно-управленческий уровень, основанный на инструменте RADAR модели EFQM, обеспечивает оценку зрелости процессов управления качеством, анализ результативности принимаемых решений и формирование механизмов непрерывного улучшения. Данный уровень позволяет увязать показатели качества продукции с экономическими результатами деятельности предприятия.

Заключение. Представленная модель риск-ориентированного управления качеством обладает практической значимостью и может быть использована предприятиями сахарной отрасли независимо от масштабов производства. Ее внедрение обеспечивает переход от фрагментарного контроля качества к системному управлению качеством как элементу стратегии развития предприятия.

Применение модели позволит снизить потери сырья и готовой продукции, повысить воспроизводимость технологических параметров, минимизировать вероятность несоответствий требованиям стандартов и укрепить доверие потребителей и партнеров. В условиях усиления конкуренции и расширения экспортных поставок внедрение риск-ориентированной системы управления качеством является необходимым для каждого производителя сахара.

Научная новизна исследования заключается в разработке риск-ориентированной модели управления качеством продукции агропромышленного комплекса, учитывающей взаимосвязь процессов производства сельскохозяйственного сырья и его промышленной переработки. Предложенная модель обеспечит взаимосвязь оценки зрелости процессов, операционного управления рисками и стратегического контроля, что позволит рассматривать качество продукции как управляемый результат воздействия совокупности рисков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпицкая М.Е., Чуянова Е.А. Совершенствование системы управления качеством продукции на основе модели EFQM и его инструмента RADAR // Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 63–69.

Поступила 10.03.2026

DEVELOPMENT OF RISK-BASED PRODUCT QUALITY MANAGEMENT IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX (USING THE EXAMPLE OF THE SUGAR INDUSTRY)

A. CHUYANAVA
(Yanka Kupala State University of Grodno)

The article discusses modern approaches to the quality management of agricultural products, taking into account the risk-based approach. The basic principles of quality management, enshrined in the ISO 9000:2015 standards and the TQM concept, are analyzed, and the need for their expansion is justified, taking into account the current issues of environmental friendliness and digitalization. Special attention is paid to the integration of EFQM/RADAR, FERMA and COSO ERM models into a single quality management system. A structural and logical model of risk-based quality management has been developed, adapted to the conditions of the sugar industry in the Republic of Belarus. The practical significance of the proposed model for the sugar industry is shown, covering both the stage of production of agricultural raw materials and the stage of industrial processing to increase the sustainability, competitiveness and export potential of enterprises.

The article will be of interest to specialists involved in the study of problems of improving the quality of manufactured products, government institutions developing approaches to the implementation of quality management systems at enterprises of the agro-industrial complex. The research results can be used to develop a strategy for improving the quality of manufactured products, taking into account a risk-based approach.

Keywords: *agro-industrial complex, quality, food products, risk-based approach, sugar, sugar industry, agriculture, agricultural products, quality management system, quality management.*

УДК 338

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-35-44

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ НЕОКЛАСТЕРИЗАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

д-р экон. наук, проф. Г.А. ЯШЕВА¹, канд. экон. наук, доц. Ю.Г. ВАЙЛУНОВА²,
Е.Ю. ВАРДОМАЦКАЯ³

(Витебский государственный технологический университет)

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4142-8041>; ²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1999-6923>;

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9374-7175>

В статье проведено исследование оценки влияния неокластеризации на экономическую безопасность Республики Беларусь на основе разработанной авторами методики. Разработанная методика включает алгоритм оценки, состоящий из шести этапов, основана на построении экономико-статистических моделей влияния факторов цифровизации на показатели экономической безопасности. Методика апробирована на примере экономики Республики Беларусь. Разработана модель обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь на основе неокластеров, включающая пять блоков: создание экономических условий для разработки и внедрения инструментов Индустрии 4.0, стимулирование межкластерного взаимодействия на основе цифровых инструментов, совершенствование финансирования кластерных проектов, стимулирование инновационного развития субъектов кластера на основе цифровых технологий, межрегиональное взаимодействие и трансграничное сотрудничество на основе цифровизации.

Ключевые слова: неокластеризация, экономическая безопасность, цифровизация, Индустрия 4.0, цифровые инструменты.

Введение. В современных экономических условиях, характеризующихся высоким уровнем нестабильности, динамичностью изменения факторов внешней среды, распространением трансформационных процессов, особое внимание должно акцентироваться на вопросах обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь. В Концепции Национальной Безопасности Республики Беларусь экономическая безопасность определена как «состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию Республики Беларусь»¹.

Теоретико-методологические подходы к оценке и прогнозированию экономической безопасности в условиях сетевых взаимодействий на региональном, отраслевом и межотраслевом уровнях нашли отражение в работах зарубежных авторов: Г.А. Агаркова, К. Арроу, Дж. Бартона, М.А. Бендикова, Л.Л. Богатырева, О. Варра, Я.Д. Вишнякова, Л.П. Гончаренко, Дж. Киршнера, А.А. Куклина, А.Л. Мызина, О.А. Романовой, М.Н. Руденко, Ю.И. Сизова, А.Г. Светлаков, А.И. Татаркина, Т.Ю. Феофиловой, М. Хенли, Дж. Элстера и др. Значительный вклад в теорию обеспечения экономической безопасности отраслевого, межотраслевого комплексов с позиции проблем сетевых отношений внесли: С.Н. Артеха, В.И. Аршинов, О.В. Братимов, В.Н. Бугорский, Е.Л. Варганов, Р. Вайбер, Х.А. Вютрих, А.В. Давыдов, Ю.А. Данилов, С.А. Дятлов, П. Друкер, Е.В. Попов, М.Ю. Шерешева и др.

Тема обеспечения экономической безопасности страны и регионов становится особенно актуальной в связи с развитием процессов глобализации, с одной стороны, выраженных в интернационализации хозяйственной жизни, повышении роли сетевой экономики, ориентации на цифровую трансформацию, и процессов регионализации – с другой стороны. Многие ученые акцентируют внимание на рассмотрении кластерных структур как инструменте экономического развития, повышения конкурентоспособности и укреплении экономической безопасности регионов, отраслей, предприятий – участников интегрированного формирования [1]. Кластерный подход, основанный на принципах локализации, интеграции и синергетического эффекта, позволяет обеспечить экономическую безопасность страны. Вопросы формирования кластерных структур и их функционирование рассматривались в работах И. Ансоффа [2], М.П. Войнаренко [3], М. Гетца [4], Л.А. Истомина, Д.М. Крупского [5], М. Портера [6], А.А. Мигранян [7], Ю.Б. Миндлина, [8], С.Ф. Пятинкина, Т.П. Быкова [9], Э. Янг Лоурен [10] и других. В работах ряда ученых доказано, что организации – участники кластера имеют более высокие показатели выживаемости и показатели результативности деятельности по сравнению с аналогичными компаниями, функционирующими вне кластеров [1].

В условиях Индустрии 4.0 и формирования цифровой экономики новым направлением развития кластерной концепции является неокластеризация. Неокластерная концепция предполагает процесс организации и деятельности кластеров на основе цифровых информационно-коммуникационных технологий.

Неокластер товаропроизводителей – это сетевая структура комплементарных, взаимосвязанных по цепочке ценностей, юридически оформленных отношениями сотрудничества и коопетиции стейкхолдеров, базирующих свои бизнес-процессы на элементах Индустрии 4.0, объединенных вокруг ядра – производителя ключевого товара для решения общих задач [1].

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005>.

Важным теоретико-методологическим вопросом является исследование влияния неокластеров на экономическую безопасность в контексте цифровизации экономики. Целью статьи явилась разработка методики оценки влияния неокластеризации на экономическую безопасность и ее апробация на примере экономики Республики Беларусь. Задачи:

- разработать методику оценки влияния неокластеризации на экономическую безопасность;
 - апробировать методику на примере экономики Республики Беларусь;
 - разработать модель обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь на основе неокластеров.
- Использованы методы исследования: анализ и синтез, корреляционно-регрессионный анализ.

Основная часть. Методика оценки влияния неокластеров на показатели экономической безопасности.

Перечень индикаторов, их пороговые значения, а также порядок оценки состояния национальной безопасности определяются указом Президента Республики Беларусь². Оценка экономической безопасности включает в себя анализ финансовых показателей, таких как: доходы, расходы, прибыль, задолженность, уровень инфляции и другие. Также необходимо учитывать макроэкономические факторы, такие как политическая стабильность, уровень безработицы, инвестиционный климат и т.д. К показателям экономической безопасности относятся различные экономические показатели, такие как уровень инфляции, уровень безработицы, уровень доходов населения, объемы производства и продаж товаров и услуг, состояние финансовых рынков и т.д. Все эти показатели влияют на стабильность экономики и ее способность противостоять различным рискам и угрозам. Факторы экономической безопасности могут включать в себя стабильность макроэкономических показателей, уровень инфляции, уровень безработицы, курс национальной валюты, наличие резервов и финансовых ресурсов, уровень долга. В рамках данного исследования рассмотрен фактор экономической безопасности – неокластеризация. Неокластеризация предполагает создание кластеров на цифровой основе с применением элементов Индустрии 4.0.

Методика оценки влияния неокластеров на показатели экономической безопасности включает следующие этапы:

1. Определение комплекса показателей безопасности.
2. Разделение показателей на группы и выбор представителей по каждой группе отдельно.
3. Определение показателей факторов-аргументов.
4. Сбор и анализ данных: оценка доступной информации для анализа отобранных индикаторов.
5. Построение модели влияния факторов цифровизации на показатели экономической безопасности.
6. Построение модели обеспечения экономической безопасности на основе неокластеров.

1 этап. Определение комплекса показателей экономической безопасности. Система статистических показателей экономической безопасности страны по мере изменения национальной экономики постоянно меняется. В настоящее время существует около 150 показателей, связанных с экономической безопасностью. Все они делятся на 4 большие группы: финансово-экономические, политические, социально-экономические и производственно-экономические. В Республике Беларусь перечень важнейших показателей экономической безопасности определен постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 22 февр. 2007 г., № 226 (ред. от 16.12.2008)³. Основными показателями уровня экономической безопасности страны признаны следующие:

- индекс физического объема валового внутреннего продукта (ВВП);
- ВВП на душу населения;
- доля ВВП в мировом ВВП;
- доля инвестиций в основной капитал ВВП;
- уровень золотовалютных резервов в месяцах импорта;
- внутренние затраты на исследования и разработки в % к ВВП;
- степень износа основных средств;
- индекс промышленного производства;
- индекс производительности труда;
- индекс денежной массы;
- уровень инфляции;
- сальдо внешней торговли;
- внутренний государственный долг;
- внешний государственный долг;
- импорт (экспорт) капитала;
- коэффициент напряженности на рынке труда;
- дефицит бюджета;
- индекс физического импорта;
- индекс физического экспорта;
- рентабельность продаж в организациях промышленности;

² См. сноску № 1.

³ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=c20700226>.

- удельный вес инновационной продукции в организациях промышленности;
- уровень преступности в экономической сфере.

2 этап. Разделение показателей экономической безопасности на группы и определение представителей для анализа. Для нашего исследования были сформированы и отобраны следующие группы показателей.

Группа финансовых показателей: доля инвестиций в основной капитал, в % к ВВП; уровень монетизации экономики; годовой уровень инфляции, %.

Группа показателей производства: темп роста ВВП; индекс промышленного производства; индекс деловой активности; индекс производительности труда; индекс физического объема валового внутреннего продукта (ВВП).

Группа показателей научно-технического развития: доля инновационно-активных организаций промышленности в стране/регионе; удельный вес инновационной продукции организаций промышленности в стране.

Группа показателей эффективности: рентабельность добывающих отраслей экономики, %; рентабельность обрабатывающих отраслей экономики, %.

Выбор представителей по каждой группе отдельно:

– *группа финансовых показателей:* доля инвестиций в основной капитал, в % к ВВП;

– *группа показателей производства:* индекс промышленного производства;

– *группа показателей научно-технического развития:* удельный вес инновационной продукции организаций промышленности в стране/регионе;

– *группа показателей эффективности:* рентабельность обрабатывающих отраслей экономики, %.

3 этап. Определение показателей факторов-аргументов. В качестве факторов-аргументов предлагаются следующие:

- удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет;
- удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт;
- удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет;
- удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы;
- удельный вес организаций промышленности, использовавших цифровые платформы.

4 этап. Сбор и анализ данных: оценка доступной информации для анализа отобранных индикаторов. Статистическая база формируется на основе официальной статистики, размещенной на сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь⁴ и с учетом принципов построения системы показателей: информационная доступность (использовали показатели, которые есть в статистических сборниках Беларуси); сопоставимость используемых показателей (использовали только те показатели, которые имеются в статистических сборниках). Метод исследования – экономико-статистические методы: корреляционно-регрессионный анализ. Инструментарий исследования – табличный процессор MS Excel. Период исследования: 2019–2024 гг.

5 этап. Построение регрессионных моделей влияния факторов цифровизации на показатели экономической безопасности. В связи с недостаточностью информационной базы расчет надежных многофакторных регрессионных моделей не может считаться экономически обоснованным и эффективным, поэтому в ходе исследования влияния неокластеризации на экономическую безопасность Республики Беларусь предлагаются следующие группы однофакторных регрессионных моделей.

Группа моделей 1. Доля инвестиций в основной капитал, в % к ВВП (Y_1) от факторов-аргументов: удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет (X_1); удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт (X_2); удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и Интранет (X_3); удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы (X_4) (формула 1):

$$Y_1 = f(X_1), Y_1 = f(X_2), Y_1 = f(X_3), Y_1 = f(X_4). \quad (1)$$

Группа моделей 2. Индекс промышленного производства (Y_2) от факторов-аргументов: удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет (X_1); удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт (X_2); удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет (X_3); удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы (X_4) (формула 2):

$$Y_2 = f(X_1), Y_2 = f(X_2), Y_2 = f(X_3), Y_2 = f(X_4). \quad (2)$$

Группа моделей 3. Удельный вес инновационной продукции организаций промышленности в стране (Y_3) от факторов-аргументов: удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет (X_1); удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт (X_2); удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет (X_3); удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы (X_4) (формула 3):

$$Y_3 = f(X_1), Y_3 = f(X_2), Y_3 = f(X_3), Y_3 = f(X_4). \quad (3)$$

⁴ URL: <https://www.belstat.gov.by>.

Группа моделей 4. Рентабельность обрабатывающих отраслей экономики (Y_4) от факторов-аргументов: удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет (X_1); удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт (X_2); удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет (X_3); удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы (X_4) (формула 4):

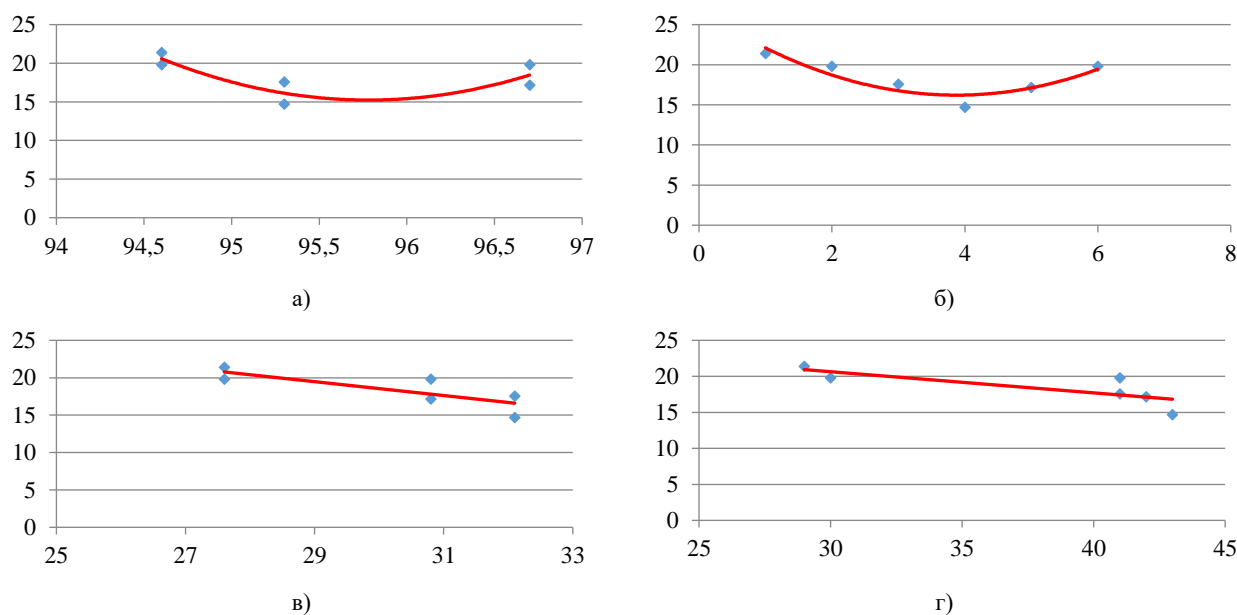
$$Y_4 = f(X_1), Y_4 = f(X_2), Y_4 = f(X_3), Y_4 = f(X_4). \quad (4)$$

Группа моделей 5. Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения (Y_5) от факторов-аргументов: удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет (X_1); удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт (X_2); удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет (X_3); удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы (X_4) (формула 5):

$$Y_5 = f(X_1), Y_5 = f(X_2), Y_5 = f(X_3), Y_5 = f(X_4). \quad (5)$$

Апробация методики оценки влияния неокластеров на показатели экономической безопасности Республики Беларусь. Период исследования: 2019–2024 гг. Для каждого зависимого фактора по группам моделей 1–5 были построены корреляционные поля, наглядно демонстрирующие характер связи и зависимость между исследуемыми показателями за рассматриваемый период (рисунки 1–5), рассчитаны уравнения регрессии по различным формам связи: линейной, полиномиальной, степенной, экспоненциальной. Выбраны уравнения регрессии по наибольшему значению коэффициента детерминации R^2 (таблицы 1–5) и факторы, которые, с одной стороны, тесно коррелируют с показателем эффекта, а с другой – менее коррелируют между собой (во избежание явления коллинеарности).

Группа моделей 1. Корреляционные поля, демонстрирующие зависимость доли инвестиций в основной капитал, в % к ВВП (Y_1) от отдельных факторов представлены на рисунке 1.

а) удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет (X_1); б) удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт (X_2); в) удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет (X_3); г) удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы (X_4)

Рисунок 1. – Корреляционные поля зависимости доли инвестиций в основной капитал, в % к ВВП (Y_1) от факторов

Результаты корреляционно-регрессионного анализа влияния отдельных факторов на долю инвестиций в основной капитал, в % к ВВП (Y_1) за период 2019–2024 гг. представлены в таблице 1.

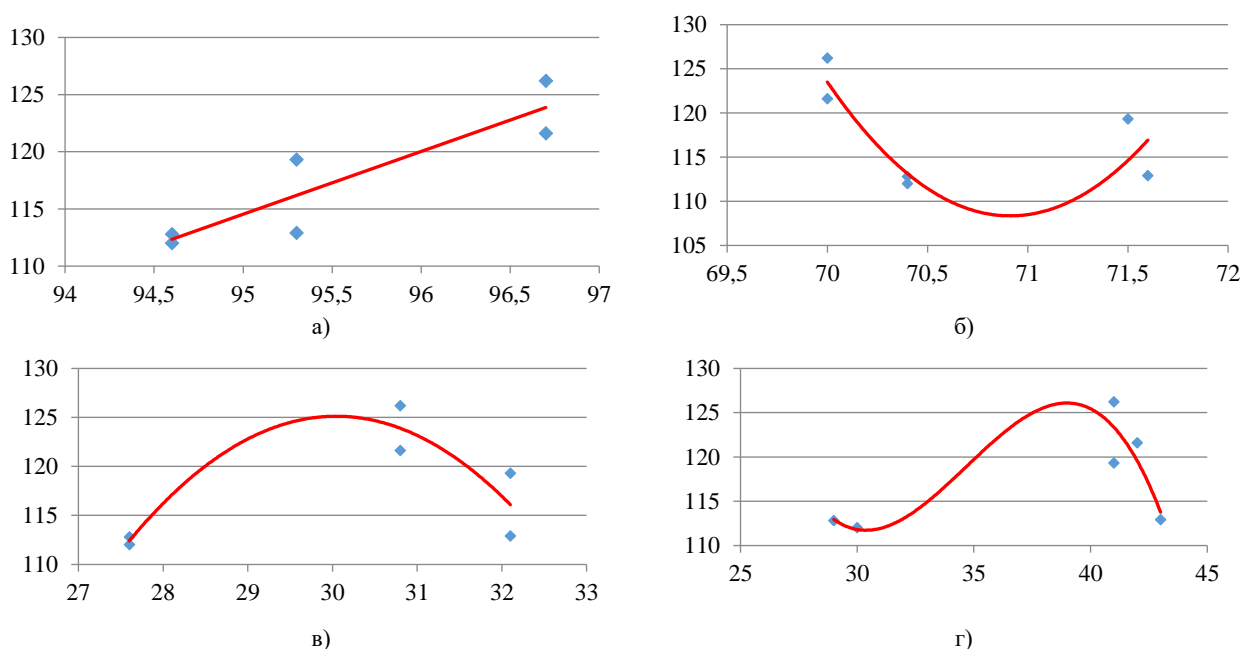
Таблица 1. – Результаты корреляционно-регрессионного анализа влияния отдельных факторов на долю инвестиций в основной капитал, в % к ВВП (Y_1) за период 2019–2024 гг.

Признак-фактор	Вид зависимости	Уравнение регрессии	Коэффициент детерминации R^2
X_1	Полиномиальная	$y = 3,83x^2 - 734,64x + 35198$	0,69
X_2	Полиномиальная	$y = 0,71x^2 - 5,53x + 26,91$	0,83
X_3	Линейная	$y = -0,93x + 46,4$	0,64
X_4	Линейная	$y = -0,29x + 29,46$	0,61

Построенные корреляционные поля, отражающие взаимосвязь доли инвестиций в основной капитал в % к ВВП и факторов а) удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет и б) удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт, указывают на изменчивый характер выявленных зависимостей, а полученные полиномиальные модели, несмотря на сильную корреляционную связь, являются достаточно сложными для анализа. Такие результаты, по нашему мнению, могут быть связаны со многими факторами: существующим лагом между инвестициями в цифровизацию и отдачей в форме прироста ВВП; недостаточно высокими темпами цифровой трансформации субъектов кластера.

Обратная зависимость доли инвестиций в основной капитал в % к ВВП от факторов в) удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет и г) удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы, объясняется, во-первых, существующим лагом между инвестициями в основной капитал и отдачей в форме прироста ВВП; во-вторых, небольшой выборкой (количеством наблюдений) ввиду отсутствия статистических данных. Статистический анализ показал, что наибольшее влияние на долю инвестиций в основной капитал оказали факторы: удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет (X_1) и удельный вес организаций промышленности, использовавших веб-сайт (X_2).

Группа моделей 2. Корреляционные поля, демонстрирующие зависимость индекса промышленного производства (Y_2) от отдельных факторов-аргументов представлены на рисунке 2.

а) удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет (X_1); б) удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт (X_2); в) удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет (X_3); г) удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы (X_4)

Рисунок 2. – Корреляционные поля зависимости индекса промышленного производства (Y_2) от факторов

Результаты корреляционно-регрессионного анализа влияния отдельных факторов на значения индекса промышленного производства (Y_2) за период 2019–2024 гг. представлены в таблице 2.

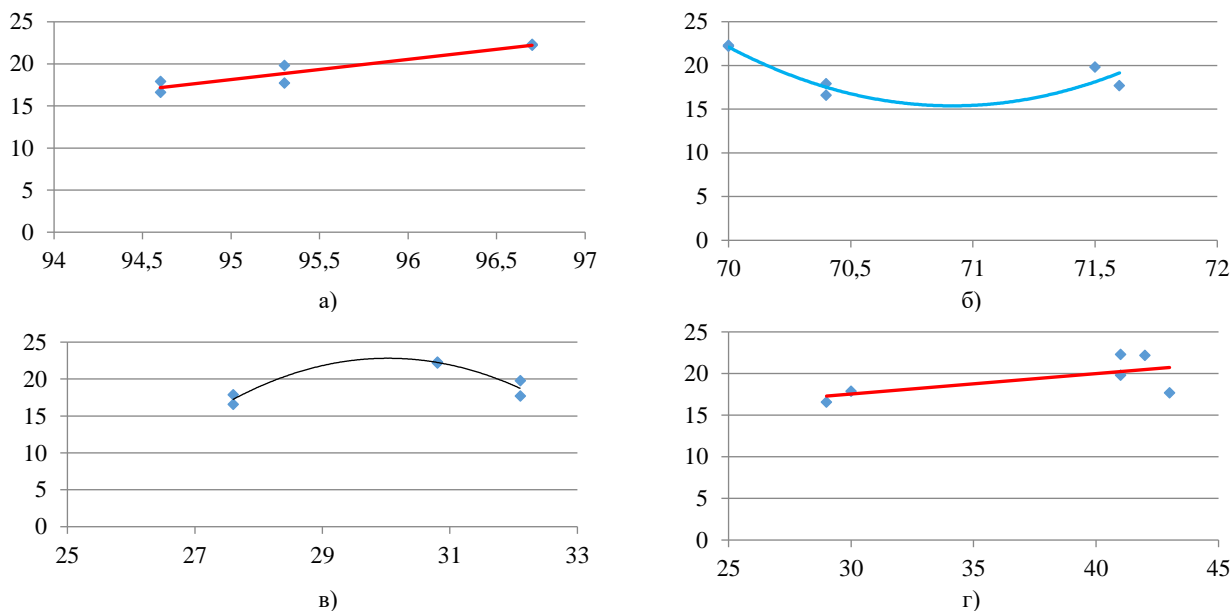
Таблица 2. – Результаты корреляционно-регрессионного анализа влияния отдельных факторов на значения индекса промышленного производства (Y_2) за период 2019–2024 гг.

Признак-фактор	Вид зависимости	Уравнение регрессии	Коэффициент детерминации R^2
X_1	Линейная	$y = 5,49x - 406,99$	0,81
X_2	Полиномиальная	$y = 18,17x^2 - 2577,3x + 91489$	0,70
X_3	Полиномиальная	$y = -2,13x^2 + 128,1x - 1799,1$	0,81
X_4	Полиномиальная	$y = -0,05x^3 + 4,69x^2 - 160x + 1911,2$	0,83

Взаимосвязь значения индекса промышленного производства и факторов б) удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт, в) удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет, г) удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы, в наименьшей степени поддается математическому и функциональному описанию. Построенные корреляционные поля указывают на изменчивый характер этих зависимостей. Несмотря на сильную корреляционную связь, полученные полиномиальные модели являются достаточно сложными для анализа. Такие результаты, по нашему мнению, могут

быть связаны с существующим лагом между инвестициями в основной капитал и отдачей в форме прироста объема промышленного производства; во-вторых, небольшой выборкой (количеством наблюдений) ввиду отсутствия статистических данных.

Группа моделей 3. Корреляционные поля, демонстрирующие зависимость удельного веса инновационной продукции организаций промышленности в стране (Y_3) от отдельных факторов-аргументов представлены на рисунке 3.

- а) удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет (X_1);
 б) удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт (X_2); в) удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет (X_3); г) удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы (X_4)

Рисунок 3. – Корреляционные поля зависимости удельного веса инновационной продукции организаций промышленности в стране (Y_3) от факторов

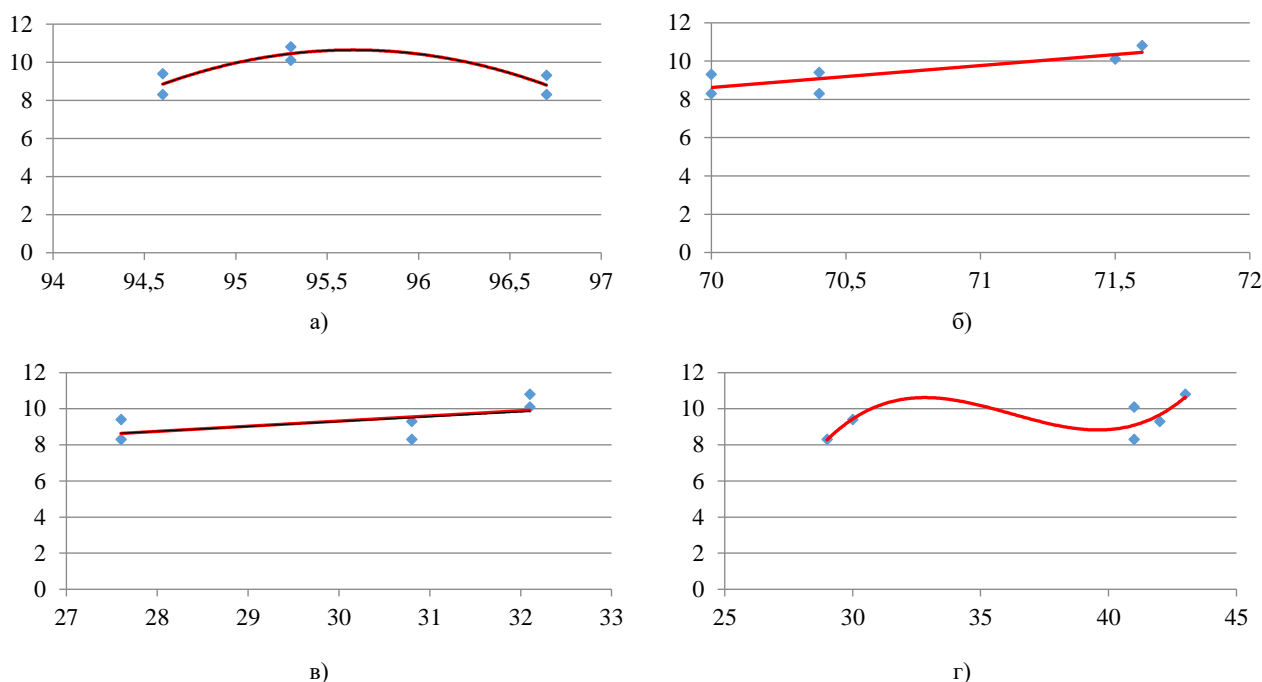
Результаты корреляционно-регрессионного анализа влияния отдельных факторов на значения удельного веса инновационной продукции организаций промышленности в стране (Y_3) за период 2019–2024 гг. представлены в таблице 3.

Таблица 3. – Результаты корреляционно-регрессионного анализа влияния отдельных факторов на значения удельного веса инновационной продукции организаций промышленности в стране (Y_3) за период 2019–2024 гг.

Признак-фактор	Вид зависимости	Уравнение регрессии	Коэффициент детерминации R^2
X_1	Линейная	$y = 2,39x - 209,67$	0,89
X_2	Полиномиальная	$y = 8,03x^2 - 1138,4x + 40380$	0,79
X_3	Полиномиальная	$y = -0,95x^2 + 56,78x - 829,6$	0,89
X_4	Линейная	$y = 0,25x + 10,19$	0,41

Удельный вес инновационной продукции организаций промышленности в стране и факторы а) удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет и г) удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы, связаны прямой корреляционной зависимостью сильной и умеренной силы связи. Полученные линейные модели с достаточной степенью вероятности позволяют оценить влияние фактора-признака на результат. Полученные полиномиальные модели, хотя и являются достаточно сложными для анализа, иллюстрируют тенденцию изменения результирующего показателя. В частности, прямая полиномиальная зависимость между удельным весом инновационной продукции организаций промышленности в стране и фактором б) удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт, может свидетельствовать о прямом влиянии инструмента цифровизации на результат инновационной деятельности, а обратная полиномиальная зависимость между удельным весом инновационной продукции организаций промышленности в стране и фактором в) удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет, демонстрирует смещение приоритетов использования цифровых платформ в организациях промышленности в сторону более прогрессивных технологий обработки и хранения информации.

Группа моделей 4. Корреляционные поля, демонстрирующие зависимость рентабельности обрабатывающих отраслей экономики (Y_4) от отдельных факторов-аргументов представлены на рисунке 4.

а) удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет (X_1); б) удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт (X_2); в) удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет (X_3); г) удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы (X_4)

Рисунок 4. – Корреляционные поля зависимости рентабельности обрабатывающих отраслей экономики (Y_4) от факторов

Результаты корреляционно-регрессионного анализа влияния отдельных факторов на значения рентабельности обрабатывающих отраслей экономики (Y_4) за период 2019–2024 гг. представлены в таблице 4.

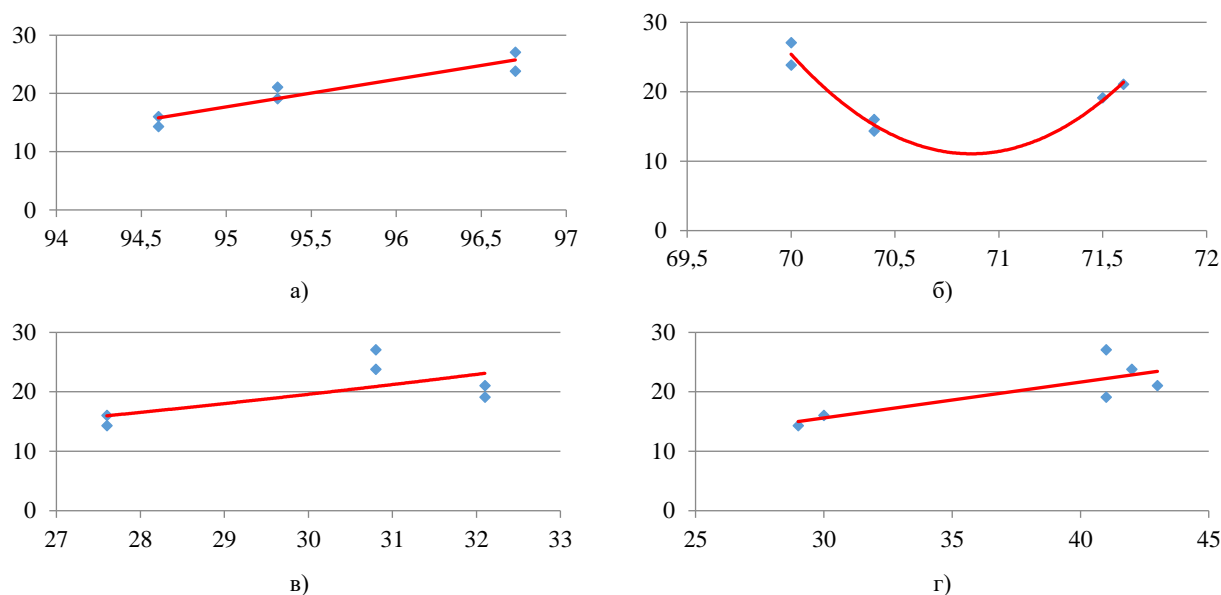
Таблица 4. – Результаты корреляционно-регрессионного анализа влияния отдельных факторов на значения рентабельности обрабатывающих отраслей экономики (Y_4) за период 2019–2024 гг.

Признак-фактор	Вид зависимости	Уравнение регрессии	Коэффициент детерминации R^2
X_1	Полиномиальная	$y = -1,65x^2 + 315,6x - 15080$	0,72
X_2	Линейная	$y = 1,15x - 71,77$	0,70
X_3	Линейная	$y = 0,29x + 0,76$	0,39
X_4	Полиномиальная	$y = 0,01x^3 - 1,25x^2 + 44,9x - 522,6$	0,63

Рентабельность обрабатывающих отраслей экономики и факторы б) удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт; в) удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет, связаны прямой корреляционной зависимостью сильной и умеренной силы связи. Полученные линейные модели с достаточной степенью вероятности позволяют оценить влияние фактора-признака на результат. Полученные полиномиальные модели, с одной стороны, свидетельствуют об изменчивом характере и сложности математического описания рассматриваемых зависимостей, что можно объяснить ограниченностью информационной базы для анализа, с другой стороны, позволяют выявить тенденцию изменения результирующего признака.

Так, например, на основании имеющихся статистических данных можно с уверенностью утверждать, что фактор г) удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы, с течением времени имеет тенденцию к усилению влияния на значение уровня рентабельности обрабатывающих отраслей экономики, по сути, «поглощая» влияние фактора а) удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет. Использование облачных технологий предоставляет доступ через интернет к гибким, масштабируемым и экономически эффективным ИТ-ресурсам устраняя необходимость в покупке и обслуживании собственного оборудования. Это позволяет снизить издержки, повысить доступность данных с любого устройства, обеспечить бесперебойную работу, ускорить инновации и, следовательно, повысить эффективность производства.

Группа моделей 5. Корреляционные поля, демонстрирующих зависимость уровня валового регионального продукта (ВРП) на душу населения (Y_5) от отдельных факторов-аргументов представлены на рисунке 5.

а) удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет (X_1); б) удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт (X_2); в) удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет (X_3); г) удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы (X_4)

Рисунок 5. – Корреляционные поля зависимости значений валового регионального продукта (ВРП) на душу населения (Y_5) от факторов

Результаты корреляционно-регрессионного анализа влияния отдельных факторов на значения валового регионального продукта (ВРП) на душу населения (Y_5) за период 2019–2024 гг. представлены в таблице 5.

Таблица 5. – Результаты корреляционно-регрессионного анализа влияния отдельных факторов на значения валового регионального продукта (ВРП) на душу населения (Y_5) за период 2019–2024 гг.

Признак-фактор	Вид зависимости	Уравнение регрессии	Коэффициент детерминации R^2
X_1	Линейная	$y = 4.7x - 432.6$	0.89
X_2	Полиномиальная	$y = 19.12x^2 - 2710x + 96035$	0.94
X_3	Степенная	$y = 0.0048x^{2.45}$	0.51
X_4	Линейная	$y = 0.6x - 2.48$	0.65

Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения и факторы а) удельный вес организаций промышленности, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет; г) удельный вес организаций промышленности, использовавших облачные сервисы, связаны прямой корреляционной зависимостью сильной и заметной силы связи. Полученные линейные модели с достаточной степенью вероятности позволяют оценить влияние фактора-признака на результат. Полученные степенная и полиномиальная модели, несмотря на сложность математического описания и анализа рассматриваемых зависимостей, позволяют выявить *положительную тенденцию влияния факторов* б) удельный вес организаций промышленности, имевших веб-сайт, и в) удельный вес организаций промышленности, использовавших ЛВС и интранет, на значения уровня валового регионального продукта (ВРП) на душу населения.

Наблюдается положительная динамика влияния факторов-аргументов на ВРП на душу населения, что означает рост влияния цифровизации на экономическую безопасность.

6 этап. Модель обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь на основе неокластеров. На основе проведенного исследования влияния неокластеризации на повышение экономической безопасности национальной экономики, предлагаем следующую модель обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь на основе неокластеров (рисунок 6). Поясним выделенные блоки.

Блок «Создание экономических условий для разработки и внедрения инструментов Индустрии 4.0».

Предлагаются следующие меры для цифровизации субъектов кластеров:

- система налоговых льгот для субъектов кластера, внедряющих цифровые технологии (например, в части подоходного налога, налога на добавленную стоимость, налога на прибыль, упрощенной системы налогообложения);
- меры обеспечения информационной безопасности, технической и криптографической защиты информации (в части снижения административных и финансовых барьеров данной деятельности);
- правовая защита участников неокластеров с использованием современных финансовых технологий.

Рисунок 6. – Модель обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь на основе неокластеров

Блок «Стимулирование межкластерного взаимодействия на основе цифровых инструментов».

Направлениями межкластерного сотрудничества могут быть:

- совместные научные исследования на базе цифровых платформ;
- коллективное использование оборудования;
- совместное продвижение новых продуктов на рынки на базе интернет-площадок.

Экономический эффект межкластерного сотрудничества для стейкхолдеров кластера состоит в повышении имиджа, увеличении дохода, прибыли, потенциала стратегического развития.

Блок «Совершенствование финансирования кластерных проектов».

Предлагаются следующие методы:

- финансирование на условиях государственно-частного партнерства (ГЧП) проектов создания кластерной инфраструктуры (виртуальных центров кластерного развития, цифровых платформ);
- предоставление государственных гарантий банкам под инвестиционные проекты субъектов неокластера.

Блок «Стимулирование инновационного развития субъектов кластера на основе цифровых технологий».

Основными направлениями цифрового развития субъектов кластера являются:

- внедрение цифровых платформ;
- автоматизация производственных процессов (робототехнические комплексы, аддитивное производство, киберфизические системы и интернет вещей, цифровые двойники);
- цифровой дизайн, цифровое прототипирование на основе компьютерной графики, компьютерное 3D-моделирование;
- использование лучших практик (современных стандартов) в ходе управления проектированием, подготовкой производства и поддержанием всех фаз жизненного цикла продукта («Индустрия 4.0»);
- реинжиниринг и роботизация бизнес-процессов (объединение в единый процесс конструирования и технологической подготовки производства);
- формирование единой информационной среды субъектов кластера, объединяющей бизнес-цели, различного рода активы, технологические процессы, маркетинг, сбыт в многоуровневую архитектуру организации.

Блок «Межрегиональное взаимодействие и трансграничное сотрудничество на основе цифровизации».

В качестве направлений сотрудничества предлагаются:

- создание совместных виртуальных предприятий;
- реализация совместных научно-технических программ;
- сотрудничество в области образования и науки на основе инструментов Индустрии 4.0.

Все это будет способствовать изменению архитектуры и моделей управления регионом, новым возможностям маркетинга территории, расширению возможностей внедрения инновационных технологий на предприятиях – субъектах кластера, повышению эффективности производства и бизнес-процессов на предприятиях, сокращению издержек на всех стадиях жизненного цикла продукта за счет переосмысления подходов к межрегиональной кооперации субъектов инновационной деятельности.

Заключение. Таким образом, именно благодаря оценке влияния неокластеризации на показатели экономической безопасности можно полностью наблюдать динамику наиболее важных проблем национальной экономики. Данные итоги представляют собой важную основу для исследования экономической безопасности страны, которая может быть применена не только для мониторинга, но и для принятия решений на государственном

уровне. Практическое значение результатов кластерного исследования состоит в следующем: во-первых, они могут быть использованы субъектами хозяйствования различных форм собственности и отраслей экономики для организации инновационных кластеров; во-вторых, органами регионального управления для разработки стратегий и программ инновационного развития экономики региона на основе кластерного подхода; органами государственного управления для управления процессом кластеризации и разработки стратегий инновационного развития экономики Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кластеры в цифровой экономике: методология, тенденции, практика / Г.А. Яшева, М.А. Слонимская, Ю.Г. Вайлунова, В.К. Егорова, О.М. Шерстнева и др. – Витебск: УО «ВГТУ», 2023. – 219 с.
2. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. – СПб.: «Питер», 1999. – 416 с.
3. Войнаренко М.П. Кластерные технологии в системе развития предпринимательства, интеграции и привлечения инвестиций // Regional forum «Social Aspects and Financing of Industrial Restructuring», 26 and 27 november 2003, Moscow, Russian Federation. Topic 6 : Regional dimension of industrial restructuring. – М.: Press, 2003. – С. 29–37.
4. Götz M. The Industry 4.0 Induced Agility and New Skills in Clusters // Foresight and STI Governance, – 2019. – Vol. 13, № 2. – P. 72–83.
5. Истомина Л.А., Крупский Д.М. Кластеры в регионах: «ЗА» И «НЕ ПРОТИВ»: пособие. – Минск: «Альтиора Форте», 2019. – 120 с.
6. Porter M. E. Location, Competition, and Economic Development: Local Clusters in a Global Economy // Economic Development Quarterly. – 2000. – Vol. 14, № 1. – P. 15–34.
7. Мигранян А.А. Теоретические аспекты формирования конкурентоспособных кластеров в странах с переходной экономикой // Вестник КРСУ. – 2002. – № 3. – С. 22–29.
8. Миндлин Ю.Б. Экономическая сущность кластеров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». – 2011. – № 1. – С. 3–7.
9. Пятинкин С.Ф., Быкова Т.П. Развитие кластеров: сущность, актуальные подходы, зарубежный опыт. – Минск: Тесей, 2008. – 72 с.
10. Янг Лоурен Э. Технопарки и кластеры фирм. – Киев: ПЕРУ, 1995. – 477 с.

Поступила 10.03.2026

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF NEOCLUSTERS ON THE ECONOMIC SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

G. YASHEVA, Y. VAILUNOVA, E. VARDOMATSKAYA
(Vitebsk State Technological University)

The article presents a study assessing the impact of neoclustering on the economic security of the Republic of Belarus using a methodology developed by the authors. The developed methodology includes a six-stage assessment algorithm based on the construction of economic and statistical models of the impact of digitalization factors on economic security indicators. The methodology has been tested using the Belarusian economy as an example. A model for ensuring economic security of the Republic of Belarus based on neoclusters has been developed, comprising five blocks: creating economic conditions for the development and implementation of Industry 4.0 tools, stimulating intercluster interaction using digital tools, improving cluster project financing, stimulating innovative development of cluster entities using digital technologies, interregional interaction, and cross-border cooperation based on digitalization.

Keywords: neoclustering, economic security, digitalization, Industry 4.0, digital tools.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 340:004(043.3)

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-45-50

ФАКТОРЫ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Д.С. АВАЕВА

(Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5952-2685>

В статье приводится систематизация существующих факторов правообразования, обусловленных содержанием общественных отношений в цифровой экономике. К числу внешних факторов автор относит: закономерности цифровых технологий; цифровую трансформацию экономических отношений, в том числе действие специфических экономических законов и условий производства, характерных исключительно для цифровой экономики; социальные и социокультурные трансформации отношений в цифровой среде. Показано, что указанные процессы формируют новые запросы на правовое регулирование, обуславливают возникновение ранее неизвестных объектов регулирования и трансформируют структуру общественных отношений. Особое внимание уделяется внутренним (обеспечивающим) факторам правообразования, связанным с адаптационным потенциалом правовой системы. К ним отнесены: расширение пределов правового регулирования, развитие рефлексивных и инструментальных моделей права, формирование технологически ориентированных принципов регулирования, появление цифровых форматов изложения правовых норм и интерактивных процедур нормотворчества, развитие юрисдикционных моделей и механизмов. Сделан вывод о том, что правообразующая природа цифровой экономики проявляется во взаимодействии технологических, экономических и социальных факторов, которые формируют новые условия развития правовой системы и требуют разработки современной теоретико-правовой модели правового регулирования.

Ключевые слова: правообразование, цифровая экономика, факторы правообразования, правовое регулирование, рефлексивное право, юрисдикция в цифровой среде.

Введение. Цифровую экономику как сложный многоаспектный феномен характеризует ряд качеств, отличающих его от иных этапов развития технико-экономической парадигмы и являющихся предметом холистического и взаимодополняемого изучения как социально-гуманитарных, так и естественных наук, адекватных для своевременной регламентации структурных преобразований процессов производства, распределения, обмена и потребления на основе интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). При этом для юриспруденции её рассмотрение необходимо лишь в той части, в которой экономические отношения выступают в качестве объективной основы права. В данных условиях особую актуальность приобретает разработка теоретико-правовой модели правообразования, которая учитывала бы взаимосвязь технологических, экономических, социальных и правовых факторов. Такая модель должна объяснять природу трансформации источников и форм права в цифровую эпоху, выявлять закономерности изменения правообразующих интересов, а также предлагать ориентиры для построения эффективной правовой политики в условиях цифровой трансформации.

Указанные выводы корреспондируют позиции В.Ф. Попондопуло и других исследователей, утверждающих, что юридическая наука при необходимости использует знания других наук и эмпирических знаний, не ограничиваясь догмой права [1, с. 71; 2, с. 17; 3, с. 8; 4, с. 3], а познание социального закона, по мнению Н.В. Сильченко, также необходимо как познание закона юридического, поскольку оно дает возможность приблизить их друг к другу, сделать юридический закон согласованным с социальными отношениями, которые он регулирует [5, с. 43]. Согласимся с Ю.А. Тихомировым и другими авторами в том, что пренебрежение изучением реальных процессов может обернуться лишь попыткой внешнего решения какой-либо проблемы, при этом принятые акты останутся бездействующими [6, с. 9].

Теория факторов правообразования получила значительную разработку в юридической науке. В частности, в рамках теории социального механизма правового регулирования, находящегося в тесной связи с юридическим механизмом, в качестве его элементов наряду с субъектами, социально-правовыми средствами, юридически значимой деятельностью и ее результатами, рассматриваются разнообразные социальные факторы (факты), влияющие на них [7, с. 210; 8, с. 91–92; 9, с. 108; 10, с. 8–23; 11, с. 44–65]. В частности, в соответствии с критерием влияния на характер и содержание правового регулирования, предложенным Н.А. Придворовым и В.В. Трофимовым, факторы правообразования можно разделить на основные (внешние) и обеспечивающие (внутренние) [12, с. 163–164].

Основная часть. Правообразующая природа цифровой экономики проявляется в комплексном и динамичном взаимодействии трансформированных под влиянием цифровой среды классических факторов правообразования, где технологические и экономические инновации выступают не просто фоном, а активными генераторами новых правовых потребностей и моделей.

Во-первых, она проявляется в изменении качества и иерархии внешних факторов. Если традиционно ведущая роль отводилась социально-экономическим и политическим факторам, то в цифровую эпоху на первый план выходят технологические детерминанты. Именно технологии (искусственный интеллект (далее – ИИ), боль-

шие данные, распределенные реестры) создают принципиально новые общественные отношения, которые инициируют процесс правообразования. Экономические факторы, такие как рост платформенной экономики, оказывают воздействие на правообразование, мгновенно создавая правовые пробелы и коллизии в масштабах, невиданных для индустриальной эпохи.

Во-вторых, меняется характер внутренних факторов. Адаптивность правовой системы, скорость и гибкость правотворческих процедур, уровень цифровой компетентности законодателя становятся критически важными условиями для адекватного ответа на внешние вызовы. Традиционные механизмы правообразования, рассчитанные на эволюционное развитие, зачастую не успевают за «цифровым темпом», что актуализирует потребность в новых формах, например, экспериментальные правовые режимы, которые сами по себе являются продуктом новой правообразующей реальности.

В-третьих, стирается жесткая граница между внешними и внутренними факторами. Цифровая экономика порождает гибридные правообразующие факторы, такие как техно-социальные нормы (код как регулятор) и транснациональные правовые режимы, формируемые технологическими корпорациями. Эти факторы одновременно являются и внешними по отношению к национальной правовой системе, и внутренними, так как непосредственно воздействуют на правосознание и поведение субъектов внутри отдельных юрисдикций.

Учитывая изложенное, представляется логичным перейти к детальному анализу внешних факторов правообразования в цифровой экономике.

Технологические закономерности. Так, в основе современного этапа технико-экономической парадигмы лежит группа технологий, составляющих сверхсложные системы. К ним, как правило, относятся большие данные, технологии связи пятого поколения, промышленный интернет и интернет вещей, ИИ, компоненты робототехники и сенсорики, системы распределенного реестра, технологии виртуальной и дополненной реальностей и другие. Перечень таких технологий является открытым и постоянно дополняющимся, что предполагает обширные перспективы для инноваций как внутри рассматриваемой области, так и вне ее. Общим для них является набор уникальных характеристик: высокая степень конвергенции, высокая скорость, с которой старые поколения техники сменяются новыми, сокращая среднюю продолжительность жизни предприятий (с 60 до 17 лет) [13, с. 27]; омниканальный, сквозной и гибкий характер большинства современных технологий, интеллектуализация, виртуализация, сетевая логика, задаваемая цифровыми технологиями, а также действие собственных законов (например, закон Мура, закон Меткалфа и др.), которые отдельно и в своей совокупности формируют массу социальных эффектов, в том числе и в экономической сфере, опосредованно оказывая воздействие на государство и право.

Технические особенности цифровых технологий оказывают влияние на характер выполняемых функций, а также роль, которую они играют в обществе. При этом они способны вступать в противоречие с содержанием отдельных подходов к правовому регулированию отношений в цифровой экономике. Так, А.И. Савельев справедливо отмечает, что концепция информированного согласия на обработку персональных данных, являющаяся основой законодательства в области защиты персональных данных, вступает в противоречие с оперативностью соответствующих коммуникаций (транзакций), что представляет основную ценность ИКТ [14, с. 57].

Трансформация экономических отношений в цифровой среде. Использование цифровых технологий в экономической сфере приводит к нерелевантности некоторых законов товарного капитализма и детерминирует содержание специфических экономических законов, действие которых в наибольшей степени можно наблюдать в рамках новых рынков и бизнес-моделей (к таким можно отнести рынок услуг социальных сетей, рынок интернет-поиска, рынок стриминговых сервисов, рынок услуг агрегаторов и другие). Отметим также, что с внедрением цифровых технологий стало возможным формирование, изменение потребительского поведения, появление новых моделей производства (например, с использованием «цифровых двойников»). Кроме того, по мнению некоторых авторов, «главным производительным ресурсом и фактором производства информационно-цифровых благ становятся нематериальные активы в цифровом виде: данные, большие данные, информация, знания» [15, с. 45].

С одной стороны, информация, а в большей степени знания, по своим конструктивным свойствам определяются общественным характером их «производства» [16, с. 19–25], не являются дефицитным ресурсом и не могут считаться товаром. Данные свойства вступают в противоречие с тенденциями коммодификации и частным характером присвоения результата в качестве «фиктивного товара» [17, с. 377], которое лишь усиливается в связи с тем, что цифровые технологии предоставляют беспрецедентную возможность их быстрого распространения при нулевых издержках. Однако в условиях капиталистической экономики право интеллектуальной собственности, антимонопольное право не в полной мере отражают данную закономерность, что приводит к неоправданно высокому уровню капитализации частных корпораций, а также монополизации, которая становится барьером на пути формирования «экономики знаний».

Социальные и социокультурные трансформации. Правообразующая природа цифровой экономики проявляется в глубинных социальных и социокультурных сдвигах, которые формируют новый ландшафт общественных отношений, требующих нормативной правовой регламентации. Эти трансформации носят системный характер и затрагивают основы социальной организации.

Во-первых, происходит радикальная трансформация социальной структуры. На основании исследований Т. Пикетти можно сделать вывод о том, что капитализм цифровой эпохи обладает имманентной склонностью к усилению социального неравенства [18, с. 227, 237, 374]. Это создает мощный социальный запрос на правовые механизмы, направленные на обеспечение справедливости, будь то прогрессивное налогообложение цифровых

активов или регулирование монопольных практик технологических гигантов. Одновременно, как отмечает Г. Стэндинг, формируется новый социальный класс – прекариат, для которого характерны неустойчивая занятость, отсутствие социальных гарантий и профессиональной идентичности [19, с. 20, 25, 47.]. Массовый характер прекариатизации в условиях гиг-экономики и платформенной занятости порождает острую потребность в создании новой правовой парадигмы трудовых отношений, выходящей за рамки традиционной бинарной модели «работник – работодатель».

Во-вторых, наблюдаются фундаментальные изменения в структуре производства и потребления. Это приводит к появлению новых объектов правового регулирования (например, цифровые активы, данные) и изменению правового режима традиционных благ (переход от права собственности к праву доступа).

В-третьих, цифровая среда порождает новые формы социальных рисков и конфликтов. Среди них следует назвать риск алгоритмической дискриминации и усиления социального неравенства, риск цифровой исключенности, появление новых видов цифровых угроз, а также рост киберпреступности.

В-четвертых, важным социальным фактором является формирование новой субъектной структуры общества, включающей как новых человеческих акторов (работники платформ, «цифровые кочевники»), так и квази-субъектов (ИИ, децентрализованные автономные организации), что ставит перед правом задачу регламентации принципиально новых социальных статусов.

В-пятых, еще одной группой факторов является переход власти от экономических агентов, владеющих физическими активами, к обладателям и разработчикам новых технологий и владельцам информационных платформ; изменения, относящиеся к традиционным компаниям, обусловленные цифровой трансформацией ключевых аспектов их деятельности; расширение перечня экономических агентов, деятельность которых стала возможна благодаря новым технологическим решениям. Среди названных экономических агентов можно выделить телекоммуникационные компании, провайдеров интернет-трафика, сервисы Интернет-телефонии, видеосервисы, социальные сети, информационные агентства, онлайн ритейлеры и виртуальные молы, поставщиков поисковых систем, мессенджеров, игровые приложения, интернет-банки и др. Большинство из них рассматриваются в качестве институциональных посредников, к которым предъявляются требования инкорпорации в соответствии с законодательством определенного государства, обеспечения соответствия критериям финансовой стабильности, выполнению обязательств по управлению рисками.

Рассмотренные выше внешние факторы правообразования характеризуют изменения в экономической, технологической и социальной среде, которые формируют объективную потребность в правовом регулировании цифровой экономики и определяют направления его развития. Вместе с тем воздействие указанных факторов носит опосредованный характер, в отличие от внутренних факторов имманентно присущих праву и связанным с особенностями его структуры, принципов и механизмов функционирования. Среди них особую актуальность приобретают: расширение пределов правового регулирования, развитие рефлексивных и инструментальных моделей права, формирование технологически ориентированных принципов регулирования, появление цифровых форматов изложения правовых норм и интерактивных процедур нормотворчества, развитие юрисдикционных моделей и механизмов.

Расширение пределов правового регулирования общественных отношений как внутренний фактор, обеспечивающий адаптационный потенциал правовой системы, во многом обусловлено формированием качественно новых общественных отношений или значительной трансформацией уже существующих, приводящих к расширению (изменению) сферы правового регулирования [20, с. 4], необходимостью перенастройки механизма правового регулирования в соответствии с комплексом факторов, детерминирующих правовое регулирование цифровой экономики и имеющих сложную технико-экономическую природу. Полагаем, что проблема установления пределов правового регулирования цифровой экономики требует обращения к различным аспектам их понимания. Необходим учет онтологических характеристик цифровых объектов, поскольку в отличие от иных процессов цифровая трансформация, как было показано выше, характеризуется появлением виртуальных объектов, чья идентификация и медийная природа на протяжении длительного периода времени может оставаться неопределенной. Здесь применим подход В.В. Архипова, предложившего выделять семантические пределы права в условиях медийного поворота, включающего цифровой и игровой компоненты.

Семантические пределы права составляют критерии «серьезности» и «несерьезности» предмета правоотношений, определяемые его социально-валютной ценностью, а также его функциональность, определяющаяся как «фантазийная». То есть предмет виртуален, при этом его структура не изоморфна виртуальной модели реального предмета, или «не фантазийная». Для целей правотворчества концепция семантических пределов права используется в усеченном варианте, поскольку следует установить лишь наличие внешнего референта ценности. Такой подход позволит оценивать, будет ли абсурдным правовое регулирование общественных отношений с предметом, обладающим указанным свойством, что означает возможность оценивать его перспективы применительно к виртуальному имуществу, ИИ и др. [21, с. 316–320].

Социологический аспект пределов правового регулирования, предложенный И.Л. Вершок, предполагает включение в их основу двух уровней общественных отношений: которые в силу государственной значимости и содержания реализуемых государством функций юридически регламентированы (в них четко определены пространственно-временные границы); которые подвергаются социально-правовому регулированию, то есть отношения, обладающие высоким уровнем социальной значимости, однако в силу интенсификации их развития не ставшие предметом государственного регулирования (для них пространственно-временные границы размыты) [22, с. 11].

Вместе с тем рассмотренные выше подходы не снимают вопроса об установлении пределов правового регулирования с точки зрения их допустимости и объема. В этом контексте следует обратиться к нормативно-ценностной основе правового регулирования, формализуемой в принципах правообразования (С.Г. Дробязко называет в качестве таковых прагматизм и демократизм [23]) и нормотворческой деятельности. Так, в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» закреплены принципы: конституционности (законности); гуманизма; защиты прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, интересов общества и государства, социальной справедливости; гласности; социально-экономической обусловленности и др. Таким образом, определение пределов правового регулирования общественных отношений в цифровой экономике должно опираться не на узкое позитивистское их понимание, а учитывать онтологический, социологический и нормативно-ценностные аспекты, что позволит избежать как неоправданной юридикации, так и правового вакуума в отношении новых социально-экономических феноменов, порожденных цифровой трансформацией.

Собственным ресурсом правовой системы, направленным на ее адаптацию к высокодинамичной цифровой среде, является **целенаправленное развитие и имплементация новых правовых моделей и принципов**, в первую очередь, рефлексивного права и регуляторного инструментализма. Эти модели представляют собой эволюцию внутреннего методологического аппарата права, направленную на преодоление его традиционной инерционности (например, инструментально-механистическое рассмотрение теории правового регулирования) [24, с. 5–23].

Формирование правовой системой технологически ориентированных принципов регулирования. По мере усложнения общественных отношений в сфере цифровой экономики, которые отличает высокая технологичность, существенно преобразуются процессы производства, распределения, обмена, потребления, при этом отдельные характеристики цифровых технологий могут быть не изучены в достаточной степени или совсем неизвестны, что, в свою очередь, порождает проблему доверия. Усиливается хорошо известная для юридической науки тенденция повышения роли технико-юридических норм, о чем говорили В.М. Ведяхин («инженеризация» правотворчества) [25, с. 24], Н.В. Сильченко («диктатура технологии» и понятие технического типа социального регулирования) [26, с. 31;27] и др.

Развитие цифровых форматов права и интерактивных процедур нормотворчества. Способность правовой системы к внутренней трансформации под воздействием цифровой коммуникации представляет собой ключевой обеспечивающий фактор современного правообразования. Эта трансформация проявляется в активном развитии новых форм существования и изложения правовых норм, адекватных цифровой среде, что коренным образом меняет традиционные процедуры правотворчества и правоприменения. Внутри правовой системы формируется новый цифровой инструментарий, который становится обеспечивающим условием для адекватного ответа на вызовы цифровой экономики. Этот инструментарий включает:

– Переход от статичного текста к динамичным, машиночитаемым форматам права. Согласимся с В.Д. Ипатовым и Ю.С. Климовичем, что для Республики Беларусь рассмотрение вопросов алгоритмизации правотворчества и правоприменения также имеет особый приоритет [28, с. 57–58], что потребует пересмотра как существующих нормативных правовых актов, так и трансформации стиля нормотворческого мышления [29, с. 121–122].

– Развитие интерактивных и партисипативных процедур нормотворчества («электронного нормотворчества»). Теоретическим обоснованием развития интерактивных процедур нормотворчества выступает коммуникативная теория права и концепция Д. Ховса, согласно которой цифровая форма коммуникации, пришедшая на смену устной и печатной, обладает фундаментальными свойствами, трансформирующими природу правового текста. Благодаря таким характеристикам цифровой информации, как гибкость (возможность перенастройки и редактирования), незавершенность (открытость для дополнений) и трансграничность, на первый план выходит ее ключевое свойство – интерактивность. Это свойство порождает новое понимание авторства и создает условия для коллективного участия в создании текстов, включая нормативные правовые акты [30].

– Осознанное использование архитектуры кода как правового инструмента («Code is Law»). Концепция Л. Лессига не констатирует пассивную зависимость права от кода, а призывает к активному и осмысленному использованию программного кода как обеспечивающего средства для реализации правовой политики. В ответ на эти вызовы правовая сфера адаптируется: осуществляется подготовка специалистов, способных работать на стыке права и технологий, правовые нормы, такие как принцип проектируемой конфиденциальности интегрируются в саму архитектуру цифровых систем.

Развитие юрисдикционных моделей и механизмов правовой адаптации. Способность правовой системы к адаптации является ключевым фактором, определяющим эффективность правообразования в условиях цифровой экономики. Эта способность проявляется в активном развитии правовой системой новых юрисдикционных моделей и процедур, призванных преодолеть несоответствие между традиционным, территориально привязанным регулированием и трансграничной, виртуальной природой киберпространства.

К таким механизмам адаптации можно отнести:

– Разработку новых коллизионных принципов и доктрин установления юрисдикции. В США были сформулированы правило минимальных контактов и принцип скользящей шкалы, в Европейском союзе действует принцип направленности деятельности, а в России применяется тест доступности Интернет-ресурса [31; 32, с. 27–28.]. Рассмотренные правила дают возможность устанавливать судебную юрисдикцию в отношении лиц, находящихся вне территории государства суда, только по причине того, что у лиц государства, обладающего

юрисдикцией, имелся доступ к информации, с которой связаны нарушения. В ряде случаев государства принимают нормативные правовые акты с экстерриториальным характером действия, что приводит к наложению юрисдикционных притязаний различных государств и, как следствие, к возникновению коллизий юрисдикций.

– Определение юрисдикции с помощью различных наднациональных структур – субъектов международного права. Примером может служить инициатива в рамках ОЭСР по Заявлению о двухкомпонентном решении налоговых проблем, возникающих в результате цифровизации экономики (Pillar 1, 2), ориентированному на создание новых правил распределения прибыли и ограничения конкуренции юрисдикций в части налога на прибыль посредством установления глобальной минимальной ставки корпоративного налога. Указанное предполагает унификацию правил по определению пределов действия налоговых норм, а также установления юрисдикции по принципу «экономической связи» (nexus rule), то есть в зависимости от объема транзакций, а не от физического присутствия на территории государства [33, с. 144].

– Разработку мер национального характера по установлению трансграничного действия некоторых нормативных правовых актов (например, в сфере защиты персональных данных), а также «приземлению» субъектов, осуществляющих свою деятельность в цифровой среде. В частности, в Австралии, Турции, России, некоторых странах Евросоюза были приняты нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Приобретая такой статус иностранное лицо должно исполнить ряд обязанностей, которые выступают гарантиями реализации положений национального законодательства.

Заключение. Таким образом, правообразующая природа цифровой экономики заключается в её способности активно формировать новую правовую онтологию, где традиционная причинно-следственная связь между общественной потребностью и правовой нормой опосредуется сложной сетью технологических, экономических и социальных факторов, требующих для своего осмысления и применения разработки новой теоретико-правовой модели. Она включает внешние, не зависящие от правовой системы, факторы, которые создают «проблемные правовые ситуации», и опосредовано влияют на выбор оптимальной модели правового регулирования. К их числу могут быть отнесены закономерности цифровых технологий; цифровая трансформация экономических отношений, в том числе действие специфических экономических законов и условий производства, характерных исключительно для цифровой экономики; социальные и социокультурные трансформации отношений в цифровой среде. В то же время праву имманентно присущи собственные закономерности развития, где характер и содержание регулируемых общественных отношений требуют от права его адекватной «перенастройки». Среди них рассмотрены расширение пределов правового регулирования, развитие рефлексивных и инструментальных моделей права, формирование технологически ориентированных принципов регулирования, появление цифровых форматов изложения правовых норм и интерактивных процедур нормотворчества, развитие юрисдикционных моделей и механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попондопуло В.Ф. Объект и предмет юридической науки // Правоведение. – 2016. – № 5(328). – С. 68–85.
2. Честнов И.Л. Постклассическая методология юридических исследований // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 2(76). – С. 14–21.
3. Ковкель Н.Ф., Селютин Е.Н., Холодов В.А. История и методология юридической науки: учеб. пособие для магистров. – Орел: ОФ РАНХиГС, 2015. – 176 с.
4. Цифровые отношения как предмет правового исследования / С. Банакас, Д.А. Петров, В.Ф. Попондопуло, Е.В. Силина // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. – 2023. – № 2. – С. 492–509.
5. Сильченко Н.В. Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики / Под ред. С.Ф. Сокола. – Минск.: Навука і тэхніка, 1993. – 119 с.
6. Право и цифровая информация / Ю.А. Тихомиров, Н.В. Кичигин, Ф.В. Цомартова, С.Б. Бальхаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 4–23.
7. Корнев А.В. Социология права. – М.: ООО «Издательство «Проспект»», 2017. – 336 с.
8. Сырых В.М. Социология права. – 4-е изд., доп. и перераб. – М.: Юстицинформ. – 2012. – 472 с.
9. Сырых В.М. Социальный механизм правового регулирования: понятие, состав и структура // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 2. – С. 106–119.
10. Дробязко С.Г. Право и материально-техническая база коммунизма. – М.: Юрид. лит., 1967. – 174 с.
11. Дробязко С.Г. Роль законодательства в создании материально-технической базы коммунизма. – Минск: БГУ, 1971. – 140 с.
12. Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. – М.: Норма, 2016. – С. 163–164.
13. Цифровая трансформация экономики: теория и практика в интеграционных союзах / А.Н. Аюпов [и др.]; под общ.ред. М.Л. Зеленкевич, Н.Н. Бондаренко. – Минск: Институт бизнеса БГУ, 2020. – 257 с.
14. Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 1. – С. 43–66.
15. Осипов Ю.М., Юдина Т.Н., Гелисханов И.З. Информационно-цифровая экономика: концепт, основные параметры и механизмы реализации // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. – 2019. – № 3. – С. 42–61.
16. Прудон П. Литературные майораты. – С. Петербург: Издание Жиркевича и Зубарева, 1865. – 191 с.
17. Тугушева Р.Р. Фиктивные товары в современной экономике: общее и особенное // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2015. – № 4. – С. 376–381.
18. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: АдМаргинем Пресс, 2015. – 592 с.

19. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: АдМаргинем Пресс, 2014. – 328 с.
20. Бибило В.Н. Право в системе социального регулирования // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2023. – № 3. – С. 3–9.
21. Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. – СПб., 2019. – 425 с.
22. Вершок И.Л. Границы правового регулирования: теоретические и прикладные проблемы // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Н.А. Карпович (гл. ред.). – Минск: Колорград, 2020. – Вып. 15. – С. 4–12.
23. Дробязко С.Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // Право и демократия: сб. науч. тр. – Минск: БГУ, 2003. – Вып. 14. – URL: https://law.bsu.by/pub/31/Drobyazko_57.pdf (дата обращения 11.04.2024).
24. Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Теория правового регулирования: современный дискурс и практика // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29, № 5. – С. 5–23.
25. Ведяхин В.М. Правовое регулирование научно-технического прогресса: теоретико-правовой аспект / Под ред. Р. О. Халфиной. – Куйбышев: Изд-во Саратов. ун-та. Куйбышев. фил., 1990. – 194 с.
26. Сильченко Н.В. Техническое регулирование общественных отношений и проблемы теории права // Право.by. – 2019. – № 6(62). – С. 28–32.
27. Сильченко Н.В. Технический тип социального регулирования: понятие, элементы и место в системе социального регулирования. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/236707/1/47-56.pdf> (дата обращения 29.09.2025).
28. Ипатов В.Д., Климович Ю.С. О приоритетных направлениях научно-правовых исследований в условиях цифровизации общества и государства // Право.by. – 2023. – № 6. – С. 54–61.
29. Соловьев П.В. Трансформация содержания нормативного правового акта в условиях цифровизации // Право.by. – 2023. – № 4. – С. 120–127.
30. Howes D. E-Legislation: law-making in the digital age. – URL: <https://canlii.ca/t/2b9n> (дата обращения 29.09.2025).
31. Menthe D. C. Jurisdiction in Cyberspace: A Theory of International Spaces. – URL: <https://repository.law.umich.edu/mttlr/vol4/iss1/3/> (дата обращения: 06.03.2026).
32. Азизов Р.Ф. Правовые проблемы определения юрисдикции в сети Интернет // Информационное право. – 2014. – № 5. – С. 27–28.
33. Маркевич Д.С. (Аваева Д.С.) Экономическая природа объектов в цифровой экономике и ее отражение в праве // Актуальные проблемы гражданского права. – 2021. – № 2(18). – С. 136–146.

Поступила 10.03.2026

LAW-FORMATION FACTORS IN THE DIGITAL ECONOMY

D. AVAEVA

(Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article systematizes the existing factors of law formation, conditioned by the nature of social relations in the digital economy. The author attributes the following external factors: the digital technology patterns; the digital transformation of economic relations, including the effect of specific economic laws and production conditions characteristic exclusively of the digital economy; and social and socio-cultural transformations of relations in the digital environment. It is shown that these processes are generating new demands for legal regulation, leading to the emergence of previously unknown regulatory objects, and transforming the structure of social relations. Particular attention is paid to the internal (enabling) factors of lawmaking associated with the adaptive potential of the legal system. These include: the expansion of the scope of legal regulation, the development of reflexive and instrumental legal models, the formation of technology-oriented regulatory principles, the emergence of digital formats for presenting legal norms and interactive rulemaking procedures, and the development of jurisdictional models and mechanisms. It is concluded that the law-making nature of the digital economy is manifested in the interaction of technological, economic, and social factors, which shape new conditions for the development of the legal system and require the development of a modern theoretical model of legal regulation.

Keywords: law formation, digital economy, factors of law formation, legal regulation, reflexive law, jurisdiction in the digital environment.

УДК 346.191

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-51-55

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РЕГИСТРАЦИИ ХОЛДИНГОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С.Д. БЕЛОУСОВА

(Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-5226-5273>

В статье анализируется правовая природа регистрации холдингов в Республике Беларусь. Приводится мнение ученых о необходимости установления регистрации холдингов и рассматривается зарубежный опыт формализации групп компаний. Ставится вопрос об отраслевой принадлежности норм, регулирующих порядок регистрации холдинга. Делается вывод о том, что несмотря на частноправовую сущность холдинга, нормы о его регистрации относятся к сфере административного права. Процедура регистрации холдинга является объектом межотраслевого регулирования, поскольку посредством норм административного права обеспечивается легитимация частноправового объединения.

Ключевые слова: холдинг, регистрация холдинга, юридическая процедура, гражданское право, административное право, межотраслевые связи.

Введение. Конститутивным признаком холдингов по праву Республики Беларусь является требование об их регистрации, которое прямо предусмотрено в части третьей п. 3 Указа Президента Республики Беларусь от 7 октября 2021 г. «О создании и деятельности холдингов» (далее – Указ № 385). Данное требование не является новым для белорусских холдингов; впервые оно было введено Указом Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 660 «О некоторых вопросах создания и деятельности холдингов в Республике Беларусь». Соответственно, объединение юридических лиц, формально подпадающее под признаки холдинга, содержащиеся в Указе № 385, но не зарегистрированное в качестве холдинга в Министерстве экономики Республики Беларусь, таковым статусом не обладает. Это, по мнению исследователей, свидетельствует о субъективности холдинга как правового явления [1, с. 252].

В науке гражданского права правовые аспекты порядка регистрации холдинга были затронуты в работах Я.И. Функа [1], В.Ф. Чигира [2], М.П. Короткевич [3], Т.М. Проташик [4] и др. Однако ряд вопросов, включая оценку необходимости наличия такой процедуры, определение правовой природы норм, ее регулирующих, и практических последствий, возникающих в связи с приобретением правового статуса холдинга после осуществления указанной процедуры, остаются недостаточно разработанными. Целью настоящей статьи является восполнение этого пробела путем комплексного исследования регистрации холдингов в Республике Беларусь, направленного на выявление ее сущности как юридической процедуры и отраслевой принадлежности норм, регулирующих такую регистрацию.

Основная часть. Регистрация холдингов как способ идентификации определенного объединения юридических лиц предусмотрена не во всех странах¹. В Российской Федерации, к примеру, в проекте Федерального закона «О холдингах» предлагалось установить государственную регистрацию холдингов (указанный проект закона так и не был принят)². В отношении внедрения такого механизма российскими учеными высказывались различные позиции. Н.Ю. Коваленко отрицает необходимость государственной регистрации холдинга ввиду непризнания его юридическим лицом и предлагает ограничиться дополнением заявления, предоставляемого в числе прочих документов при регистрации юридических лиц, разделом «Сведения об участии в холдинге», тем самым выполняя функцию информирования³. И.С. Шиткина регистрацию холдингов считает излишней, допуская введение данной процедуры лишь при распространении на участников холдинга режима консолидированного налогоплательщика [5, с. 22–23]. В качестве способов формализации холдинга автор называет следующие: «1) указание на принадлежность к холдингу в уставе основного и дочерних обществ; 2) использование отдельных элементов фирменного наименования, товарного знака (знака обслуживания), коммерческого обозначения одного из участников холдинга в фирменном наименовании, товарных знаках (знаках обслуживания), коммерческих обозначениях других участников; 3) использование единого коммерческого обозначения для идентификации предприятий, принадлежащих к одному бизнесу» [5, с. 24]. В свою очередь В.А. Лаптев видит необходимым установить обязательную уведомительную (заявительную) регистрацию всех холдингов, сопровождающуюся созданием реестра холдингов. Он полагает возможным говорить о существовании косвенной государственной регистрации холдинга в случаях, когда «холдинг регистрирует в соответствующих государственных органах

¹ Законодательство зарубежных государств использует различные категории (группа компаний, концерн, холдинг и др.) в отношении корпоративных объединений, аналогичных белорусским холдингам. В рамках данной статьи будут использоваться термины «холдинг» и «группа компаний». Подробнее: см. Функ Я.И. О холдингах в белорусском праве // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: И.Э. Мартыненко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2010. – С. 246.

² URL: <https://docs.cntd.ru/document/901811275>.

³ Коваленко Н.Ю. Холдинг как гражданско-правовая модель взаимодействия хозяйствующих субъектов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Юж. федер. ун-т. – Ростов-н/Д, 2010. – С. 15, 17.

учредительные документы организаций и (или) эмиссии акций организаций (дочерних компаний), где отражена степень (доли) участия, а следовательно, и определение решений дочерних обществ»⁴. Н.А. Кашин, поддерживая идею введения государственной регистрации холдинга, увязывает целесообразность ее установления с необходимостью осуществления государственного контроля за созданием и деятельностью холдингов⁵.

В то время как в России вопрос регистрации холдингов остается дискуссионным и законодательно не урегулированным, во многих зарубежных правовых системах предусмотрена легитимация групп компаний, что позволяет говорить о существовании устойчивой тенденции к их формализации.

В Законе Бразилии от 15 декабря 1976 г. № 6.404 о корпорациях (Lei № 6.404 de 15 de dezembro de 1976 das Sociedades Anônimas) содержится отдельная глава, касающаяся регулирования групп компаний. Группа компаний, состоящая из материнской и дочерних компаний, не является юридическим лицом (ст. 266). Она создается на основании соглашения, в соответствии с которым материнская и её дочерние компании обязуются объединить ресурсы или усилия для достижения своих соответствующих целей или участвовать в совместной деятельности или проектах (ст. 265). При этом группа будет считаться созданной только после регистрации такого соглашения в торговом реестре (ст. 271)⁶.

Раздел 3:51 (5) Гражданского кодекса Венгрии от 2013 года (2013. évi V. törvény a Polgári törvénykönyvről) устанавливает, что в течение шестидесяти дней с момента, когда руководство контролирующего участника группы компаний узнает об окончательном утверждении соглашения о контроле её контролируруемыми участниками, в регистрационный суд должно быть подано заявление о регистрации факта деятельности в качестве группы компаний⁷. Несмотря на то, что нормы о группах компаний изложены в разделе о юридических лицах, юридическим лицом сама группа компаний не является [6, с. 229].

Торговый кодекс Турции от 13 января 2011 г. № 6102 (6102 Türk Ticaret Kanunu) содержит подраздел, посвященный регулированию групп компаний. Согласно положениям указанного кодекса одним из оснований создания группы компаний является заключение договора между контролирующей и дочерней компанией (ст. 195). В статье 198 Торгового кодекса Турции закреплено, что соглашение о контроле должно быть зарегистрировано и опубликовано в торговом реестре, и только в этом случае оно является действительным. В то же время недействительность соглашения не препятствует применению положений кодекса и других законов, касающихся обязательств и ответственности, связанных с группами компаний⁸.

В соответствии с § 18 Закона Германии об акционерных обществах от 6 сентября 1965 г. (Aktiengesetz) группа компаний образуется в случае, когда контролирующее предприятие и одно или несколько зависимых предприятий объединены под единым управлением контролирующего предприятия. Группа компаний, среди прочего, может быть создана на основании заключения корпоративного соглашения. Такое корпоративное соглашение согласно § 291 Закона Германии об акционерных обществах может быть оформлено как соглашение о контроле (Beherrschungsvertrag) или как соглашение о передаче прибыли (Gewinnabführungsvertrag). Данное соглашение должно быть зарегистрировано в коммерческом реестре, чтобы быть действительным и подлежащим исполнению (§ 294)⁹.

Статья 2497 bis Гражданского кодекса Италии от 16 марта 1942 г. № 262 (Codice Civile) устанавливает, что дочерняя компания должна указывать во всех своих документах и переписке материнскую компанию, руководству и координации которой она подчиняется, и должна быть зарегистрирована в качестве дочерней компании группы в специальном разделе Реестра компаний. В данном реестре предусмотрен также раздел для организаций, осуществляющих управленческую и координационную деятельность¹⁰.

Таким образом, объединение юридических лиц, отмеченное нормами ряда иностранных правовых систем, наделяется правовым статусом группы компаний после регистрации соответствующего соглашения между контролирующей и контролируемыми компаниями¹¹. Закрепление регистрации холдингов в отечественном законодательстве представляется целесообразным и соответствует отмеченным тенденциям нормативного регулирования, т.к., предусматривая регистрацию холдинга как юридический факт, законодатель имеет целью «создать у публики высокую уверенность в том, что что-то (значимое с точки зрения права) существует либо отсутствует» [7, с. 70].

⁴ Лаптев В.А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. – М.: Волтерс Клувер, 2008. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 01.02.2026)

⁵ Кашин Н. А. Предпринимательские объединения как субъекты рыночных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Современ. гуманитар. акад. – М., 2006. – С. 21.

⁶ URL: https://modeloinicial.com.br/lei/L-6404-1976/caracteristicas-natureza-caracteristicas-@_XXI_I

⁷ URL: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=a1300005.tv#ljb0id67a6>

⁸ URL: <https://www.lexpera.com.tr/mevzuat/kanunlar/turk-ticaret-kanunu-6102#>

⁹ URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/aktg/BJNR010890965.html#BJNR010890965BJNG035200308>

¹⁰ URL: <https://www.brocardi.it/codice-civile/libro-quinto/titolo-v/capo-ix/art2497bis.html>

¹¹ Данное предписание установлено в отношении так называемых договорных групп. Для фактических групп, основанных на владении контролирующей компанией контрольным пакетом акций другого юридического лица (в таком случае договор между компаниями отсутствует), законодательством не предусмотрены специальные правила по их регистрации, они подпадают под действие общих принципов корпоративного права (исключением является право Германии, в котором предусмотрено специальное регулирование как для групп компаний, основанных на договоре, так и для фактических групп компаний). См.: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014. – С. 240; Groups of Companies: A Comparative Law Overview / ed. by Rafael Mariano Manóvil. – Springer Nature Switzerland AG, 2020. – P. 306, 308; Scheuch A. Konzernrecht: An Overview of the German Regulation of Corporate Groups and Resulting Liability Issues // European Company Law. – 2016. – Vol. 13, №. 5. – P. 191–198.

Регистрация холдинга является юридической процедурой¹². Юридическая процедура представляет собой систему «последовательно совершаемых действий и возникающих на их базе отношений, направленных на достижение определенного правового результата»¹³. По утверждению Г.Н. Давыдовой, целями юридических процедур в гражданском праве выступают: «необходимость организации эффективной охраны субъективного гражданского права; соблюдение законности и правопорядка в гражданско-правовой сфере; профилактика гражданских правонарушений; реализация информационной функции гражданского права»¹⁴. Поскольку «процедура регистрации холдинга сходна с процедурой регистрации обычных организаций с правами юридического лица»¹⁵, прежде чем перейти к выявлению правовой природы положений о регистрации холдинга, следует рассмотреть основные позиции ученых-цивилистов об отраслевой принадлежности норм о государственной регистрации юридических лиц.

По мнению О.В. Гутникова «юридическое лицо» является частноправовым понятием «и отношения, связанные с юридическими лицами, являются прежде всего гражданско-правовыми». Вместе с тем, как он отмечает, нормы административного права, регулирующие процедуру регистрации юридических лиц, не относятся к корпоративному праву, и, соответственно, гражданскому праву, а имеют вспомогательное значение [8, с. 29]. На чужеродность помещения в Гражданском кодексе Российской Федерации положений о государственной регистрации юридических лиц, поскольку «регулируемые этими нормами отношения находятся вне действия общей части ГК», указывал М.И. Брагинский. А их публично-правовой характер обосновывался тем, что они «регулируют отношения между участниками гражданского оборота и соответствующими органами, которые в этих отношениях осуществляют властные функции» [9, с. 70]. Е.А. Салей, оценивая нормы ст. 47 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), касающиеся государственной регистрации юридических лиц, отмечает неочевидность их отраслевой принадлежности и не дает однозначного ответа об отнесении их к гражданскому или административному праву [10, с. 190–191]. В.П. Мозолин для подобных случаев, когда норму права невозможно признать ни гражданско-правовой, ни административно-правовой, выдвигает идею о существовании так называемых внеотраслевых норм [11, с. 55]. М.В. Мещанова указывает, что хотя ГК содержит целый ряд публично-правовых установлений, они тесно связаны с частноправовыми предписаниями и являются нормами гражданского права [12, с. 243]. При этом В.С. Бевзенко в рамках гражданского законодательства выделяет отдельный блок «регистрационное законодательство», который объединяет нормы, «устанавливающие основания и последствия внесения записей в реестр, последствия отсутствия правовых оснований для внесения записей, последствия доверия участников оборота к записям реестра, ответственность регистратора и проч.» [13, с. 135]. Г.Н. Давыдова процедуру государственной регистрации юридического лица относит к межотраслевым юридическим процедурам, поскольку в таком случае используется как гражданское законодательство, так и нормативные акты иной отраслевой принадлежности¹⁶. Аналогичной позиции придерживается М.Ю. Чельшев, усматривая в государственной регистрации юридического лица межотраслевые связи гражданского права и иных правовых отраслей (административного, финансового права), которые, по его мнению, носят обеспечительный характер («в данном случае образование субъекта гражданского права обеспечивается реализацией норм указанных публичных отраслей права»)¹⁷. По мнению иных исследователей, институт государственной регистрации представляет собой элемент публично-правового регулирования в гражданском праве¹⁸, механизм публично-правового регулирования реализации гражданских прав¹⁹.

Возникает вопрос: являются ли нормы Указа № 385 о регистрации холдинга гражданско-правовыми. Согласно ст. 1 ГК гражданское законодательство регулирует имущественные отношения, а также личные неимущественные отношения, связанные с имущественными. Правовым статусом холдинга наделяется объединение юридических лиц, т.е. объединение субъектов гражданского права, по основаниям, которые входят в сферу регулирования гражданского права. Пункт 1 Указа № 385 к таким основаниям относит владение 25% и более простых (обыкновенных) акций (долей в уставных фондах) дочерних компаний; заключение договора доверительного управления 25% и более простых (обыкновенных) акций (долей в уставных фондах) дочерних компаний или иного договора, в соответствии с которым управляющей компанией приобретаются права по управлению деятельностью дочерних компаний, и др. Это позволяет говорить о том, что холдинг как правовое явление имеет частноправовую природу.

¹² Лаптев В.А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. – М.: Волтерс Клувер, 2008. // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 01.02.2026)

¹³ Давыдова Г.Н. Юридические процедуры в гражданском праве: Общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2004. – С. 12.

¹⁴ Там же. – С. 7.

¹⁵ См. сноску № 12.

¹⁶ См. сноску № 13. – С. 15.

¹⁷ Чельшев М.Ю. связь в контексте межотраслевой связи гражданского права определяет как отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между различными правовыми отраслями, включая их отдельные части. См: Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2008. – С. 74, 254, 410–411.

¹⁸ Хавкин В.И. Публично-правовые начала гражданского законодательства современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Моск. акад. экономики и права. – М., 2007. – С. 24.

¹⁹ Гудков Э.С. Элементы публично-правового регулирования в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2005. – С. 21.

Пункт 3 Указа № 385 содержит следующие положения, касающиеся регистрации холдинга.

1. Регистрация осуществляется Министерством экономики Республики Беларусь и представляет собой акт уполномоченного республиканского органа исполнительной власти. Для оформления холдинга нужна властная деятельность уполномоченного органа²⁰. Такие отношения носят вертикальный, «власть-подчинение» характер.

2. Ответственность за достоверность сведений, указанных в документах, представленных для регистрации холдинга, возлагается на управляющую компанию (собственника или уполномоченного им лица). В данном случае речь идет именно о публично-правовой ответственности, поскольку обязанность по предоставлению достоверных сведений и ответственность за её нарушение возникают именно перед государством в лице его органа.

3. Основанием для признания в судебном порядке регистрации холдинга недействительной является обнаружение заведомо ложных сведений, представленных в Министерство экономики Республики Беларусь для регистрации холдинга, органами Комитета государственного контроля, прокуратуры, внутренних дел, государственной безопасности, налоговых и иных уполномоченных органов в пределах их компетенции. Следовательно, признание государственной регистрации холдинга недействительной иницируется государственными органами, осуществляющими надзорные и контрольные функции, в целях защиты публичного интереса.

Все перечисленные нормы, регулирующие регистрацию холдингов, носят публично-правовой характер.

В части порядка осуществления процедуры регистрации холдинга часть третья п. 3 Указа № 385 отсылает к законодательству об административных процедурах (Закон Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур», Регламент административной процедуры, осуществляемой в отношении субъектов хозяйствования по подпункту 12.7.1 «Регистрация холдинга с внесением сведений в Государственный реестр холдингов и выдачей свидетельства о регистрации холдинга», утвержденный постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 30 октября 2025 г. № 54), которым установлены порядок осуществления процедуры регистрации холдинга, в том числе перечень предоставляемых документов, сроки, форма заявления и т.д. При этом, как верно подчеркивает М.В. Мещанова, «все отношения участников хозяйственной деятельности с государственными органами ... имеют совершенно иную природу и принципы регулирования, отличные от имущественных гражданско-правовых отношений» [14, с. 342].

Наличие правового статуса холдинга порождает определенные частноправовые последствия. Например, законодатель особо указывает на недопустимость использования слов «холдинг», «управляющая компания холдинга», производных от них слов и словосочетаний на основе этих слов в наименовании юридического лица, не являющегося участником холдинга (часть шестая п. 3 Указа № 385). В порядке исключения из общего правила, предусмотренного гражданским законодательством, для коммерческих организаций – участников одного холдинга установлены специальные права: 1) по передаче в безвозмездное пользование имущества собственнику имущества этой организации, ее учредителю, участнику; 2) по использованию объектов интеллектуальной собственности, принадлежащих иным участникам холдинга, на безвозмездной основе (часть первая п. 9 Указа № 385).

Исходя из вышеуказанного, нормы п. 3 Указа № 385, закрепляющие регистрацию холдинга, несмотря на то что направлены на легитимацию частноправового объединения, носят публично-правовой характер и являются нормами административного права. Однако саму процедуру регистрации холдинга следует относить к межотраслевым юридическим процедурам, поскольку реализацией норм административного права обеспечивается образование такого предпринимательского объединения²¹. В данном аспекте следует согласиться с В.Ф. Яковлевым в том, что «право эффективно лишь постольку, поскольку оно действует как единое целое во взаимодействии всех или нескольких его отраслей. Поэтому эффективность гражданско-правового регулирования возрастает при должном его взаимодействии с другими отраслями права» [15, с. 9].

Заключение. Обязательная регистрация холдингов, установленная в Указе № 385, направлена на формализацию групп компаний, повышая определенность и прозрачность таких предпринимательских объединений для участников гражданского оборота и государства. Несмотря на то, что холдинг как объединение юридических лиц имеет частноправовую природу, нормы, устанавливающие его регистрацию, носят публично-правовой характер и относятся к сфере административного права. Процедура регистрации холдингов в Беларуси представляет собой межотраслевую юридическую процедуру, в которой публично-правовые средства обеспечивают создание частноправового объединения. Это наглядный пример межотраслевого взаимодействия в правовом регулировании экономических отношений. Регистрация порождает значимые гражданско-правовые последствия, создавая особый правовой режим для участников холдинга, например, в сфере использования имущества и интеллектуальной собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Функ Я.И. О холдингах в белорусском праве (комментарий Указа Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 660 «О некоторых вопросах создания и деятельности холдингов в Республике Беларусь» // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: И.Э. Мартыненко (отв. ред.). – Гродно: ГрГУ, 2010. – С. 245–263.

²⁰ См. сноску № 17. – С. 410–411.

²¹ См. сноску № 17. – С. 410.

2. Чигир В.Ф. Правовое положение холдингов в Республике Беларусь // Актуальные проблемы экономического развития Республики Беларусь и его правовое регулирование: материалы респ. науч.-практ. конф., г. Минск, 30 сент. 2010 г. / редкол.: Г.Б. Шишко (науч. ред.). – Минск: Интегралполиграф, 2010. – С. 43–47.
3. Короткевич М.П. Совершенствование правового регулирования создания и деятельности холдингов в Республике Беларусь // Актуальные проблемы экономики и права: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 26–27 апр. 2012 г., г. Барановичи / Баранов. гос. ун-т; редкол.: В.А. Безуглая (гл. ред.). – Барановичи: РИО БарГУ, 2012. – С. 25–28.
4. Протащик Т.М. Понятие и признаки «объединений» юридических лиц в законодательстве Республики Беларусь // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 21–22 окт. 2010 г., г. Минск. – Минск, 2010. – С. 161–165.
5. Шиткина И.С. Холдинги: Правовое регулирование экономической зависимости. Управление в группах компаний. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 552 с.
6. Меркулова Т.А. Новый Гражданский кодекс Венгрии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2014. – № 2(45). – С. 226–233.
7. Бевзенко Р.С. Торговая регистрация и торговые реестры: история и теория / Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 6. – С. 68–91.
8. Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. – 2013. – № 1. – С. 26–39.
9. Брагинский М.И. О месте гражданского права в системе «право публичное - право частное» // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. / Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Российской Федерации; отв. ред: В.Н. Литовкин, В.А. Рахмилович. – М.: Городец, 2000. – С. 46–80.
10. Салей Е.А. Государственная регистрация юридических лиц: гражданско-правовой аспект // Право и демократия: сб. науч. тр. / БГУ; редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.). – Минск: БГУ, 2016. – Вып. 27. – С. 187–205.
11. Правовая Реформа в России: восемь лет спустя: сб. / Междисциплинар. центр философии права; под ред. В.П. Мозолина; сост. П.Д. Баренбойм. – М.: «ЛУМ», 2013. – 348 с.
12. Мещанова М.В. Предмет гражданского права: фундаментальные понятия и современные подходы // Правовая политика, наука, практика – 2024: сб. материалов Респ. науч.-практ. конф., Минск, 10 окт. 2024 г. / Нац. центр законод. и правовой информации Респ. Беларусь; редкол.: Е.В. Семашко [и др.]. – Минск: НЦЗПИ, 2024. – С. 241–245.
13. Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 11. – С. 127–169.
14. Мещанова М.В. Соотношение гражданского законодательства со смежными областями правового регулирования: теоретические вызовы и прикладные последствия // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законод. и правовой информации Респ. Беларусь; редкол.: Н.А. Карпович (гл. ред.). – Минск: НЦЗПИ, 2024. – Вып. 19. – С. 335–345.
15. Яковлев В.Ф. Проблемы частного права в современных условиях // Журнал российского права. – 2016. – № 1 (229). – С. 5–9. – DOI: <https://doi.org/10.12737/17225>.

Поступила 10.03.2026

THE LEGAL NATURE OF THE REGISTRATION OF HOLDINGS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

S. BELAVUSAVA

(National Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus, Minsk)

The article analyzes the legal nature of holding (groups of companies) registration in the Republic of Belarus. It presents the opinions of scholars on the necessity of establishing holding registration and examines foreign experience in the formalization of groups of companies. The question of the branch affiliation of the norms regulating the procedure for holding registration is raised. It is concluded that, despite the private-law essence of a holding, the norms governing its registration fall within the sphere of administrative law. The registration procedure itself is an object of inter-branch regulation, as the legitimation of a private-law association is ensured through the norms of administrative law.

Keywords: holding (group of companies), registration of a holding (group of companies), legal procedure, civil law, administrative law, inter-branch connections.

УДК 340;342

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-56-60

**ПРИНЦИП СОРАЗМЕРНОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО, ЗАРУБЕЖНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА**

канд. юрид. наук, доц. Д.Г. ВАСИЛЕВИЧ
(Университет Национальной академии наук Беларуси, Минск)
e-mail: Dmitry8157@gmail.com

В статье исследуется ряд аспектов, касающихся целей, оснований и пределов ограничения соматических прав человека, то есть прав, связанных с распоряжением человеком своим телом. На национальном конституционном уровне соматические права человека в качестве субъективных прав подробно закреплены не так широко, но получают свое отражение в актах текущего законодательства. Подчеркивается, что не все соматические права относятся к категории абсолютных, они могут быть ограничены. Проблема заключается в интерпретации существующих правил. При этом важно обеспечивать конституционную законность. В случае установления ограничений прав и свобод следует руководствоваться такими стандартами, как объективная необходимость введения ограничений, исключение дискриминации, соблюдение допустимых пределов ограничений.

Ключевые слова: *соматические права, ограничение соматических прав, цели, основания и пределы ограничения прав.*

Введение. Традиционно в науке и учебной литературе как источнике, отражающем сложившийся стандарт того или иного явления, выделяли три поколения прав человека: личные и политические; социально-экономические и социально-культурные; коллективные права. В современный период развития человечества с учетом достижений науки, прежде всего биомедицины, можно вести речь о четвертом поколении прав человека – соматических правах. Данные права связаны с решением многих вопросов, касающихся продолжения рода человечества, репродуктивных правах – ЭКО, суррогатное материнство, трансплантация органов и тканей человека и др. Наблюдается взаимообусловленный процесс возникновения соответствующих прав и их правового обеспечения, формируются международно-правовые стандарты и институты в области этих прав, расширяются возможности использования информационных технологий для реализации соматических прав. Многие соматические права еще не приобрели статуса общепризнанных, но постепенно происходит сближение позиций. В качестве примера можно привести Всеобщую декларацию о геноме человека и правах человека.

На национальном конституционном уровне соматические права человека в качестве субъективных прав подробно закреплены не так широко, но положения о них содержатся в текстах конституций некоторых государств. Например, в Конституции Андорры (ст. 14) закреплено право на уважение частной жизни, Конституции Бельгии (ст. 22) – право ребенка на уважение сексуальной неприкосновенности, Конституции Боснии и Герцеговины (ст. II) – право вступать в брак и основывать семью, в Конституции Северной Македонии (ст. 41) – право на свободное принятие решения о рождении ребенка. Согласно ст. II Основного Закона Венгрии каждый имеет право на жизнь и человеческое достоинство, жизнь зародыша защищается с момента зачатия, в ст. III установлен запрет евгенической практики, направленной на отбор людей, использование человеческого тела или его частей как источника наживы, а также клонирование человека. Такого рода примеры полезны для учета в процессе национального развития.

В юридической литературе соматические права и свободы в качестве совокупности прав и свобод стали выделять во второй половине XX в. Термин «соматический» (от древнегреческого «soma» – тело), обычно используемый в медицине и биологической науке, означает связанный с телом, телесный.

Основная часть. Не все соматические права относятся к категории абсолютных, они могут быть ограничены. Проблема заключается в интерпретации существующих правил. При этом важно обеспечивать конституционную законность. В случае установления ограничений прав и свобод следует руководствоваться такими стандартами, как объективная необходимость введения ограничений, исключение дискриминации, соблюдение допустимых пределов ограничений и др. Конституции Российской Федерации и Республики Беларусь, международные правовые акты признают правомерными ограничения прав и свобод граждан, которые обусловлены особенностями правового статуса отдельных категорий граждан либо необходимостью защиты интересов общества, защиты прав и свобод других лиц. Например, справедливым является подход законодателя, в соответствии с которым устанавливается ответственность за незаконное распространение наркотиков, спиртных напитков.

Согласно ст. 23 Конституции Республики Беларусь ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц; никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону. Это означает, что исключения должны иметь правовую основу [1, с. 23–30], важно точно интерпретировать цели и содержание ограничений [2, с. 4–12], соблюдать правила юридической техники [3, с. 245–253]. Схожий подход изложен в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, при этом акцентировано внимание на допустимости ограничения прав в целях защиты не только нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, но и основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

При решении спорных вопросов необходимо обеспечивать баланс частных и общественных интересов. В этом направлении развивается и практика Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), хотя для нее характерна значительная предвзятость при рассмотрении дел в отношении Российской Федерации. Это также стало причиной для выхода Российской Федерации из Совета Европы. Республика Беларусь не состояла в Совете Европы, но в некоторых случаях опыт ЕСПЧ изучался для формирования собственной позиции.

Всеобщая обязательность права не должна подменяться личным усмотрением [4, с. 15–16], важно учитывать баланс интересов. В российской информационной правовой системе «Консультант Плюс» словосочетание «баланс интересов» использовано в актах ЕСПЧ более 400 раз. В Беларуси в международных договорах, участницей которых она является, а также в некоторых нормативных правовых актах используется этот важный принцип, но чаще речь идет об интересах отдельных участников отношений. В Беларуси и Российской Федерации, как и во многих странах романо-германской правовой семьи, законодатель идет по пути перечисления прав и свобод. Это не самый экономный путь нормотворческой деятельности, в связи с чем предпочтительным представляется тезис «что не запрещено, то гражданину дозволено». Однако и им следует руководствоваться крайне осторожно. Следует согласиться с мнением А.С. Мордовца, что ограничение прав должно быть направлено на стимулирование социально полезного поведения [5, с. 281]. В ЕКПЧ установлено, что вмешательство в реализацию предусмотренных в ней прав должно не только быть необходимым, но и быть облеченными в соответствующую форму. Согласно ч. 2 ст. 11 данной Конвенции осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, защиты здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. В этом контексте в научной литературе ведется речь об абсолютных правах [6, с. 267]. Реализация соматических прав является проявлением самоопределения человека. Конституционный Суд Венгрии в содержание права на самоопределение включает право на выяснение информации о своем происхождении по анализу крови, право на прерывание беременности, право на физическую неприкосновенность и др. [7, с. 72].

Для англосаксонской системы права характерно широкое понимание термина «закон»: в него включают не только статутное, но и неписаное право [8, с. 252]. В польском праве признана допустимость вмешательства в сферу прав и свобод только посредством закона и исключается делегирование нормотворческих полномочий иному субъекту, в том числе органам исполнительной власти [9, с. 38]. По мнению Н.С. Бондаря, закон является лишь «внешне формальной стороной верховенства права» [10, с. 112–113], что приемлемо для конституционного правосудия.

Важно установить ограничение тех или иных прав законом, полностью соответствующим требованиям Конституции. В данном случае речь идет о необходимости обеспечения верховенства права [11, с. 90]. В литературе верно подчеркивается, что даже при ограничении права должно быть сохранено его сущностное содержание [1, с. 12]; ограничения должны быть необходимыми и соразмерными [13, с. 67]. Такого же подхода придерживается Конституционный Суд Республики Беларусь¹. Особенно интенсивно и убедительно в части решения вопросов, связанных с ограничением прав и свобод, представлена позиция Конституционного Суда Российской Федерации². Так, высший орган судебного конституционного контроля Российской Федерации подчеркивал необходимость исходить из того, что цели ограничений должны быть не только оправданы юридически, но и социально адекватными достигаемому результату, важно, чтобы они были необходимыми и соразмерными достигаемым целям, а ограничения сохраняют сущность права или свободы. В некоторой степени ограничения сближаются с мерами государственного принуждения [14].

В настоящее время актуальной остается проблема противодействия инфекциям, ранее в том числе коронавирусной инфекции, включая вакцинацию. Пандемия показала хрупкость человеческой цивилизации, изменяет понимание чрезвычайной ситуации, которая превращается в новый, еще не привычный, но обыденный ритм жизни, предполагающий при выходе из дома использование санитарных мер защиты, соблюдение рекомендуемой социальной (точнее – физической) дистанции, ограничение рукопожатий и др. В период необходимости острого противодействия коронавирусной инфекции в Беларуси было принято около 200 актов законодательства, предусматривающих меры против эпидемии коронавируса или заболеваний от этой инфекции. Это преимущественно акты Совета Министров Республики Беларусь и ведомственные акты, в основном Министерства здравоохранения. В контексте требований ст. 23 Конституции Республики Беларусь позитивный характер имеют законы Республики Беларусь «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Одну из ключевых ролей сыграли постановления Совета Министров Республики Беларусь «О введении ограничительного мероприятия», «О мерах по предотвращению распространения инфекции, вызванной коронавирусом COVID-19» (утратило силу). Правовой режим поведения различных субъектов в условиях пандемии был

¹ О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них»: решение Конституционного Суда Респ. Беларусь от 1 дек. 2020 г. № Р-1231/2020 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «Юр Спектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2026.

² См. например: По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 260 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.Г. Одиянкова : Постановление Конституционного Суда РФ от 26 дек. 2005 № 14-П // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2026.

определен постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь «Об утверждении Санитарных норм и правил». Согласно этому Постановлению лица, находящиеся в самоизоляции в период регистрации случаев инфекции COVID-19, должны соблюдать ряд санитарно-противоэпидемических требований. Анализ указанных актов показывает сбалансированность частных и общественных интересов. Установленные правила (соблюдение масочного режима, рекомендации по гигиене, дистанцированию и др.) нацелены на сохранение здоровья населения. В этих условиях вполне уместно усиление санитарно-эпидемиологического аудита. Изучение прежнего опыта ценно и полезно в связи с тем, что время от времени появляются угрозы новых эпидемий трансграничного масштаба.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к проблеме ограничения прав и свобод граждан в связи с мерами по защите от коронавирусной инфекции (COVID-2019). Свою позицию о допустимости ограничений в условиях пандемии он обосновывал достигаемыми целями, наличием федерального закона, а в некоторых случаях и необходимостью опережающего реагирования даже при отсутствии правового акта, так как при наличии реальной угрозы жизни и здоровью граждан орган публичной власти не может бездействовать, на нем лежит обязанность предотвращать наступление смертей и тяжелых заболеваний. В обоснование своей позиции Конституционный Суд также подчеркнул признание верховенства за интересами защиты жизни людей над ценностью правовой регламентации отношений в условиях обычной ситуации³.

Один из наиболее сложных вопросов – вопрос о вакцинации: является ли она добровольной или может быть «принудительной». Полагаем, что решение данного вопроса может зависеть от степени угрозы распространения пандемии. Некоторые авторы предлагают рассматривать вакцинацию, как деятельность, создающую повышенную опасность [15, с. 11], что обеспечивает большую защиту лиц, у которых наступили неблагоприятные для здоровья последствия. Приемлемым может быть побуждение косвенным образом к вакцинации. Например, допуск к работе с детьми, обслуживанием, лечением и т.п. может быть разрешен лицам, прошедшим вакцинацию. В некоторых странах более активно побуждают к вакцинации государственных служащих. Конституционный Суд Словении в 2021 году заблокировал решение властей этой страны об обязательной вакцинации лиц, находящихся на государственной службе. Целесообразно урегулировать все эти вопросы на законодательном уровне, в том числе о регулярности антипандемических прививок при оформлении ребенка в детское дошкольное, иное (учебное) учреждение.

Таким образом, в недавнем прошлом произошло формирование антиковидного законодательства и практики его применения. Ряд мер, даже рекомендательного характера, из разряда временных могут трансформироваться в постоянные рекомендации или обязательные для исполнения нормы. Важно, чтобы не только законодатель, но и судебные инстанции оперативно реагировали на новые ситуации, которые неизбежно возникают в связи с ограничениями прав граждан в условиях пандемии. Это может касаться «перевода» многих норм из разряда подзаконных в законодательные, дачи судебных разъяснений порядка применения законодательства. Так, Президиумом Верховного Суда РФ было подготовлено несколько обзоров по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) (например, 21 апреля 2020 г.; 30 апреля 2020 г.; 17 февраля 2021 г.). В обзорах даны ответы на многие вопросы, которые касаются прав и свобод граждан в сфере административного, уголовного, уголовно-процессуального, гражданского и иного законодательства и влияют на конституционно-правовой статус человека. Такие действия укрепляют конституционную законность, правопорядок, обеспечивают единство правоприменительной практики и тем самым соблюдение конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

В научной литературе правильно указывается, что здоровье нации является конституционно значимой целью [16, с. 24]. В доктрине безопасность рассматривают как защищенность от угроз, которые могут уничтожить либо изменить сущность системы [17, с. 9]. В широком понимании под общественным порядком понимают закрепленную различными социальными нормами систему общественных отношений, участники которых обладают правами и обязанностями [18, с. 7]. В рамках данной системы достигаются упорядоченность социальных связей, защищенность прав и свобод, общественное и личное спокойствие [19, с. 7], функционирует закрепленный в Конституции общественный и государственный строй, обеспечивающий благоприятное социальное развитие [20, с. 4]. Исходя из конституционной значимости охраны здоровья, ограничения могут быть обусловлены обязанностью государства бороться с эпидемическими заболеваниями и предупреждать негативные последствия. Интересна практика Конституционного Суда Италии, который при оценке баланса интересов общества и отдельных лиц, имеющих инфекционные заболевания (речь шла об инфицированных ВИЧ), подтвердил право законодательной власти на досрочное освобождение таких лиц, отметив приоритет права. В другом решении, принятом за два десятилетия до нынешней пандемии, он подтвердил конституционность возложенной обязанности для представителей некоторых профессий проходить медицинские осмотры [21, с. 189–190].

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козицына Николая Валентиновича на нарушение его конституционных прав положением пункта 4 Указа Губернатора Архангельской области «О введении на территории Архангельской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Архангельской территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и мерах по противодействию распространению на территории Архангельской области новой коронавирусной инфекции (COVID-2019)»: Определение Конституционного Суда РФ от 20 июля 2021 г. № 1680-О // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2026.

Общественное благосостояние также является целью ограничений [22, с. 9]. С учетом необходимости обеспечения требований, указанных в конституциях, в некоторых случаях могут вводиться ограничения на проведение таких массовых общественных мероприятий, как собрания, митинги, уличные шествия, демонстрации, пикетирование гомосексуалистов и лесбиянок. В то же время появляются сообщения о запрете в странах Западной Европы и США проведения массовых мероприятий сторонников традиционных ценностей. Такой подход нельзя признать правильным, поскольку такого рода контрдемонстрации, то есть мероприятия, участники которого не согласны со взглядами участников иного мероприятия [23, с. 12.], полезны для сохранения традиционных ценностей.

Логичным является утверждение, что если основные права закреплены в Конституции, то и подходы к их ограничению должны основываться на конституционных положениях [24, с.17]. Ю.А. Тихомиров считает, что ограничение прав и свобод граждан должно осуществляться в соответствии с Конституцией и при эффективном контроле за законностью таких ограничений [25, с. 41]. При этом ограничения прав имеют свои границы [26, с. 12–13], за пределами которых меняется сущность прав, что недопустимо.

Соматические права, как и иные права, являются мерой возможных притязаний. Высказана позиция, в соответствии с которой притязания соматического характера обусловлены физиологией человека, потребностями его тела; в силу указанных факторов свобода пользования соматическими правами не может быть ограничена даже законом, вопрос об этом должен решаться самостоятельно, иначе следует вести речь о насилии над человеческой природой, отсутствии свободы; в данном случае ограничение законом ведет к насилию над индивидуальной природой человека [27, с. 403]. С такой интерпретацией абсолютного характера соматических прав нельзя согласиться, поскольку необходимо разделять права, которые полностью автономны, и права, реализация которых может нанести вред обществу, другим людям. При ограничении прав и свобод важно исключить какую-либо дискриминацию, например, по признаку половой или сексуальной принадлежности. В то же время вполне допустим и справедлив подход, при котором государство более полно защищает традиционные ценности, в таком случае ограничения выступают в качестве мер их защиты [28, с. 85–98]. Разделяем позицию, согласно которой сбережение традиционных ценностей является основополагающим компонентом современной правовой идеологии российского государства, что для противодействия деструктивной идеологии следует повысить эффективность деятельности образовательных, научных организаций, сберечь историческую память [29, с. 10–11]. Аксиологические доминанты предопределяют самобытность страны [30, с. 26–27], чем, безусловно, следует дорожить. В целом юридические решения, если вести речь об их оптимальности, должны соответствовать критериям законности, эффективности и справедливости [31, с. 211]. В доктрине обращается внимание на принцип соразмерности принимаемых мер по ограничению прав и свобод правомерно достигаемым целям [32, с. 201–214]. При ограничении прав и свобод, объективно обусловленном, осуществленном на основе конституционной нормы, недопустимо «упразднение» права.

Заключение. Принцип соразмерности ограничения соматических прав и свобод является фундаментальной основой для правового регулирования соответствующей области общественных отношений. Одним из сложных является вопрос о пределах ограничения указанных прав, многие из которых не имеют абсолютного характера. Изучение зарубежного и международного опыта в данной области, использование приемлемого для нашей республики полезно для нормотворческой и правоприменительной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суменков С.Ю. Принципы права и исключения в праве: аспекты соотношения // Государство и право. – 2009. – № 5. – С. 23–30.
2. Сулов В.А. Герменевтика права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 4–12.
3. Парламентское право / А.И. Абрамова, В.И. Витушкин, Н.А. Власенко и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2013. – 400 с.
4. Вопленко Н.Н. Теоретико-правовое содержание категории «законность» // Принципы законности: современные интерпретации / под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.А. Малиновского. – М.: Проспект, 2021. – С. 11–27.
5. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Изд-во Саратов. высш. шк. МВД РФ, 1996. – 286 с.
6. Харрис Д., О'Бойл Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека / пер. с англ. В.А. Власихин и др.; науч. ред. А.И. Ковлер. – М.: Развитие правовых систем, 2016. – 1432 с.
7. Сенте З. Толкование Конституции: этические и прагматические аспекты. Комментарий к решению венгерского Конституционного Суда по эвтаназии // Сравнительное конституционное обозрение. – 2004. – № 4. – С. 79–83.
8. Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека, практика и комментарии. – М.; Budapest, 1997. – 640 с.
9. Чехарина В.И. Основы конституционного строя Республики Польша. – М.: Наука, 2004. – 133 с.
10. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
11. Халлберг П. Верховенство права: перспективы. – Хельсинки: Edita, 2008. – 132 с.
12. Пирбудагова Д. Ш. К вопросу о конституционных пределах ограничения основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Юридический мир. – 2009. – № 12. – С. 4–19.
13. Зорькин В.Д. Конституция и права человека в XXI веке. – М.: НОРМА, 2008. – 224 с.
14. Правовое регулирование реализации мер государственного принуждения / О.Н. Ковалева, О.Ч. Яковицкий, А.А. Косенко. – Могилев: Могилев. ин-т МВД, 2016. – С. 6–12.
15. Вышкварцев В.В., Муслимова А.В. Вакцинация несовершеннолетних: проблемы и пути решения // Медицинское право. – 2023. – № 3(107). – С. 10–14.

16. Пресняков М.В. Здоровье нации и проблема ограничения конституционных прав человека и гражданина в современном законодательстве // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 10. – С. 23–27.
17. Трахимёнок С.А. Безопасность государства: методолого-правовые аспекты. – Минск: БИТ «Хата», 1997. – 192 с.
18. Еропкин М.И., Попов Л.Л. Административно-правовая охрана общественного порядка. – Л.: Лениздат, 1973. – 328 с.
19. Лазарев В.В., Попов Л.Л., Розин Л.М. Правовые основы обеспечения общественного порядка. – М.: Академия МВД СССР, 1987. – 204 с.
20. Гракович О.И. Содержание общественного порядка и основы его обеспечения в Республике Беларусь // Административная деятельность органов внутренних дел (Общая часть): курс лекций / В.Т. Болотников [и др.]; под ред. В.А. Круглова. – Минск, 1995. – С. 3–18.
21. Тобес Б. Право на здоровье. Теория и практика. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 370 с.
22. Масахиро А. Свобода выражения мнения в Японии // Конституционное право и правовая культура в Японии и России: вопросы развития: сб. докл. рос.-япон. науч.-практ. конф., Москва, 23–24 сент. 2013 г. / Моск. гос. ун-т; пер. с яп. М.В. Яковлева, Ю. Синода; под ред. М.И. Амара. – М., 2014. – С. 8–15.
23. Храмова Т.М. Право на контрдемонстрации: угроза или индикатор уровня демократии? Конституционализм и правовое государство: теория и практика взаимосвязи // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 7. – С. 10–16.
24. Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. – 2005. – № 7. – С. 13–23.
25. Российское гуманитарное право: учеб. пособие для вузов / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: ПРИОР, 1998. – 304 с.
26. Границы правового регулирования = Boundaries of legal regulation : науч.-практ. пособие / О.А. Иванюк [и др.]. – М.: Юриспруденция, 2011. – 182 с.
27. Цалиев А.М., Сланов О.Т. Право на телесную, физическую свободу человека в контексте теории соматических прав // Право и политика. – 2008 – № 2. – С. 400–403.
28. Вырлеева-Балаева О.С. Взаимодействие правовых, нравственных, религиозных и иных запретов // Запреты в праве и правовая политика: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. А.В. Малько. – М.: РИОР: ИНФРА-М. 2020. – С. 85–99.
29. Савенков А.Н. Философия права в России как идейно теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. – 2023. – № 8. – С. 7–23.
30. Виноградова Е.В. Новые идеи отечественного конституционализма. Право как элемент сакральных и профанных ценностей // Государство и право. – 2023. – №5. – С. 24–31.
31. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 320 с.
32. Карпович Н.А. Развитие доктрины верховенства права в актах Конституционного Суда Республики Беларусь // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права и нормотворчества и правоприменения: материалы междунар. конф., г. Минск, 27–28 апр. 2017 г. – Минск, 2017. – С. 201–214.

Поступила 18.02.2026

THE PRINCIPLE OF COMPARABILITY OF RESTRICTIONS ON SOMATIC RIGHTS AND FREEDOMS IN THE CONTEXT OF NATIONAL, FOREIGN, AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

D. VASILEVICH

(University of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article examines a number of aspects related to the goals, grounds, and limits of the restriction of somatic human rights, i.e., rights related to a person's control over their own body. At the national constitutional level, somatic human rights are not extensively detailed as subjective rights, but they are reflected in current legislation. It is emphasized that not all somatic rights are absolute and can be limited, and the challenge lies in interpreting existing rules. It is crucial to ensure constitutional legality. When imposing restrictions on rights and freedoms, the following standards should be followed: the objective necessity of imposing restrictions, the exclusion of discrimination, and compliance with the permissible limits of restrictions.

Keywords: *somatic rights, restriction of somatic rights, purposes, grounds, and limits of restriction of rights.*

УДК 342.565.2

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-61-65

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ ОСНОВНОГО
ЗАКОНА, ПРИНЯТЫХ НА РЕСПУБЛИКАНСКОМ РЕФЕРЕНДУМЕ 27 ФЕВРАЛЯ 2022 Г.****В.С. ГРИНЕВИЧ***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9188-9049>

В статье анализируется трансформация института конституционного контроля в Республике Беларусь в контексте конституционных преобразований 2022 г. Исследуется система органов, обеспечивающих верховенство и прямое действие Конституции. Обосновывается, что ключевым субъектом конституционного контроля остается Конституционный Суд, однако Всебелорусское народное собрание и иные государственные органы также наделены контрольными полномочиями. Предлагается авторское определение конституционного контроля. Делается вывод о необходимости выработки четкой системы взаимодействия между органами, осуществляющими конституционный контроль, и раскрывается значение данного института для формирования правового, социального и демократического государства.

Ключевые слова: конституционный контроль, Конституционный Суд, Всебелорусское народное собрание.

Введение. Конституция – Основной закон государства, основа правовой системы, закрепляющая фундаментальные нормы и принципы в регулировании прав и свобод человека, системы государственных органов от порядка их формирования до осуществления своих полномочий, правовой идеологии и определяющая вектор правового развития. Принятие в Республике Беларусь современной Конституции, вобравшей в себя основные современные правовые идеи (разделение властей, верховенство права, политический плюрализм, многообразие форм собственности, провозглашение человека, его прав и свобод высшей целью и ценностью общества и государства), стало рубежным моментом в развитии белорусского государства [1, с. 7]. Неоднократное одобрение конституционных положений со стороны народа, в том числе в ходе референдума 2022 г., помимо подтверждения их высшей ценности, говорит об обязательстве всех субъектов власти (народ – единственный источник власти) двигаться в выбранном направлении и создавать государственно-правовую систему, где текущее законодательство и практика его применения соответствует конституционным принципам и нормам.

Высшая ценность Конституции следует из ее системообразующего характера: все правовые акты издаются на основе и в соответствии с Конституцией (ч. 2 ст. 7). Новеллой конституционных преобразований 2022 г. стала трансформация механизма закрепления прямого действия Конституции в Республике Беларусь [2, с. 26]. Высшая юридическая сила Конституции, возможность её прямого и непосредственного регулирования общественных отношений – все это складывается в ее общую характеристику и основной конституционный принцип – принцип верховенства Конституции. Деятельность по конституционному контролю, в свою очередь, направлена на обеспечение верховенства Конституции, её непосредственное действие¹.

Проблематика конституционного контроля и судебного конституционного контроля является предметом исследования отечественных и зарубежных авторов, позиции которых не всегда однозначны. Среди белорусских ученых вопросам конституционного контроля внимание уделяли Г.А. Василевич, П.П. Миклашевич, С.М. Сивец, А.М. Боголейко, Н.А. Карпович, Т.М. Киселева, Н.М. Кондратович, Т.С. Масловская, А.Н. Пугачев, В.В. Подгруша, Е.В. Семашко, А.М. Сеницына, В.Г. Тихиня, Р.И. Филипчик, С.П. Чигринов, М.Ф. Чудаков, А.В. Шавцова и др. Вместе с тем на нормативном уровне отсутствует закрепление таких понятий, как «конституционный контроль» или «судебный конституционный контроль».

Основная часть. По нашему мнению, конституционный контроль стоит рассматривать шире и определять, в том числе, как способ охраны и защиты Конституции. Это следует из определения конституционности, которое дано Н.В. Витруком и определяется как система с характерным наличием для нее правовой конституции, её верховенством, высшей юридической силой и прямым действием и реализацией органами публичной власти, их должностными лицами на всей территории государства, а также её обеспечением, охраной и защитой [3, с. 41]. Видится, что функционирование в Республике Беларусь такого конституционного режима не вызывает сомнений, что подтверждается следующим:

1. Наличие Конституции, принятой демократическим путем и закрепляющей основополагающие принципы правового государства и общеправовые ценности (разделение властей, народовластие, верховенство прав и свобод человека, равенство, справедливость).

2. Верховенство и высшая юридическая сила, как отмечалось ранее, закреплены в ст. 7 Конституции. Непосредственное закрепление прямого действия её норм в результате референдума 2022 г. свидетельствует о стремлении и далее укреплять конституционную законность.

¹ Василевич Г.А. Конституционный контроль // Белорусская юридическая энциклопедия: В 4 т. – Т. 2. – Минск, 2009. – С. 90. URL: <https://elibrary.bsu.by/handle/123456789/52420>.

3. Общеобязательность конституционных положений закреплена в ч. 3 ст. 7 Конституции, определяющей, что государство, его органы и должностные лица, организации и граждане должны действовать в пределах конституционных положений и соответствующего им законодательства.

4. Реализация положений Основного закона всеми ветвями государственной власти: законодательная и исполнительная, принимая нормативные правовые акты в развитие Конституции, исполнительная в ходе правоприменительной деятельности, судебная, обеспечивая защиту прав и свобод каждого. Проведение референдума 2022 г. также является ярким примером развития конституционных положений и углубления на этой основе правовых отношений, дальнейшего развития демократии, социального характера государства.

5. Функционирование механизмов охраны и защиты Конституции. В силу такой характеристики права, как динамизм, так и субъективных факторов, в том числе невозможности безошибочных действий уполномоченных субъектов, органы государственной власти должны не только исполнять и приводить в действие конституционные нормы, но и выявлять их нарушения в пределах своей компетенции.

Среди основных способов защиты и охраны конституции важнейшее место занимает конституционный контроль, разновидностью которого является судебный конституционный контроль. Определенно конституционный контроль соотносится с государственным контролем и различается предметом контрольной деятельности. Государственный контроль в научной литературе определяют как деятельность уполномоченных субъектов власти за исполнением законов и иных правовых актов государственными органами, организациями и гражданами. Государственный контроль может осуществляться главой государства (президентский контроль), органами законодательной власти (парламентский контроль), органами исполнительной власти, а также органами судебной власти. Конституционный контроль, в свою очередь, предполагает особую цель – обеспечение конституционной законности путем исключения из правового поля нормативных правовых актов или их отдельных норм, несоответствующих Конституции. Г.А. Василевич определяет конституционный контроль как установленную Конституцией или иным законом процедуру контроля над содержанием правовых актов, принимаемых в государстве, на предмет их соответствия Конституции [4, с. 38]. По мнению Н.В. Витрука, конституционный контроль есть специфическая функция компетентных государственных органов по обеспечению верховенства конституции в системе нормативных актов, ее прямого, непосредственного действия в деятельности субъектов общественных отношений [3, с. 46]. Похожей позиции придерживаются И.А. Кравец и М.Б. Смоленский [5, с. 329]. Они выделяют два важных аспекта конституционного контроля: 1) проверка соответствия конституции нормативных правовых актов; 2) проверка соответствия нормам Основного закона деятельности субъектов общественных отношений.

В рассмотренных определениях авторы не ограничивают круг субъектов конституционного контроля и не говорят об исключительной компетенции отдельных органов в этой сфере. Исходя из положений действующей Конституции и иных законодательных актов, можно выделить контрольные полномочия ряда государственных органов. Так Президент в соответствии с п. 25 ст. 84 Конституции имеет право отменять акты Правительства, п. 26 наделяет его правом контроля за соблюдением законодательства местными органами власти, приостановления или отмены решений этих органов в случае несоответствия их законодательству, в том числе Конституции.

Высший представительный орган народовластия – Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС) также можно отнести к органам, наделенным полномочиями в сфере конституционного контроля. Такой вывод можно сделать, основываясь на определении, закреплённом в ст. 89¹ Конституции, которое одним из основных направлений деятельности ВНС закрепляет обеспечение незыблемости конституционного строя. Если говорить о более конкретных «классических» полномочиях в сфере конституционного контроля, к таким видится возможным отнести положения, закреплённые в ст. 89²: ВНС своими решениями может отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов. «Национальная безопасность» понятие многогранное, которое включает в себя экономическую безопасность, демографическую, политическую и т.д. Одним из факторов, позволяющих обеспечивать незыблемость конституционного строя как одну из составляющих национальной безопасности, является обеспечение, соблюдение и контроль за конституционной законностью. При комплексном анализе норм, регулирующих деятельность ВНС, можно сделать вывод, что этот государственный орган осуществляет полномочия в сфере конституционного контроля. В силу своего особого статуса, как уже отмечалось, он может отменять не только правовые акты, не соответствующие Конституции, но и иные решения государственных органов и должностных лиц.

Примерами конституционного контроля как деятельности по проверке соответствия нормам Основного закона функционирования субъектов общественных отношений является полномочие ВНС принимать решение о смещении Президента с должности в случае систематического или грубого нарушения им Конституции (п. 7 ст. 89³ Конституции) и право Президента на роспуск палат Парламента в случае систематического или грубого нарушения ими Конституции (ч. 2, 3 ст. 94 Конституции). В обоих случаях речь идет о деятельности несоответствующей конституционным нормам. Оба механизма не предполагают единоличного решения ВНС или Президента, соответственно. Основанием для прекращения полномочий является заключение Конституционного Суда, инициаторами дачи которого выступают вышеназванные органы. Однако в данном случае нельзя сказать, что Конституционный Суд выступает единственным субъектом конституционного контроля в силу того, что самостоятельно без инициативы уполномоченных органов он такое заключение дать не может.

Таким образом, конституционный контроль можно определить как особый вид государственного контроля, осуществляемый уполномоченными государственными органами, целью которого является обеспечение конституционной законности путем исключения из правового поля нормативных правовых актов, несоответствующих Конституции, воспрепятствование совершению субъектами действий, нарушающих Конституцию, восстановление нарушенных прав и свобод граждан, юридических лиц, обеспечение надлежащего исполнения ими юридических обязанностей.

Конституционные преобразования, произошедшие в 2022 г., выразились в существенных коррективах не только текста Основного закона, но и системы органов публичной власти посредством создания новых и модернизации ранее существовавших субъектов, наделённых контрольными функциями в сфере обеспечения верховенства Конституции. Несмотря на расширение круга субъектов, Конституционный Суд сохранил свой статус специализированного судебного органа конституционного контроля, осуществляющего контроль в его классическом понимании. При этом его деятельность после 2022 г. получила новые векторы развития:

– введение конституционной жалобы открыло доступ граждан к конституционному правосудию. Наделение Суда полномочием по рассмотрению жалоб граждан усиливает в его деятельности ориентированность на защиту прав конкретного лица, смещая акцент с абстрактного контроля на конкретный;

– привлечение Конституционного Суда к решению важнейших государственных и общественных вопросов, неконституционность которых может нанести существенный вред государству. Так, Суд наделен полномочиями осуществлять предварительный контроль в отношении законов, изменяющих и дополняющих Конституцию, проверять конституционность вопросов, выносимых на республиканский референдум, осуществлять контроль в сфере выборов процедур высших органов власти.

Появление в системе органов государственной власти ВНС как высшего органа народовластия с контрольными полномочиями внесло кардинальные изменения в имевшийся ранее механизм конституционного контроля. Исходя из совокупности его контрольных полномочий, видится возможным охарактеризовать ВНС как орган неспециализированного, а в некоторых случаях политического конституционного контроля. Так, право ВНС отменять любые акты и решения (кроме судебных), противоречащие интересам национальной безопасности, представляет собой форму контроля с широким оценочным основанием. Поскольку «незыблемость конституционного строя» является составной частью национальной безопасности, ВНС фактически может отменить любой акт, который признает подрывающим конституционные устои. При таких широких полномочиях очень важно оптимально пользоваться таким правом, обеспечивая взвешенное разрешение юридического спора.

Решения ВНС являются обязательными. При этом не предусмотрена возможность его обжалования, не указано прямо право проверки его на конституционность. Не исключается ситуация, когда акт, признанный Конституционным Судом соответствующим Основному закону, может быть отменен решением ВНС, как противоречащий интересам национальной безопасности. Это говорит о формировании двухуровневой системы, где подтвержденная Судом конституционность нормативного правового акта может быть «скорректирована» с позиции правовой (политической) целесообразности и учета угроз национальной безопасности, оцениваемой ВНС.

Исходя из природы Конституционного Суда как судебного органа, он должен сохранять свойства объективности, беспристрастности и политической нейтральности. Последнее, безусловно, наиболее сложно в связи с осуществлением своей основной функции, ведь, как точно отмечает Б.С. Эбзеев, Конституция – не только правовой акт, но и политический документ, и деятельность по ее защите не может не иметь политического значения [6, с. 86].

Таким образом, новая модель конституционного контроля создала и новые вопросы, требующие разрешения, в том числе о взаимодействии органов, осуществляющих конституционный контроль.

Как справедливо указывает Н.В. Витрук, «конституционное правосудие – высшая форма конституционного контроля в правовом государстве» [3, с. 35]. Конституционный Суд на протяжении своего существования, в зависимости от специфики того или иного периода своей деятельности, активно участвовал в формировании национального законодательства, учитывая общепризнанные принципы и нормы международного права, а также положения Конституции, характеризующие Республику Беларусь как демократическое социальное правовое государство, хотя и допускал, на наш взгляд, некоторые юридические ошибки на первом этапе своего становления.

Оценивая значение конституционного контроля для становления Республики Беларусь в соответствии с принципами, закрепленными в ст. 1 Конституции, обратимся к актам Конституционного Суда. Решения Конституционного Суда Республики Беларусь касались права на жизнь; на судебную защиту; на получение юридической помощи; на жилище; свободы передвижения; права на воспитание детей в семье; права на защиту собственности; права на труд, образование, здравоохранение.

В Заключении Конституционного Суда Республики Беларусь от 11 марта 2004 г. № 3-171/2004 «О соответствии Конституции Республики Беларусь и международным договорам Республики Беларусь положений Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих применение в качестве наказания смертной казни» признаны не соответствующими Конституции положения Уголовного кодекса в части отсутствия в них указания на временный характер смертной казни². Эта позиция Суда позволяет сделать вывод о применении такого вида наказания в качестве исключительной меры и стремлении государства к его отмене.

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=k50400171>.

Ряд высказанных Конституционным Судом позиций направлен на защиту права на судебную защиту и юридическую помощь.

В Решении 02 июля 2015 г. № Р-989/2015 «О праве граждан, выступающих свидетелями в уголовном процессе, на юридическую помощь» сформулирована позиция о том, что юридическая помощь адвоката в уголовном судопроизводстве не должна ограничиваться процессуальными и временными рамками его участия в деле при производстве расследования и судебного разбирательства. Признано необходимым устранить пробел в Уголовно-процессуальном законодательстве, ограничивающий реализацию права на квалифицированную юридическую помощь граждан, выступающих свидетелями в уголовном процессе³.

Относительно социальных гарантий, в Решении 10 июля 2014 г. № Р-945/2014 «О правовом регулировании размера оплаты времени вынужденного прогула работнику, восстановленному на прежней работе», Судом сделан вывод об отсутствии в законодательстве о труде норм, регулирующих определение размера оплаты времени вынужденного прогула работнику, восстановленному на прежней работе, в части зачета выходного пособия и (или) иных выплат, что повлекло неопределённость в правоприменении⁴. В этой сфере принято Решение от 04 октября 2011 г. № Р-627/2011 «О некоторых вопросах правового регулирования предоставления отпуска по уходу за ребенком», в котором сделан вывод о наличии пробела в регулировании предоставления отпуска по уходу за ребенком до 3 лет работающим отцу, другим родственникам ребенка в случае, если мать ребенка является индивидуальным предпринимателем, что приводит к нарушению прав граждан⁵.

В решениях Конституционного Суда неоднократно обращалось внимание на то, что из конституционных положений о социальном государстве вытекает обязанность государства обеспечивать рост благосостояния граждан, создавать условия для улучшения их жизни, содействовать развитию их экономической активности.

Значение конституционного контроля для становления Республики Беларусь в качестве правового государства связано с его обеспечительной ролью в процессе систематизации законодательства, построения четкой иерархии нормативных правовых актов. Решения Конституционного Суда способствовали утверждению принципа законности в деятельности органов власти. В социальной сфере значение конституционного контроля также не может быть недооценено. Конституционный Суд – действенный гарант стабильности социальных обязательств государства и защитник прав граждан от неправомерного ограничения. Его практика в области трудовых, пенсионных, жилищных отношений напрямую способствует наполнению реальным содержанием конституционной формулы социального государства.

Заключение. Конституционные преобразования, произошедшие в 2022 г., выразились в существенных коррективах не только текста Основного закона, но и системы органов публичной власти посредством создания новых и модернизации ранее существовавших субъектов, наделённых контрольными функциями в сфере обеспечения верховенства Конституции. Анализ обновленной системы власти, модернизации полномочий государственных органов позволяет говорить о формировании новой многогранной модели конституционного контроля, где полномочия разделены между несколькими высшими государственными органами. Это должно усилить системность контроля и требует четкого разграничения компетенций соответствующих субъектов.

Ключевой проблемой, разрешение которой необходимо на доктринальном уровне, является соотношение судебного конституционного контроля и контроля, осуществляемого ВНС. Отметим, что их взаимное существование можно рассматривать как создание системы «сдержек и противовесов» внутри механизма конституционного контроля и может быть оценено как положительное явление при соблюдении ряда условий. К ним можно отнести выработку непротиворечивых процедур взаимодействия, исключение правовой неопределенности в ситуациях «столкновения» интересов органов конституционного контроля.

На основании изложенного представляется возможным дать определение института конституционного контроля, сложившегося в Республике Беларусь после конституционных преобразований 2022 г.:

Конституционный контроль в Республике Беларусь – это комплексная системная деятельность уполномоченных государственных органов, направленная на обеспечение верховенства, прямого действия и реального соблюдения Конституции как акта высшей юридической силы, реализуемая через совокупность взаимосвязанных процедур проверки нормативных правовых актов и действий субъектов власти на предмет их соответствия Основному закону, включая политико-правовую оценку их направленности на укрепление конституционного строя и национальной безопасности с целью охраны основополагающих ценностей правового, социального и демократического государства.

Считаем, что конституционный контроль в Республике Беларусь сыграл и продолжает играть важную роль в защите и охране конституционных норм и принципов. Наличие этого института является фундаментом для формирования демократического социального правового государства. Его дальнейшая эволюция будет зависеть от возможности в рамках новой модели сформировать такой механизм реализации, который позволит не создавать конкуренцию между органами, осуществляющими конституционный контроль, а обеспечить их взаимную деятельность, направленную на обеспечение верховенства Конституции и укрепление конституционной законности.

³ URL: <https://statut.by/lichnyj-jurist/14-i-have-a-right/1019-10-07-2015>.

⁴ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=K91400945>.

⁵ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=k91100627>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич Г.А. Конституционное правосудие. – Минск: Право и экономика, 2012. – 326 с.
2. Василевич Г.А. Конституционные изменения как основа для формирования новой иерархии нормативных правовых актов // Юстиция Беларуси. – 2022. – № 3. – С. 26–29.
3. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие / Рос. акад. правосудия. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2012. – 592 с.
4. Василевич Г.А. Конституционное правосудие. – Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – 277 с.
5. Смоленский М.Б. Конституционное (государственное) право России: учеб. для вузов. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 415 с.
6. Эбзеев Б.С. Конституционный Суд Российской Федерации – судебный орган конституционного контроля // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1995. – № 2. – С. 80–94.

Поступила 15.04.2026

**TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF CONSTITUTIONAL CONTROL
IN THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONTEXT OF THE REPUBLICAN REFERENDUM
OF 27 FEBRUARY 2022**

V. GRINEVICH

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

This article analyzes the transformation of the institution of constitutional review in the Republic of Belarus in the context of the 2022 constitutional reforms. It examines the system of bodies that ensure the supremacy and direct effect of the Constitution. It argues that the Constitutional Court remains the key actor in constitutional review, but The Belarusian People's Congress and other state bodies also possess oversight powers. The author offers a definition of constitutional review. It concludes that it is necessary to develop a clear system of interaction between the bodies exercising constitutional review, and explores the importance of this institution for the formation of a legal, social, and democratic state.

Keywords: *constitutional control, Constitutional Court, The Belarusian People's Congress.*

УДК 346.1

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-66-69

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ДЕНЕГ С ПОЗИЦИИ
МОНЕТАРНОГО (ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОГО) РЕГУЛИРОВАНИЯ****В.А. КОЗЛОВСКАЯ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

В статье исследуется правовая природа денег в контексте их монетарного регулирования. Обосновывается необходимость пересмотра традиционного подхода к пониманию денег, сложившегося в рамках гражданского и финансового права. Предлагается методологический подход к исследованию денег, основанный на их объектном, функциональном и ресурсном понимании, позволяющий раскрыть особенности их правовой природы и роль в системе монетарного (денежно-кредитного) регулирования. Показано, что ключевая методологическая роль в правовом регулировании денег принадлежит монетарному и банковскому праву, тогда как подходы гражданского и финансового права имеют вспомогательное значение. На основании проведенного анализа обосновывается необходимость совершенствования нормативного регулирования правовой природы денег в законодательстве Республики Беларусь, включая нормы гражданского, банковского и валютного законодательства, а также законодательства в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма.

Ключевые слова: деньги, монетарное регулирование, правовая природа денег, монетарное право, банковское право.

Введение. Как пишет белорусский ученый П.С. Лемещенко в своей статье «Деньги в институциональном измерении: социально-психологический и культурный контекст», на протяжении длительного развития экономической теории исследователи стремились раскрыть сущность денег и установить их роль в системе хозяйствования. Данное высказывание применимо и в отношении правовой мысли. Деньги на протяжении своей истории позволяли измерять систему общественных отношений. В этом смысле мы не рассматриваем деньги в их философском осмыслении, понимая, что «философия денег – это диалектика противоречивых свойств и функций», как пишет Н. Зарубина [1, с. 13], а также в понимании их со стороны таких наук, как социология (исследование денег как социокультурного феномена) и психология (в исследовании восприятия денег, их влияния на мотивацию и поведение индивидов) и т.д. В то же время уже на данном этапе становится очевидным тот факт, что деньги представляют собой междисциплинарную категорию, поскольку изучаются с позиции различных отраслей научного знания. В этой связи изучение денег с позиции постулатов хозяйственно-правовой науки приобретает актуальное значение, принимая во внимание, что в качестве ее идеи выступает идея междисциплинарности, которая позволяет обнаружить связи между различными отраслями знания, причем не только правового [2, с. 210].

На протяжении всей истории человечества деньги и денежные отношения вызывали повышенный интерес общественного сознания, поскольку именно от уровня благосостояния индивида зависит его качество жизни и возможность поддержания определённого социального статуса. Учитывая социальную природу человека, деньги выступают инструментом реализации потребностей и, следовательно, средством самореализации человека в обществе. В условиях государственного устройства они приобретают дополнительное значение, позволяя измерять систему общественных отношений. В более широком, глобальном контексте понимание денег как основы функционирования хозяйственных правоотношений в системе государственного управления позволяет рассматривать их роль в первую очередь как института, обеспечивающего достижение ценовой и финансовой стабильности, а не только как денежного средства в финансовых правоотношениях и объекта гражданских правоотношений.

По словам Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь Р.А. Головченко, сказанным во время выступления в Парламенте Республики Беларусь с докладом «О результатах деятельности Национального банка в 2025 году и задачах на 2026 год», одним из важнейших факторов экономической стабильности является рост доверия к белорусскому рублю. Национальная валюта для государства имеет значительное политическое, экономическое и правовое содержание. В свою очередь деньги напрямую влияют на уровень благосостояния участников общественных отношений, в этой связи можно говорить о том, что исследование денег должно происходить и в рамках анализа их публично-правовой природы.

Принципиальная ошибка правоведов состоит в том, что они подходят к изучению денег, в том числе их роли в публично-правовом поле, с позиции лишь регулирования, осуществляемого в рамках финансового права. Концепция относительно того, что деньги – финансовый институт, активно применяется в экономической теории. В то же время в праве необходимо разграничивать такие две категории, как «деньги» и «средства», чтобы первые не определялись в качестве исключительно объекта, по поводу которого складываются финансовые правоотношения. Кроме того, в праве происходит и идентификация денег исключительно в качестве элемента правовой конструкции товарно-денежных отношений (каковым деньги являются в гражданском праве), что также полагаем некорректным. Это обусловлено тем, что весь жизненный цикл денег никак не связан с товарно-денежными отношениями (в рамках таких правоотношений деньги выступают в роли объекта прав, позволяющего концентрировать ценность и обменивать эту ценность на другие объекты, имеющие денежную оценку), как не связан выполнением функции средства в финансовых операциях в рамках финансовых правоотношений (что законодательно закреплено в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению

легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения», декларирующем, что «финансовая операция – это сделка со средствами», но не с деньгами). При этом деньги выполняют функцию публичного товара (а значит, существует механизм их производства и распределения) и функцию формирования условий для денежной оценки средств как объекта сделок в виде финансовых операций (а значит, деньги и денежные отношения – первичны по отношению к финансовым правоотношениям, а последние являются производными по отношению к денежным правоотношениям). Более того, как экономическая наука, так и другие науки (включая политологию и правовую науку) определяют, что фактическое и юридическое состояние денег является залогом безопасного экономического (хозяйственного) функционирования государства и общества. При этом ни гражданские, ни финансовые правоотношения не содержат в себе элемент национальной экономической безопасности, в связи с чем деньги и монетарное (денежно-кредитное) регулирование следует рассматривать как нечто принципиально иное.

Настоящая статья посвящена изучению денег как объекта регулирования в монетарном праве и объекта владения, в котором одновременно сконцентрировано несколько объектов прав. Причем, сразу же следует сделать акцент, что, будучи воплощенными одновременно в форму нескольких объектов прав, деньги также одновременно выполняют сразу несколько функций – средства платежа (и, соответственно, одной из формы средств как объекта сделок в рамках финансовых операций), всеобщего эквивалента (в наибольшей степени отражающей гражданско-правовую конструкцию денег как товара в рамках гражданского оборота) и национальной валюты (суть которой состоит в решении деньгами задачи формирования основы национальной экономической безопасности).

Следовательно, обозначенная многоаспектность денег должна иметь доктринальное объяснение в рамках хозяйственно-правовой науки.

Основная часть. Некоторые белорусские авторы отмечают, что «товар и деньги представляют собой единство противоположностей» [3, с. 4]. Деньги в действительности являются товаром, однако имеют несколько иную природу, связанную с их ролью в регулировании общественных отношений, особенно в том контексте, что именно в деньгах измеряется стоимость остальных товаров. Кроме того, именно при «участии» такого товара, как деньги, и становится возможен сам факт обмена товаров различного рода, которые деньгами по своей природе не являются. Прямое «участие» денег в товарно-денежных отношениях предполагает их эквивалентный обмен на другие товары, а косвенное предполагает использование их в качестве ориентира при оценке ценности меняемых товаров при бартерных сделках.

Однако сторонники данной позиции упускают из вида следующее обстоятельство: эквивалентный обмен материальными и нематериальными благами или иное изменение характера владения такими благами возможен и тогда, когда эти блага не являются по своей правовой природе товарами. Примером такого положения дел может служить возмещение стоимости доли участника хозяйственного общества в имущественном комплексе организации, когда условный обмен этой доли на определенное количество денежных единиц не имеет ничего общего с товарно-денежными отношениями. Другим примером может быть предоставление государством субсидий, предполагающее «обмен» определенного объема денежных средств на юридически значимое поведение получателя субсидий. В этом контексте заслуживает внимания мнение Л. Мизеса, согласно которому тот факт, что в соответствии с законом деньги представляют собой «средство погашения имеющихся обязательств» является основополагающим для денежной концепции. В этом смысле не следует данную функцию отождествлять с функцией средства обмена, поскольку деньги представляют собой лишь законное средство платежа [4, с. 66–67]. Такая характеристика позволяет разграничить функцию законного средства платежа и функцию средства обмена, традиционно закреплённую в экономической теории.

Вспоминая суждения К. Маркса о том, что деньги являются особым товаром, который выступает в качестве всеобщего эквивалента для целей обмена, что следует из его концепции формирования стоимости товаров [5, с. 102], можно согласиться с мнением М.А. Портного о том, что в настоящее время на фоне появления новых форм денег и трансформации «денежной» природы упомянутая теория является не в полной мере широкой, что не позволяет исследовать иные направления хозяйственной жизни общества применительно к денежному феномену [6, с. 46]. Базулин Ю.В. отмечал, что чем больше символов находится в обращении, тем больше растет доверие к ним со стороны населения [7, с. 241]. Вследствие этого укрепляется покупательная сила денежной единицы. Деньги не могут существовать без доверия населения к ним. Таким образом, современное понимание денег выходит за рамки классической марксистской концепции всеобщего эквивалента (а именно такой концепт заложен в сложившийся в цивилистике и финансовом праве методологический подход к пониманию денег), поскольку трансформация их природы и появление новых форм денег требуют принципиально иной методологической основы в понимании природы денег, позволяющей всем заинтересованным субъектам получить ответ на следующие актуальные вопросы:

1. Что есть деньги для целей хозяйствования? Поскольку ограничение их понимания лишь в качестве товара приводит к неэффективному использованию денег в рамках хозяйствования (например, зарезервированная сумма денежных средств для расчета с контрагентами может не только находиться на расчетном счете правообладателя, но и использоваться в качестве инструмента хэджирования рисков на рынке Форекс). Ответ на данный вопрос не ограничивается пределами научного интереса экономики, цивилистики и финансового права. Можно утверждать, что он составляет основу сразу трех сфер научного знания гуманитарного характера – правовой науки, экономической науки и политологии.

2. Что есть деньги для целей регулирования общественных отношений? Поскольку они точно являются инструментом такого регулирования, однако выполняют принципиально иные функции, отличные от их понимания только в качестве товара и средства расчета и платежа. Ответ на данный вопрос позволяет констатировать, что деньги – это прежде всего *ключевой инструмент макроэкономического регулирования* (составляющий одновременно предмет и методологию хозяйственного права, а также предмет и методологию финансового права – в части управления публичными финансами, обеспечивающего выполнение государством распределительной, контрольной и стимулирующей функции финансов), а также *базовый инструмент в деле обеспечения национальной экономической безопасности*, составляющий предмет и методологию монетарного права [2] как отрасли права, входящей в пруденциальный цикл отраслей права.

Обозначенные тезисы позволяют нам обоснованно утверждать, что для целей правовой науки в целом деньги следует рассматривать как минимум в виде двух взаимодополняющих, но принципиально разных по своей правовой природе института: 1) деньги как всеобщий эквивалент и универсальный товар; 2) деньги как средство, объект сделок в рамках финансовой операции и основа правовой конструкции финансовой операции как внешней формы расчетов и платежей. Обозначенные правовые формы денег закономерно позволяют обеспечивать надлежащее функционирование двух ключевых социально-экономических институтов – гражданского оборота и товарных рынков. Однако данные правовые формы не позволяют обеспечить достижение ценовой и финансовой стабильности, поскольку, как сказано выше, они не изучают деньги с позиции их роли в обеспечении национальной экономической безопасности.

Следовательно, в рамках правовой науки целесообразно выделять три подхода к пониманию денег:

1. Объектное понимание, свойственное большинству отраслей права в системе национального права. Объектное понимание денег предполагает придание им правовой конструкции:

- всеобщего эквивалента;
- универсального товара;
- средства измерения ценности объектов и юридически значимых действий при совершении сделок и юридически значимых действий, не содержащих признаков товарно-денежных отношений;
- средства как объекта сделки в рамках финансовой операции;

2. Функциональное понимание, свойственное хозяйственно-правовой науке и большинству отраслей права, входящих в ее состав. Функциональное понимание денег предполагает придание им правовой конструкции национальной валюты и валютных ценностей, а также:

- средства макроэкономического воздействия на функционирование национальной экономики и социальной сферы при осуществлении государственного прогнозирования и планирования (Закон Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 157-3 «О государственном прогнозировании и государственном планировании») и при реализации макроэкономической политики;

– элемента правовой конструкции хозяйственной операции, когда деньги в рамках такой операции определяют не характер имущественных правоотношений, а являются основой организационных правоотношений (например, хозяйственные операции, связанные с формированием кредитных рейтингов (подпункты 2.1–2.5 п. 2 Инструкции о нормативах безопасного функционирования, утвержденной Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 11 июля 2022 г. № 257 «Об утверждении Инструкции о нормативах безопасного функционирования»)).

3. Ресурсное понимание, свойственное пруденциалистике [8; 9] как отрасли хозяйственно-правовой науки и составляющим ее отраслям права – монетарному и банковскому.

Заключение. В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Предложенный нами методологический подход (объектное, функциональное и ресурсное понимание денег) позволяет констатировать необходимость внесения соответствующих изменений в нормы, определяющие правовую природу денег (соответственно, в Гражданский кодекс Республики Беларусь, Банковский кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. № 226-3 «О валютном регулировании и валютном контроле» и Закон Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-3 «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения»).

2. Необходимо признать, что главенствующей методологией правового регулирования денег является методология, свойственная монетарному праву, предмет которого составляет монетарное (денежно-кредитное) регулирование, и банковскому праву, предмет которого составляет банковское регулирование и регулирование парабанковской деятельности, производное по отношению к монетарному регулированию. При этом методологии гражданского и финансового права выполняют факультативную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилик О.Н. Деньги в системе социальных отношений. – Гродно: ГРУ им. Янки Купалы, 2019. – 140 с.
2. Природа монетарного (денежно-кредитного) регулирования и место монетарного права в системе права / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, Е.Н. Гладкая, В.А. Козловская // Актуальные проблемы гражданского права. – 2023. – № 2. – С. 191–208.

3. Тарасов В.И. Проблемы современных денег и монетарная политика // Белорусский экономический журнал. – 2000. – № 3. – С. 3–11.
4. Мизес Л. фон. Теория денег и кредита / пер. с англ. и нем. под ред. и с коммент. Г. Сапова. – Челябинск: Социум, 2012. – 808 с.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Процесс обмена. – URL: <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/index.html> (дата обращения: 31.01.2026).
6. Портной М.А. Современные деньги: уточнение понятий // США & Канада: экономика – политика – культура. – 2015. – № 11. – С. 45–61.
7. Базулин Ю.В. Происхождение и природа денег. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 246 с.
8. Бондаренко Н.Л., Каменков В.С. Хозяйственно-правовая наука и ее задачи на современном этапе развития белорусского государства: (к вопросу о содержании паспорта специальности 12.00.07) // Юстиция Беларуси. – 2024. – № 6. – С. 20–24.
9. Конаневич Ю.Г., Бондаренко Н.Л. Пруденциалистика как наука об обеспечении национальной экономической безопасности и отрасль хозяйственно-правовой науки // Право национальной экономической безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. круг. стола, 27 июня 2024 г./ ред. кол.: Е.Н. Гладкая [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2024. – С. 7–12.

Поступила 17.03.2026

METHODOLOGICAL APPROACH TO UNDERSTANDING MONEY FROM THE PERSPECTIVE OF MONETARY (MONETARY AND CREDIT) REGULATION

V. KOZLOVSKAYA
(Belarusian State University, Minsk)

The article examines the legal nature of money in the context of its monetary regulation. The necessity of revising the traditional approach to the understanding of money formed within civil and financial law is substantiated. A methodological approach to the study of money is proposed, based on its object-based, functional, and resource-based understanding, which makes it possible to reveal the specific features of the legal nature of money and its role within the system of monetary regulation. It is shown that the key methodological role in the legal regulation of money belongs to monetary and banking law, whereas the approaches of civil and financial law perform an auxiliary function. Based on the conducted analysis, the necessity of improving the normative regulation of the legal nature of money in the legislation of the Republic of Belarus is substantiated, including the provisions of civil, banking and currency legislation, as well as legislation aimed at counteracting money laundering and the financing of terrorism.

Keywords: money, monetary regulation, legal nature of money, monetary law, banking law.

УДК 347.91.95

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-70-74

**ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ
ПРОЦЕССУАЛИСТОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА****А.С. КОСТЮК***(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3501-5530>e-mail: sudebn_ispolnicel@mail.ru

В статье рассмотрены концептуальные идеи дореволюционного периода по вопросу сущностного понимания процессуальной экономии. Устанавливаются предпосылки зарождения научной мысли о необходимости упрощения и оптимизации судопроизводства, обусловленные существовавшей волокитой и бюрократизацией в судебной системе при рассмотрении и разрешении дел, а также при исполнении судебных решений. Сделан вывод, что научным сообществом осознавалась потребность в упрощении судопроизводства. Положительная оценка дана попыткам сформулировать сущностное содержание процессуальной экономии через достижение наибольшего результата при отправлении правосудия с наименьшими процессуальными силами, но не в ущерб качеству правосудия, то есть, соблюдая принцип законности и справедливости. В итоге сделан вывод, что наследие дореволюционных правоведов может быть использовано и сегодня при совершенствовании гражданского судопроизводства, основываясь на недопустимости компромисса между экономией и качеством правосудия.

Ключевые слова: процессуальная экономия, принцип процессуальной экономии, оптимизация, судопроизводство, дореволюционный период.

Введение. Вопрос процессуальной экономии в той или иной форме был актуален для любого исторического типа судопроизводства. Обоснованно утверждать, что все процессуальные отрасли на протяжении длительного времени уделяли внимание оптимизации судопроизводства, стремясь к устранению излишних процессуальных действий и усложнений. Данная тенденция, представляющая собой проблемную ситуацию, является предметом изучения в отраслевых юридических науках процессуального цикла. В связи с этим исследователи различных видов судопроизводства (уголовного, гражданского, административного) единодушны в необходимости выявления сущности идеи процессуальной экономии. Представленная тематика актуальна и для исполнительного производства, так как белорусское законодательство на постсоветском пространстве является единственным, в котором нашел легальное закрепление принцип процессуальной экономии в исполнительном производстве.

Представляется бесспорным и вопрос приоритета в научном осмыслении данной тематики на различных этапах развития юриспруденции как науки, в связи с чем видится крайне актуальным обратиться к концептуальным идеям о процессуальной экономии дореволюционного периода, когда впервые зарождается идея о необходимости упрощения и оптимизации судопроизводства под влиянием различных детерминирующих факторов.

Цель исследования заключается в установлении направлений научной мысли дореволюционного периода о сущностном понимании процессуальной экономии посредством проведения обзора литературных источников данного периода развития правовой науки. Объектом исследования выступают теоретические концепции, научные взгляды и толкования сущности процессуальной экономии в юридической науке дореволюционного периода, отражающие её содержание, цели, а также способы реализации в законодательстве для обеспечения быстрого, эффективного и наименее затратного разрешения правовых споров и исполнения судебных решений.

Основная часть. Концепция процессуальной экономии имеет давние исторические корни, в том числе и в дореволюционной отечественной юриспруденции, куда она проникла из германского процессуального права. Как отмечает А.Г. Давтян, процессуальная экономия (согласно германскому гражданскому процессуальному праву) заключается в стремлении избежать ненужных процессуальных действий для экономии процессуальных ресурсов [1, с. 49]. Исследователи дореволюционного периода прямо не указывали на необходимость реализации процессуальной экономии в гражданском и уголовном процессе (за исключением Е.В. Васильковского [2; 3; 4]). Однако, исследуя работы рассматриваемого периода (Е.А. Нефедьев [5; 6], И.Д. Мордухай-Болтовский [7], П.П. Цитович [8], В.И. Адамович [9], В.Р. Завадский [10]), не подлежит сомнению вывод об осознании научным сообществом проблемы упрощения судопроизводства, искоренения волокиты и бюрократизации.

Прежде чем переходить к анализу трудов дореволюционных юристов, кратко обозначим процессы, которые становились объектом исследования ученых-правоведов. Так, в период начала 1860-х гг. правительство установило основную задачу гражданского судопроизводства: своевременное и надлежащее исполнение судебных актов. Согласно действовавшему законодательству реализация судебных решений была в компетенции полиции, в то время как контроль за исполнением и принятием мер по обеспечению возлагался на судебные органы, не обладавшие прямым контролем над полицией. Данное обстоятельство способствовало увеличению бюрократических процедур в процессе принудительного исполнения судебных решений и замедляло его. Полиция, с одной стороны, была обязана исполнять все требования суда, однако с другой стороны – не подчинялась суду напрямую. В связи с этим приоритетными в деятельности полиции стали задачи, определяемые непосредственно Министерством внутренних дел, а задачи по обеспечению принудительного исполнения судебных решений отошли на второй план [11, с. 19]. Судебные решения исполнялись в среднем в течении пяти лет, что порождало массовое возмущение среди населения [12, с. 42].

Следовательно, генезис и последующая позиция властей по отношению к регулированию процесса исполнения отличались противоречивостью. Подобная структура взаимодействия между судом и полицией создавала административные барьеры непосредственно в процессе исполнения, заставляя законодателя регулировать деятельность института судебных приставов, преодолевая существующие правовые препятствия. Соответственно, государство и научное сообщество столкнулись с проблемами, связанными не только с необходимостью совершенствования нормативного правового регулирования в направлении упрощения и оптимизации судопроизводства, но и с вопросами организационного характера по исполнению судебных решений, которые препятствовали быстрому и эффективному достижению целей судопроизводства по осуществлению реальной защиты прав. На это еще в 1861 г. до проведения судебной реформы обратил внимание К.П. Победоносцев, указывая не только на необходимость оптимизации процедуры рассмотрения и разрешения спора, но и на важность быстрого исполнения судебных решений.

Суждение дореволюционного юриста представляет собой комплексный анализ процессуальной экономии, выявляя не только ее положительные аспекты, но и скрытые опасности. Так, исследователь делает акцент на целостном подходе к правосудию, где быстрота судопроизводства не должна доминировать над его справедливостью и добросовестностью: «суд, без сомнения, должен быть скорый, безотлагательный, но прежде всего, он должен быть правый» [13]. Также обоснованно К.П. Победоносцев предостерегал законодателя и правоприменителей от формального подхода к «очистке» дел, когда видимость эффективности маскирует отсутствие реального умственного труда судьи и равнодушие к существу спора: «исключительная забота о скорости решений, слишком усердное побуждение к тому же сверху может развить в судье равнодушие к делу, пренебрежение к существу его, склонность удовлетворяться формальным его окончанием или тем, что называют очисткою производства» [13]. Внимание ученого к необходимости защиты не только истца, но и несправедливо обвиняемого ответчика подчеркивает гуманистический аспект его взглядов. Так, исследователь отмечает, что «имея в виду истца, преследующего справедливое дело, не должно забывать и об ответчике, несправедливо обвиняемом; первый желает простого и скорого производства, последний от того же самого производства вправе требовать таких форм, которые дали бы ему средство и время защититься от неправильного притязания» [13]. К.П. Победоносцев немало внимания уделял механизмам, обеспечивающим быстрое исполнение судебных решений, но справедливо указывал на важность их безотлагательного исполнения. Оправдана была критика исследователя в отношении излишней погони за быстротой, но он не предлагал конкретных альтернативных решений, которые смогли бы оптимизировать работу судебных приставов или сделать более эффективным и быстрым механизм принудительного исполнения. Его акцент был смещен преимущественно в сторону предотвращения злоупотреблений, связанных с ускоренным производством, но не на поиск баланса между быстротой и качеством исполнения решений. Таким образом, позиция К.П. Победоносцева по-прежнему актуальна для понимания процессуальной экономии. Исследователь напоминает, что эффективность суда – это не просто скорость, а баланс между быстротой процесса, его справедливостью и реальным исполнением решения.

И. Д. Мордухай-Болтовский, выступающий активным участником проводимой в 1864 г. Александром II судебной реформы и одним из авторов-разработчиков принятого по результатам реформы Устава гражданского судопроизводства 1864 г., отмечал необходимость борьбы с медлительностью судопроизводства и созданием «быстрого суда», выделяя при этом ключевые причины, обуславливающие медлительность рассмотрения гражданских дел. Две из них – отсутствие упрощенной процедуры рассмотрения простых дел и дел с незначительной ценой иска, а также множественность судебных инстанций – относились к «судоустройственным» факторам. Еще две причины – значительное число процессуальных порядков и недостаточное регулирование обжалования – к «судопроизводственным». Устранение «судоустройственных» причин волокиты было достигнуто путем введения единоличного рассмотрения несложных дел и сокращения числа судебных инстанций до двух (реформа 1864 г.), а «судопроизводственных» – посредством изменений процессуального законодательства [7, с. 490, 493–494].

Таким образом, стоит признать, что позиция исследователя имеет важное значение для современного развития принципа процессуальной экономии. Его акцент на необходимости «быстрого суда» подчеркивает важность баланса между тщательностью рассмотрения дела и разумными сроками его разрешения. Внедрение современных информационных технологий, развитие альтернативных способов разрешения споров и дальнейшее упрощение процессуальных форм – все это шаги, соответствующие духу идей И.Д. Мордухай-Болтовского, сформированных в дореволюционном периоде развития науки цивилистического процесса.

Обратим внимание, что в научной литературе критиковались многие законодательные установки, направленные на создание лишь видимости упрощения определенных процессуальных процедур. К примеру, П.П. Цитович в конспекте лекций по гражданскому процессу (1884 г.) скептически оценивал сокращенный порядок, который мог применяться практически по всем делам, но по разным правилам. Автор отмечал следующее: «остается одним пожеланием стремление законодателя – не тянуть инструкцию дѣла далѣ первая засѣданія» [8, с. 93]. Однако правовед не возводил процессуальную экономию в ранг принципов гражданского процесса, что подтверждается отсутствием каких-либо содержательных элементов данного принципа при описании П.П. Цитовичем основополагающих начал в § 4 рассматриваемого конспекта лекций по гражданскому процессу [8, с. 8].

Процедуре упрощенного судопроизводства и принудительного исполнения был посвящен труд В.Р. Завадского (1894 г.), однако автор не был столь критически настроен к данной процедуре, в отличие от П.П. Цитовича. Так, отмечалось, что с введением в действие в 1866 г. судебных уставов Императора Александра II, гражданские дела, которые рассматривались в старых судах десятки лет, стали разрешаться намного быстрее. Но в скором времени люди «старого порядка» привыкли к такой скорости. В.Р. Завадский отмечает, что «как только

показалась в новых судах некоторая медленность, – такая медленность, которая в старых судах, при старых порядках, была бы сочтена необычайной быстротой, – так сейчас же поднялись голоса о необходимости упростить порядок производства взысканий по так называемым бесспорным документам» [10, с. 12]. Исследователь проанализировал изменения в законодательстве, позволяющие делать процесс исполнения судебных решений более оперативным, а также дал комментарии, указывающие на практическое применение новых норм, их плюсы и недостатки в реалиях того времени. Таким образом, труд В.Р. Завадского представляет собой глубокий анализ процесса модернизации процессуального права, стремящегося к балансу между защитой прав взыскателя и обеспечением законности. Основная суть заключается в критическом комментарии к механизмам, позволяющим быстрее взыскивать долги, упрощать процедуру рассмотрения мелких дел и повышать эффективность принудительного исполнения, ограничивая формализм.

Примечательно, что в трудах дореволюционных юристов практически не содержится каких-либо упоминаний о необходимости оптимизации процесса исполнения судебных решений, а лишь кратко представляются отдельные законодательные правила. Но с момента внедрения судебной реформы 1864 г. одной из приоритетных задач государственной политики стало сокращение финансовых издержек, связанных с процедурой исполнительного производства. В рамках данной стратегии в 1867 г. земским собраниям было делегировано право корректировки размера денежного довольствия, выплачиваемого судебным приставам на местном уровне. В то же время наряду с основным содержанием земские собрания получили возможность устанавливать для судебных приставов дополнительное вознаграждение за выполнение конкретных действий, определяемое согласно утвержденным тарифам [11, с. 20]. Таким образом, система оплаты труда судебных приставов приобретала характер переменчивости, подверженной региональным различиям, что, в свою очередь, приводило к неоднородности и размыванию четких границ института судебных приставов как целостной институциональной структуры. Данный подход, ориентированный на локальную адаптацию, демонстрировал стремление к оптимизации расходов, однако создавал предпосылки для разрозненной правоприменительной практики. Соответственно, реформирование судебной системы было направлено не только на судебные органы, но и на разработку более эффективных механизмов принудительного исполнения путем в том числе и оптимизации расходов.

Несомненный вклад в развитие юридической дореволюционной науки внес профессор Е.А. Нефедьев, который в своей речи на торжественном годовом собрании Императорского Казанского университета, произнесенной в 1895 г., указал, что судопроизводство XVII–XVIII вв. столкнулось с проблемой волокиты [5, с. 1]. Несколько позже в учебнике русского гражданского судопроизводства (1909 г.), анализируя основные начала судопроизводства, профессор в качестве одной из целей судов отметил не только необходимость правильной организации судебной власти, но и такой организации, при которой лица могли бы «облегчено пользоваться судебной деятельностью». Цели эти, как считал исследователь, возможно было достичь посредством, в том числе, удешевления суда, а также создания такого количества судов, при котором они не будут обременяться слишком большим числом дел [6, с. 32]. В труде автора мы находим и указание на необходимость экономии времени при рассмотрении дел. К примеру, через призму установления времени совершения процессуальных действий Е.А. Нефедьев видел достижение цели незатягивания судебного процесса [6, с. 140]. Примечательно и то, что автор при анализе отдельных вопросов, связанных с исполнением решения суда, подчеркивал «непрерывность» действий судебного пристава, который по своему усмотрению был не вправе приостановить или прекратить исполнение. Приостановление допускалось лишь на основании определения суда или заявления взыскателя. Прекращение производства, помимо названных оснований, включало и предоставление должником расписки от взыскателя о том, что сумма по решению суда в полном объеме уплачена [6, с. 310].

Таким образом, П.П. Цитович, В.Р. Завадский и Е.А. Нефедьев, рассматривая дореволюционное судопроизводство, акцентировали внимание на проблемах, связанных с процессуальной экономией, хотя и не возводили ее в ранг основополагающего принципа. П.П. Цитович критиковал попытки создания видимости упрощения процедур, отмечая формальный характер сокращенного порядка. Е.А. Нефедьев и В.Р. Завадский, напротив, подчеркивали важность организации судебной системы, способствующей облегченному доступу к правосудию, удешевлению суда и сокращению сроков рассмотрения дел. Значение их позиций для современного развития принципа процессуальной экономии неоднозначно. С одной стороны, скептицизм П.П. Цитовича в отношении формального упрощения процедур остается актуальным предостережением против поверхностных реформ, ведущих к снижению качества правосудия. С другой стороны, идеи Е.А. Нефедьева о необходимости оптимизации судебной системы для обеспечения доступности и оперативности правосудия созвучны современным тенденциям.

Тем не менее, выводы всех трех правоведов, безусловно, важны, но требуют критической оценки с точки зрения современного понимания процессуальной экономии. Современный принцип процессуальной экономии – комплексный принцип, направленный не только на сокращение издержек и времени, но и на обеспечение справедливости и эффективности процесса. Поэтому важно учитывать, что упрощение процедур не должно осуществляться в ущерб качеству рассмотрения дел и соблюдению прав сторон, иначе это приведет к правовым ошибкам и нарушению прав граждан, соответственно, принцип процессуальной экономии потеряет свой смысл.

В научном труде «Встречный иск (к учению о зачете)» (1899 г.) В.И. Адамович рассмотрел встречный иск как самостоятельное требование ответчика, направленное к истцу, выступающее судебным средством реализации зачета. Примечательно, что, по мнению автора, встречный иск является важным инструментом защиты, позволяющим быстро и эффективно разрешить взаимные претензии сторон в одном процессе, предотвращая принятие противоречащих друг другу судебных решений. Несмотря на то, что исследователь не оперировал терминологией «процессуальная экономия», «экономия», «оптимизация» и т.п., однако его труд, посвященный встречному иску,

зложил научные основы для понимания такого иска как процессуального механизма, способствующего процессуальной экономии и оперативному правосудию. Автор отмечал, что гражданский суд к концу XVII и началу XVIII вв. оказался в крайне невыгодном положении, что было обусловлено несколькими причинами, связанными как с действиями «тяжущихся» (сторон производства), так и с действиями «судебно-должностных органов»: умышленное затягивание процесса «тяжущимися» посторонними требованиями и рассуждениями; волокита со стороны судебно-должностных органов (в большей степени судебных приставов) [9, с. 29]. Определив проблемное поле вопросов, существовавших при отправлении правосудия, исследователь заключил, что это привело к попыткам перестроить суд на новый лад для того, чтобы достигнуть возможно большей энергии и быстроты в процессуальных действиях. Цель законодателя, как видел В.И. Адамович, сводилась к тому, чтобы «порешить с судебным неустройством, добываясь, вообще, более скорого отправления правосудия» [9, с. 30].

Таким образом, анализ работы В.И. Адамовича «Встречный иск (к учению о зачете)» позволяет увидеть, как глубокое понимание проблем дореволюционного судопроизводства – волокиты, злоупотреблений сторон и судебных чиновников – привело к осознанию необходимости процессуальной экономии. Предложенное им рассмотрение встречного иска как средства для быстрого и эффективного разрешения взаимных претензий сторон, по сути, стало одной из идей современного понимания принципа процессуальной экономии. Автор, хотя и не использовал эту терминологию, фактически указал на возможность оптимизации процесса, сосредоточения рассмотрения споров и предотвращения противоречивых судебных решений. Позиция В.И. Адамовича оказывает положительное влияние на современное развитие принципа процессуальной экономии, напоминая о важности оперативного и эффективного правосудия. Выводы исследователя, безусловно, важны, поскольку они подчеркивают историческую необходимость оптимизации судебного процесса, напоминают нам о том, что стремление к быстрому и справедливому правосудию было актуальным всегда, и даже старые идеи могут быть применены и адаптированы к современным реалиям для повышения эффективности правовой системы.

В учебниках 1913 г. и 1917 г. по гражданскому процессу русского цивилиста, адвоката и судьи Е.В. Васьковского отмечалось существование принципа процессуальной экономии как необходимости достижения наибольших результатов с наименьшими усилиями. Стоит признать, что это первый российский исследователь, который начинает оперировать именно термином «процессуальная экономия», предпринимая завуалированные расплывчатые попытки методологически обосновать необходимость возведения процессуальной экономии в ранг основополагающих идей гражданского процесса. Автор полагал, что она может выражаться в экономии времени (быстроте), упрощении труда (простоте) и снижении издержек (дешевизне) производства [2, с. 89; 3, с. 362].

В курсе гражданского процесса 1913 г. Е.В. Васьковский, с одной стороны, отмечает, что практичность процессуальных действий не является приоритетной целью, достигаемой любой ценой при организации судопроизводства, поэтому она не может служить единственным основанием для формирования принципов судопроизводства. Судебный процесс, по мнению ученого, должен базироваться на устойчивом и безопасном фундаменте; дискредитация его для ускорения строительства «легкого», но ненадежного процесса не представляется целесообразной. С другой стороны, исследователем отмечается, что удобство отправления правосудия сохраняет значимость, хотя и меньшую. Излишне затяжной, запутанный или дорогостоящий процесс, по мнению Е.В. Васьковского, может отпугнуть потенциальных заявителей и стать причиной отказа от обращения в судебные инстанции [3, с. 362]. Рассматривая систему принципов гражданского процесса, автор разделяет их на две группы, но не относит принцип процессуальной экономии ни к одной из групп, хотя говорит о нем в заключении своей концепции [4, с. 144]. Примечательно, что в третьем разделе учебника по гражданскому процессу (1914 г.), рассматривая особенности исполнительного производства, Е.В. Васьковский уже не так активно обращается к принципу процессуальной экономии. Однако сказанное совсем не говорит о том, что исследователь не признавал важность для процесса исполнения более оптимальных и ускоренных форм ведения исполнительного производства. В подтверждение этого можно привести обоснование Е.В. Васьковским необходимости ареста имущества должника до истечения срока на добровольное исполнение целями ускорения исполнительного производства и предупреждения сокрытия должником имущества [4, с. 482].

Анализируя положения о процессуальной экономии в более позднем учебнике по гражданскому процессу Е.В. Васьковского (1917 г.), мы установили, как нам видится, важное для современного понимания принципа процессуальной экономии уточнение, сделанное автором, – необходимость в достижении «рационального» судопроизводства. Е.В. Васьковский использует термин «рациональность», когда ведет речь о совершенствовании гражданского процесса [2, с. 88]. При этом цивилист делает важную оговорку в части того, что «удобство производства имеет по сравнению с правильностью, решений второстепенное значение. Процесс, в котором дела разбирались бы скоро и легко, но неправильно, не представлял бы для граждан никакой ценности ... Требование удобства процесса представляет собой применение к области процесса общего начала политической экономии: с наименьшими усилиями достигать наибольших результатов. Поэтому его вполне уместно назвать постулатом процессуальной экономии» [2, с. 88]. Указание на «постулат» уже наталкивает на мысль о том, что Е.В. Васьковский отводит весьма важное значение процессуальной экономии в гражданском процессе, ведь любой постулат в логике или математике представляет собой нечто исходное, на чем базируется определенное явление, деятельность или процесс. Соответственно, можно выразить подход Е.В. Васьковского в части сущности процессуальной экономии в контексте гражданского процесса следующей формулой: «быстрота – дешевизна – простота». Но с оговоркой, что это не должно мешать правильности гражданского процесса. Процессуальная форма должна строиться экономично, где рациональное (человеческий ум, логика, обоснование) преобладает над иррациональным (эмоции, спонтанность, интуиция, чувства).

Закключение. Таким образом, приходим к выводу, что исследование принципа процессуальной экономии начинается уже с середины XIX в., несмотря на то что данный термин прямо научным сообществом еще не использовался. Дореволюционная юридическая мысль, несмотря на отсутствие единого терминологического аппарата, все более отчетливо формулировалась в направлении необходимости оптимизации не только судопроизводства, но и процесса исполнения судебных решений. Ученые того времени видели препятствия в излишней формализации, волоките и бюрократизации, стремясь к созданию «быстрого» и доступного суда, и такой же системы принудительного исполнения. Основные усилия были направлены на упрощение процедур, сокращение количества инстанций и удешевление судебного процесса. На необходимость сокращения расходов, связанных с деятельностью судебных приставов, и ускорение исполнительного производства также обращалось пристальное внимание. Это напрямую коррелирует с современной концепцией процессуальной экономии, реализуемой как в рамках гражданского судопроизводства, так и в исполнительном производстве.

Наиболее значимым вкладом в развитие идеи процессуальной экономии, как нам видится, стал труд Е.В. Васьковского, который первым ввел термин «процессуальная экономия» и определил его как стремление к достижению наибольших результатов с наименьшими усилиями, выражающееся в экономии времени, упрощении труда и снижении издержек. Важным постулатом Е.В. Васьковского является приоритет правильности решения над скоростью и дешевизной процесса. Он подчеркивает, что процессуальная форма должна быть экономичной, но при этом не ставить под угрозу справедливость и законность.

Наследие дореволюционных правоведов может быть использовано и сегодня при совершенствовании гражданского судопроизводства. В частности, актуальны вопросы упрощения процессуальных процедур, оптимизации сроков, снижения судебных издержек и внедрения современных информационных технологий. При этом необходимо учитывать предостережение Е.В. Васьковского о недопустимости компромисса между экономией и качеством правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давтян А.Г. Гражданское процессуальное право Германии. – М.: Городец, 2000. – 320 с.
2. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. – 2-е изд. – М.: Изд. бр. Башкамовых, 1917. – 372 с.
3. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. – М.: Изд. бр. Башкамовых, 1913. – Т. I: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – 691 с.
4. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. – М.: Изд. бр. Башкамовых, 1914. – 372 с.
5. Нефедьев Е.А. Основные начала гражданского судопроизводства. Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании Императорского Казанского университета, 5 ноября 1895 года ординарным профессором Е.А. Нефедьевым. – Казань: Типолит. Имп. ун-та, 1895. – 50 с.
6. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. – 3-е изд. – М.: тип. Моск. ун-та, 1909. – 403 с. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003760451?page=72&rotate=0&theme=white (дата обращения: 09.01.2025).
7. Мордухай-Болтовский И.Д. Гражданский процесс // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. – Т. 1. – Петроград: Сенат. тип. 1914. – С. 490–491.
8. Цитович П.П. Гражданский процесс: к-т лекций. – Киев: Типо-лит. И.Н. Кушнерова и К°, 1887. – 110 с.
9. Адамович В.И. Встречный иск: (к учению о зачете). – СПб.: Типо-лит. А. Лейферта, 1899. – 290 с.
10. Завадский В.Р. Понудительное исполнение и упрощенное судопроизводство: новые законы и примеч. к ним. – 3-е изд. – М.: Моск. юрид. о-во: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1894. – 110 с.
11. Болдырев Д.В. Государственная политика по отношению к институту судебных приставов в России. 1864 г. – начало XX в. (по материалам Пензенской губернии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2014. – № 3(31). – С. 17–27.
12. Станишевская Л.П. Эволюция органов принудительного исполнения судебных решений (досоветский период) // Исполнительное производство: проблемы правового регулирования / Т.С. Таранова [и др.]; редкол.: Т.С. Таранова, Д.В. Гапоненко. – Минск: Колоград, 2022. – С. 34–46.
13. Победоносцев К.П. О реформах в гражданском судопроизводстве. – 1865. – URL: http://az.lib.ru/p/pobedonoscew_k_p/text_1865_peredovye_statii.shtml (дата обращения: 09.01.2025).

Поступила 10.03.2026

PROCEDURAL ECONOMY IN THE SCIENTIFIC WORKS OF THE PROCESSUALISTS OF THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

A. KASTSIUK

(Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk)

The article examines the conceptual ideas of the pre-revolutionary period on the issue of the essential understanding of procedural economy. The prerequisites for the emergence of scientific thought on the need to simplify and optimize legal proceedings are established, due to the existing red tape and bureaucratization in the judicial system during the consideration and resolution of cases, as well as during their execution. It is concluded that the scientific community was aware of the need to simplify legal proceedings. A positive assessment is given to attempts to formulate the essential content of procedural economy through achieving the greatest result in the administration of justice with the least procedural forces, but not to the detriment of the quality of justice, that is, observing the principle of legality and fairness. As a result, it is concluded that the legacy of pre-revolutionary jurists can still be used today in improving civil proceedings, based on the inadmissibility of a compromise between economy and the quality of justice.

Keywords: procedural economy, principle of procedural economy, optimization, judicial proceedings, pre-revolutionary period.

УДК 34.096

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-75-79

**МАНИПУЛЯЦИЯ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕМ СУБЪЕКТА В КОНТЕКСТЕ СОГЛАСИЯ
НА ОБРАБОТКУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ****Я.А. КУРТО***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0968-3921>

Статья посвящена особенностям манипулирования волеизъявлением субъекта персональных данных в цифровой среде. Правовое регулирование данного вопроса рассматривается с точки зрения требований к согласию субъекта персональных данных законодательства о персональных данных, а также зарубежного опыта законодательного регулирования. Существующее правовое регулирование основано на расширительном толковании общих требований к согласию субъекта персональных данных: свободы, однозначности и информированности. Исследуется роль искусственного интеллекта в манипулировании волеизъявлением пользователей. Предлагаются авторские определения манипуляции волеизъявлением субъекта персональных данных. Предлагаются конкретные направления совершенствования законодательства в контексте вопроса. В целях устранения выявленных правовых пробелов обоснованы предложения по совершенствованию Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных», включая закрепление соответствующих дефиниций, установление специальных обязанностей операторов и введение запрета манипулятивного дизайна.

Ключевые слова: *персональные данные, волеизъявление, манипулятивные технологии, темные паттерны, искусственный интеллект, цифровой образ.*

Введение. Развитие информационных технологий позволило гражданам почти беспрепятственно использовать цифровые платформы с целью потребления различного рода услуг. Это привело к переносу большей части данных, в том числе персональных, в виртуальную среду. Однако такая возможность привела к развитию благоприятных условий для злоупотребления обладателями таких платформ своими правами. Одной из наиболее значимых угроз в отношении пользователей цифрового пространства становится манипулирование вниманием и волеизъявлением человека, ценного в цифровой среде, с целью получения различных данных, в том числе персональных, в обход требований законодательства. Актуальность вопроса подтверждается зафиксированным высоким уровнем нарушений требований законодательства о персональных данных. Так, согласно отчету о деятельности Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь в 2024 г. было «удалено свыше 24 млн. записей из информационных ресурсов, а также документов с незаконно используемыми персональными данными»¹. Данный вопрос находится в поле особого внимания со стороны государства. Еще в 2019 г. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко при обсуждении Концепции информационной безопасности Республики Беларусь отметил необходимость эффективной деятельности государства по обеспечению информационной безопасности, а также заинтересованность государства в предоставлении возможности защитить свои личные права в медиа пространстве и в целом повышении комфортности жизни за счет новейших достижений².

Вопрос защиты персональных данных в контексте манипуляции волеизъявлением субъекта в отечественной литературе не рассматривался. Целью исследования является анализ способов манипуляции волеизъявлением субъекта персональных данных в цифровой среде через призму получения его согласия. Перед автором были поставлены следующие задачи:

1. Определение понятия манипуляции волеизъявлением субъекта персональных данных.
2. Изучение вопросов правовой неопределенности применения манипулятивных технологий, а также их понятия, правового статуса и ответственности операторов.
3. Анализ зарубежного и национального опыта законодательного регулирования проблемной области.
4. Выявление конкретных направлений улучшения системы прав и свобод субъектов персональных данных в цифровой среде в контексте названных проблем.

Основная часть. В современном мире одним из самых ценных ресурсов, наряду с данными, является внимание людей. Цифровые платформы стали так называемыми «торговцами вниманием». Привлекая и манипулируя вниманием пользователей в цифровом пространстве, разработчики цифровых платформ имеют возможность влиять на волеизъявление субъектов. В большинстве случаев владельцы платформ и рекламодатели пытаются продать какой-либо товар, однако обращаясь к контексту работы, можно говорить о так называемой «покупке» данных у пользователей в обмен на первый взгляд бесплатную услугу. А.К. Кусаинова под волеизъявлением понимает «выражение воли лица вовне, благодаря которому она становится доступной восприятию других лиц, ... направленное на достижение определенного результата» [1].

¹ URL: <https://cpd.by/o-centre/otchety-o-deyatelnosti/>

² URL: <https://belta.by/president/view/prezident-neobhodima-effektivnaja-deyatelnost-po-obespecheniju-informatsionnoj-bezopasnosti-belarusi-339614-2019/>

В данной работе манипуляция волеизъявлением рассматривается в контексте защиты персональных данных. На наш взгляд, именно соблюдение требований к согласию субъекта и следующая за этим легитимность обработки персональных данных – краеугольный камень манипуляции волеизъявлением субъекта персональных данных в цифровой среде. Причиной этому служит собственно согласие на обработку персональных данных как выражение способа волеизъявления. Указанная проблема требует разработки новых подходов к правовому регулированию прав и обязанностей субъектов персональных данных, операторов и уполномоченных лиц, которые учитывали бы современные реалии существования разнообразных манипуляций волеизъявлением субъектов персональных данных. Такие действия направлены на получение данных в обход требований законодательства о защите персональных данных, в том числе касательно получения персональных данных без согласия субъекта либо при получении согласия обманным путем.

Для уточнения понятийного аппарата обратимся к законодательству о персональных данных Республики Беларусь. В результате анализа абз. 8, 13, 16 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 года «О защите персональных данных» (далее – Закон 99-3) стоит отметить следующее соотношение законодательных определений с понятийным аппаратом в контексте проводимого исследования³. Так, пользователи виртуальных платформ являются субъектами персональных данных; владельцы интернет-ресурсов (в том числе государственные органы) – операторами; провайдеры, аналитические компании и другие организации, осуществляющие обработку персональных данных от имени оператора или в его интересах – уполномоченными лицами (при их привлечении). По общему правилу, в соответствии с Законом 99-3 «обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных», которое представляет собой «свободное, однозначное, информированное выражение его воли, посредством которого он разрешает обработку своих персональных данных». В большинстве случаев обработка персональных данных владельцами цифровых платформ происходит на основании согласия субъекта персональных данных. Статья 6 Закона 99-3 устанавливает основания обработки персональных данных без согласия субъекта персональных данных, однако их обработка владельцами онлайн-платформ в такие основания не входит.

Изучим положения Закона 99-3, касающиеся требований к согласию субъекта персональных данных с целью исследования способов влияния на волеизъявление субъекта персональных данных.

1. Свобода согласия субъекта персональных данных подразумевает, что «субъект самостоятельно, исходя из своего внутреннего убеждения, выражает свою волю в отношении обработки персональных данных» наравне с «недопустимостью понуждения субъекта к даче такого согласия под угрозой наступления неблагоприятных для него последствий». Позицией Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь, выраженной в постатейном комментарии к Закону 99-3, является недопустимость вынужденного согласия «в силу связанности согласия с достижением иной, желаемой для него цели»⁴.

Способом манипуляции волеизъявлением субъекта персональных данных выступает дизайн пользовательского интерфейса, который может включать внезапно появляющиеся уведомления на виртуальных платформах, когда субъект не может пользоваться веб-сайтом при отказе от подписки на почтовую рассылку для получения «лучших предложений» или от регистрации на платформе. Целью такой манипуляции является побуждение желания к покупке товаров. В данной ситуации владелец платформы (оператор) имеет выигрышное положение – продавая товар, он также безвозмездно приобретает другую неочевидную выгоду – персональные данные пользователя. Также такие уведомления могут содержать секундомер, который как бы подталкивает субъекта на покупку товара ввиду так называемой ограниченности времени скидки. Схожим примером является манипуляция под названием «Pay or consent» («плати или соглашайся»), при котором «пользователь не имеет свободы выбора при предоставлении персональных данных, так как должен либо заплатить, либо дать согласие на обработку данных»⁴. В последнем случае именно персональные данные становятся товаром.

2. Признак однозначности согласия подразумевает «совершение четкого намеренного действия и должна быть воспринята субъектом персональных данных и отражать его действительные намерения»⁴. Образцом манипуляции волеизъявлением являются паттерны по манипулятивному получению согласия на предоставление cookie-файлов. Cookie-файлами признаются «текстовые документы, которые с помощью веб-браузера сохраняются на компьютере пользователя» [2]. Такие документы содержат информацию, которая может быть признана персональными данными по признаку возможности идентификации субъекта.

В своей «теории подталкивания» Р.Х. Талер и К.Р. Санстейн объясняют, как «архитектура выбора» влияет на принятие наиболее правильного и эффективного решения среди имеющихся вариантов [3]. Эта теория может быть проанализирована и в контексте исследования, в ситуации, когда дизайнеры веб-пространства влияют на волеизъявление субъектов персональных данных через цветовые механизмы. Например, выделяя знак «согласен» цветом, скрывая знак «не согласен» или даже не создавая последний знак в принципе, оператор подталкивает субъекта на принятие решения о передаче cookie-файлов без осмысления совершаемых действий. П. 7 ст. 5 Закона 99-3 устанавливает, что «обязанность доказывания получения согласия субъекта персональных данных возлагается на оператора». Однако оператор в названном случае получает согласие на обработку персональных данных, а субъект не

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H12100099>

⁴ URL: <https://cpd.by/pravovaya-osnova/metodologicheskije-dokumenty-rekomendatsii/postatejnyj-kommentarij-k-zakonu-respubliki-belarus-o-zashhite-personalnyh-dannyh/>

во всех случаях осознает передачу данных оператору или уполномоченному лицу, что сложно доказуемо ввиду наличия соответствующего согласия. Отсутствием манипуляции в данном случае будет признаваться равный дизайн знаков «согласия» и «несогласия» в одинаковых размерах и цветах для того, чтобы пользователь (субъект персональных данных) имел возможность осознать свой выбор и отразить намерение по передаче данных. Предлагается внесение изменений в законодательство о персональных данных в виде закрепления требования к разработчикам цифровых платформ в виде визуализации согласия на обработку персональных данных.

3. Согласие должно быть информированным, то есть «даче согласия должно предшествовать предоставление субъекту всей необходимой и достоверной информации о целях обработки, об обрабатываемых данных, операторе и иных лицах, которые будут осуществлять обработку персональных данных, сроке обработки и другой необходимой информации»⁵. Касаясь вопроса информированности согласия, отметим, что в эпоху больших данных (big data) согласие зачастую становится формальным, так как субъект в большинстве случаев не осознает всего объема и последствий обработки своих данных. Более того, пользовательские соглашения могут быть скрыты в труднодоступных для субъекта вкладки сайта, следовательно, в большинстве случаев субъекты соглашаются с условиями, даже не будучи информированными об операторе, целях обработки и т.д. Однако отметим, что это не освобождает субъектов от обязанности самостоятельно отвечать за собственные действия по передаче персональных данных операторам.

Согласно абз. 2 п. 40 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1, одной из причин обусловленности мер по обеспечению безопасности в информационном пространстве в Республике Беларусь является «снижение критического отношения потребителей информации к фейковым сообщениям новостных ресурсов, в социальных сетях и на других онлайн-платформах»⁶. Необходимость «формирования культуры бережного и рачительного оборота персональных данных» также отмечается Национальным центром по защите персональных данных Республики Беларусь⁷. Таким образом, субъекты должны самостоятельно ознакомливаться с документами, связанными с защитой персональных данных в конкретной организации. Иным вопросом будет являться отсутствие таких документов в общем доступе.

Российская Федерация устанавливает более расширенный список требований к согласию субъекта персональных данных на обработку его персональных данных.

Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»: «согласие на обработку персональных данных должно быть конкретным, предметным, информированным, сознательным и однозначным»⁸. General Data Protection Regulation (далее – GDPR), регулирующий отношения защиты персональных данных на территории Европейского союза, устанавливает, что согласие субъекта персональных данных «должно быть свободным, являться конкретным, информированным и выраженным недвусмысленно»⁹. По мнению автора, данные признаки нашли отражение в трех описанных ранее требованиях к согласию субъекта персональных данных в Республике Беларусь и изменения в законодательство в данной части не требуются. Более того, законодательство Российской Федерации в скором времени будет содержать прямой запрет на использование манипулятивных технологий. Данный вывод следует из Федерального закона от 31.07.2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», который вступает в силу с 1 октября 2026 года¹⁰.

Использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) для обработки персональных данных также является одним из видов манипулирования волеизъявлением субъектов персональных данных. Понятие ИИ закреплено в законодательстве Республики Беларусь. Под ИИ понимают «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, и включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»¹¹. Алгоритмы ИИ анализируют огромные массивы данных субъектов персональных данных, к примеру, их пользовательская активность в сети Интернет, покупки и др. ИИ также используется банками, страховыми компаниями и иными учреждениями для анализа информации о пользователях. Более того, технологии рекомендательных систем, основанные на алгоритмах машинного обучения, анализируют предпочтения и поведение пользователей в интернете, что входит в cookie-файлы, чтобы предлагать им релевантный контент, товары и услуги [4]. Для этого они собирают данные о привычках, интересах и покупательском поведении людей, формируя подробные цифровые профили, которые могут быть использованы в маркетинговых целях или даже для манипулирования общественным мнением [5].

Опираясь на теорию В. Фершта о способах влияния ИИ на поведение человека или манипулирование им, рассмотрим взаимосвязь таких способов в контексте защиты персональных данных [6]:

- 1) персонализированный контент или рекомендации. Такие факторы основываются на уже известных цифровым платформам предпочтениях, которые содержатся в файлах cookie;
- 2) таргетированная реклама;

⁵ См. сноску № 4.

⁶ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001>

⁷ URL: <https://cpd.by/aktualnoe-intervju-ugroza-privatnosti-sam-chelovek-kakie-dannye-nelzja-hranit-v-messendzherah/>

⁸ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

⁹ URL: <https://gdpr-info.eu/>

¹⁰ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511088/

¹¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300280>

3) подталкивание в пользовательских интерфейсах, связанное с вышеописанной «теорией подталкивания»;

4) социальное доказательство и соответствие;

5) дипфейки и синтетические медиа. Дипфейк является формой синтетических медиа, под которым понимают сгенерированный фото-, аудио- или видеоконтент на основе реальных данных. Синтезированная речь может использоваться в мошеннических схемах, включая махинации с банковскими счетами¹².

6) распознавание эмоций и манипулирование ими;

7) убедительные чат-боты и виртуальные помощники. В 2025 году в суды штата Калифорния на компанию Open AI были поданы 7 исков, содержащих информацию о том, что родственники истцов впадали в бредовое состояние, иногда заканчивавшееся самоубийством, после длительных сеансов общения с чат-ботом. Из жалоб следует, что четверо человек покончили жизнь самоубийством после того, как вступили в контакт с генеративной системой ИИ под названием ChatGPT¹². Так, чат-боты потенциально могли получить персональные данные субъекта, в том числе специальные персональные данные о личных убеждениях, здоровье и на основании этих данных распознать эмоции человека и повлиять на принятие им определенных решений;

8) игровая механика и инструменты взаимодействия, включающая в себя игровые элементы для повышения вовлеченности пользователей;

9) прогнозирование поведения. Платформы могут использовать эти знания, чтобы направить действия субъекта персональных данных в желаемом направлении;

10) обратная связь в реальном времени. Такие устройства, как фитнес-трекеры, собирают и анализируют специальные персональные данные о здоровье человека и дают соответствующую обратную связь с предложениями об улучшении их активности, влияя на поведение субъекта.

Таким образом, ИИ оказывает значительное влияние на принятие решений субъектами персональных данных, основываясь на их предпочтениях.

Совокупность всех персональных данных субъекта в рамках цифровых платформ формирует единый цифровой образ пользователя. Рассматривая манипулятивные технологии с данной точки зрения, можно сделать вывод о препятствовании формированию цифрового образа человека, в том числе с использованием технологий ИИ. Во-первых, при даче согласия на обработку персональных данных субъект формирует цифровой образ в зависимости от интересов оператора, а не отражает свои действительные, изначальные намерения. Во-вторых, алгоритмы ИИ могут создавать различные цифровые профили субъекта как элементов цифрового образа, в том числе с помощью технологий дипфейков. В-третьих, при несоблюдении требования информированности субъект лишается возможности самостоятельно контролировать собственный цифровой образ.

Предлагается рассмотреть манипуляции волеизъявлением субъекта персональных данных в контексте цифровых технологий в виде понятия «темных паттернов», а именно специально разработанных способов воздействия на волеизъявление граждан, целью которых является побуждение пользователей сети Интернет к совершению определенных действий.

Правовое регулирование защиты данных в контексте «темных паттернов» разнится от государства к государству. Рассматривая законодательство Европейского союза, стоит отметить Digital Services Act (далее – DSA), который в ст. 25 содержит прямой запрет использования «темных паттернов», а именно норму о том, что «поставщики онлайн-платформ не должны разрабатывать, организовывать или управлять своими онлайн-интерфейсами таким образом, который обманывает или манипулирует получателями их услуг, или иным образом существенно искажает или затрудняет возможность получателей их услуг принимать свободные и информированные решения»¹³. В свою очередь, Закон 99-3 не содержит прямого определения или косвенного упоминания «темных паттернов» и не предусматривает специального запрета на манипулятивный дизайн интерфейсов. На данном этапе развития законодательства о персональных данных противодействие таким схемам представляется возможным только через упомянутые требования к согласию субъекта персональных данных, а также через общие принципы обработки персональных данных.

Европейский союз через DSA и GDPR ввел специализированную ответственность за манипулятивный дизайн интерфейсов, в то время как в Республике Беларусь через Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП) и Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) установлена ответственность за нарушение законодательства о защите персональных данных. Ч. 1 ст. 23.7 КоАП в том числе устанавливает ответственность за нарушение прав физического лица, связанных с обработкой персональных данных, что может являться последствием использования технологий «темных паттернов» операторами¹⁴. Уголовная ответственность за «умышленные незаконные сбор, предоставление информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия, повлекшие причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина», а также «умышленное незаконное распространение информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия, повлекшее причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина» наступает в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 203¹ УК соответственно¹⁵.

Заключение. Защита персональных данных и прав субъектов от последствий манипулирования их волеизъявлением построена в соответствии с общими требованиями согласия и общих принципов обработки персональных данных, а именно через расширительное толкование принципов свободы, информированности и прозрачности.

¹² URL: <https://ria.ru/20251107/openai-2053335130.html>

¹³ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R2065>

¹⁴ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=HK2100091>

¹⁵ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>

Для повышения эффективности защиты прав субъектов персональных данных в цифровой среде целесообразно рассмотреть возможность внедрения в законодательство Республики Беларусь специальных норм, направленных на противодействие манипулятивным техникам получения согласия субъекта персональных данных. В Республике Беларусь отсутствуют законодательные определения понятий манипуляции волеизъявлением субъекта персональных данных и «темных паттернов», а также прямой запрет манипулятивного дизайна. Для повышения эффективности защиты прав субъектов персональных данных необходимо принятие следующих мер.

Во-первых, в целях устранения выявленного пробела представляется целесообразным дополнить ст. 1 Закона 99-З следующим определением манипуляции волеизъявлением субъекта персональных данных. Под ним предлагается понимать «специально разработанные и применяемые операторами или уполномоченными лицами в рамках цифровых платформ способы воздействия на волеизъявление субъекта персональных данных посредством дизайна цифровых интерфейсов и алгоритмов искусственного интеллекта, которые направлены на получение персональных данных при условии несоблюдения установленных законодательством требований к согласию субъекта персональных данных».

Во-вторых, предлагается установить обязанность оператора по использованию специальных маркировок при обработке персональных данных искусственным интеллектом. При получении согласия на обработку персональных данных, оператор также должен уведомлять субъекта об использовании цифровой платформой (ресурсом) искусственного интеллекта для обработки персональных данных и получать соответствующее согласие с возможностью отказа от предоставления данных. Из этого также следует обязанность оператора уведомлять субъектов персональных данных о целях такой обработки, к примеру, для предоставления рекомендаций на основе обработки данных искусственным интеллектом.

В-третьих, целесообразным является принятие мер по запрету использования манипулятивного дизайна интерфейсов по аналогии со ст. 25 DSA. Представляется необходимым дополнить Закон 99-З нормой о запрете применения онлайн-интерфейсов, используемых с целью манипулирования волеизъявлением субъектов персональных данных при принятии решений. Соблюдение названного запрета необходимо обеспечить усилением ответственности в отношении операторов путем включения в статью 23.7 КоАП (Нарушение законодательства о защите персональных данных) соответствующей диспозиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кусаинова А.К. Согласие как юридическая форма волеизъявления: проблемы интерпретации в условиях работы с большими данными // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2025. – № 2(61). – С. 287–295. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/soglasie-kak-yuridicheskaya-forma-voleizyavleniya-problemy-interpretatsii-v-usloviyah-raboty-s-bolshimi-dannymi/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/soglasie-kak-yuridicheskaya-forma-voleizyavleniya-problemy-interpretatsii-v-usloviyah-raboty-s-bolshimi-dannymi).
2. Сааков В.В. Что такое cookie в браузере и почему на многих сайтах предупреждают об их использовании // Современные аспекты развития науки и образования: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2022. – С. 19–21.
3. Thaler R.H. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. – New Haven: Yale University Press, 2008. – 293 p.
4. Курто Я.А. Искусственный интеллект как фактор риска в отношении персональных данных // В зеркале права. Сб. науч. тр. – Липецк: Липец. гос. пед. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. – С. 455–459.
5. Аружан С. Русланкызы Применение искусственного интеллекта и защита персональных данных: правовые аспекты // Proceedings of IYSC. – 2021. – № 10. – URL: <https://journals.sdu.edu.kz/index.php/iysw/article/view/515/218> (дата обращения 25.10.2025).
6. Фершт В. ИИ управляют (манипулируют) поведением человека // ResearchGate. – 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/373679824_II_upravlaui_manipuliruut_povedeniem_celoveka (дата обращения 07.11.2025).

Поступила 17.03.2026

MANIPULATION OF A SUBJECT'S WILL IN THE CONTEXT OF CONSENT TO PROCESSING OF PERSONAL DATA: LEGAL ASPECT

Ya. KURTO

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article examines the specifics of the manipulation of the data subject's will in the digital environment. The legal regulation of this issue is viewed from the perspective of the requirements for the consent of a personal data subject under personal data legislation, as well as foreign experience of legislative regulation. The existing legal framework is based on an expansive interpretation of the general principles of freely given, unambiguous and informed consent. The role of artificial intelligence in manipulation of users' expression of will is explored. The author offers an original definition of the manipulation of the expression of will of a personal data subject. Specific directions for legislation improvement in the context of the issue are proposed. In order to address the identified legal gaps, proposals for advancement of the Law of the Republic of Belarus «On protection of personal data» are justified, including the establishment of relevant definitions, the imposition of special responsibilities of operators and the introduction of a ban on manipulative design.

Keywords: personal data, expression of will, manipulative technologies, dark patterns, artificial intelligence, digital identity.

УДК 343.28/29

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-80-86

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ: СПОСОБЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО И ОРГАНИЗАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА

В.В. МАРКИНА

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)

В статье анализируются организационные и правовые аспекты, негативно влияющие на эффективность реализации уголовного наказания в виде общественных работ, в том числе обусловленные существенными корректировками, внесенными в уголовное законодательство в 2021 г. относительно последствий уклонения от отбывания наказаний, альтернативных лишению свободы. Акцентируется внимание на проблемных моментах, касающихся замены общественных работ на более суровое наказание в случае злостного уклонения от их выполнения. На основе проведенного исследования, анализа точек зрения белорусских экспертов в области уголовного права, а также международного опыта в статье предложены способы совершенствования правового и организационного инструментария, обеспечивающего результативность исполнения уголовного наказания в виде общественных работ. Представлены предложения по корректировке законодательства.

Ключевые слова: общественные работы, ужесточение наказания, злостное уклонение от отбывания наказания, административная ответственность.

Введение. Вопросы неотвратимости наказания постоянно находятся в центре внимания как ученых-юристов, так и сотрудников правоохранительных органов. В связи с этим вступление в силу 9 сентября 2021 г. изменений в Уголовный (далее – УК) и Уголовно-исполнительный кодексы (далее – УИК) Республики Беларусь, касающихся замены назначенного судом наказания на более строгое, закономерно привлекло внимание исследователей и практиков к проблемным аспектам регулирования данного института. Одним из таких аспектов является закрепленное в белорусском законодательстве соотношение между первоначальным и заменяющим наказаниями при такой замене. Анализ практики показывает, что действующие в уголовном законодательстве принципы расчета более строгого наказания не всегда эффективно стимулируют осужденных к выполнению обязанностей, установленных приговором суда. Особенно остро эта проблема проявляется при замене общественных работ другим видом наказания.

Эффективное исполнение наказания, назначенного судом, играет важную роль в успешной борьбе с преступностью, поскольку без этого невозможно достичь справедливости уголовной ответственности и целей, которые преследует наказание. Как верно отмечает С.И. Иванова, отсутствие четкой регламентации ответственности за уклонение от исполнения назначенного судом наказания может свести на нет эффект от обвинительных приговоров судов [1, с. 36]. Предлагаемый белорусским законодателем выбор заменяющих наказаний в случае злостного уклонения от общественных работ, а также установленная пропорциональность при замене данного вида наказания более суровыми, вызывает справедливую критику со стороны ученых и правоприменителей. Проблемы, связанные с эффективностью исполнения общественных работ, рассматривались в научных публикациях В.М. Хомича [2], В.С. Шабалы [3; 4], Ю.Л. Шевцова [5; 6], С.В. Казак [7], В.В. Судникович [8], А.А. Деминской [9], А.А. Тита [10] и других авторов. Тем не менее, данная проблема остается недостаточно изученной и требует дальнейшего исследования и разработки обоснованных предложений для ее решения.

Указанные аргументы определяют цель и задачи данного исследования, направленные на установление путей улучшения правового и организационного механизма, обеспечивающего эффективность исполнения наказания в виде общественных работ.

Основная часть. С вступлением в силу Закона Республики Беларусь № 112-3 от 26 мая 2021 г. «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности»¹, который внес значительные правки в УК и УИК Республики Беларусь, произошли изменения в регламентации последствий, наступающих при злостном избегании осужденным отработки общественных работ. Ранее, при подобном уклонении, лицо привлекалось к уголовной ответственности на основании ст. 419 УК Республики Беларусь (санкция предусматривала единственное наказание – арест), однако в 2021 г. это деяние было декриминализовано. Законодатель дополнил ст. 49 УК Республики Беларусь² и ст. 27 УИК Республики Беларусь³ положениями, предусматривающими возможность замены по решению суда, принятому на основании представления органа, отвечающего за исполнение наказания, общественных работ, при злостном уклонении от них, на арест (из расчета один день ареста за 24 часа работ) или ограничение свободы (один день ограничения за 12 часов работ). Учитывая вышесказанное, в настоящее время, если осужденный намеренно не выполняет назначенное судом наказание в виде общественных работ, максимальный

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100112>.

² URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900275>.

³ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk0000365>.

срок заменяющего наказания не может быть больше 15 суток ареста или месяца ограничения свободы. При этом время уклонения от отбывания общественных работ не учитывается при расчете отбытого срока.

Реализация данных изменений вызвала определенные вопросы.

В частности, неясно, какой период уклонения, не подлежащий учету, подразумевается в статье, учитывая, что в зачет идут только фактически отработанные часы. С.В. Казак предлагает исключить данное положение из ч. 6 ст. 49 УК Республики Беларусь [7, с. 48–49]. Мы находим такое предложение поспешным.

Действительно, ни в УК Республики Беларусь, ни в УИК Республики Беларусь не регламентировано, что понимается под периодом уклонения от отбывания общественных работ, который не засчитывается в срок отбывания осужденным наказания. Как правильно подметил В.С. Шабаль, «фактически обязанностью осужденного является прибытие в организацию и создание видимости работы» [4, с. 169]. По этой причине организации не заинтересованы в направлении уголовно-исполнительными инспекциями (далее – УИИ) к ним осужденных для выполнения общественных работ, поскольку зачастую такие работники выполняют порученную им работу недобросовестно, нерационально расходуют материальные ресурсы организации, а полученный от выполнения ими общественных работ результат зачастую нуждается в переделывании. Такой подход неприемлем для достижения целей уголовной ответственности. В этой связи мы считаем необходимым дополнить ст. 25 УИК Республики Беларусь, регламентирующую порядок исчисления срока наказания в виде общественных работ, частью 1-1, в которой указать, что в срок отбывания наказания в виде общественных работ не засчитывается время уклонения от его отбывания. Также полагаем необходимым дополнить УИК Республики Беларусь примечанием к ст. 25 УИК Республики Беларусь, в котором отразить, что под периодом уклонения от общественных работ понимается время, в течение которого осужденный к общественным работам недобросовестно выполнял порученную ему работу, результатом выполнения (невыполнения) которой стало причинение ущерба (убытков) организации, где осужденный отбывал наказание.

Еще одной неясностью, которая требует законодательного разрешения, является дилемма относительно процедуры конвертации общественных работ в более суровое наказание, когда неотработанное время нельзя разделить на 12 или 24 без остатка. Считаем, что в данном случае нужно руководствоваться принципом гуманизма, производя расчеты, выгодные для осужденного. Но что, если осужденному осталось отработать менее 12 часов, а он все равно отказывается это делать? Какие действия должна предпринимать УИИ, или что делать, если суд отклонил представление о замене общественных работ более строгим наказанием из-за малого срока последнего? В УИК Республики Беларусь нет решения этой проблемы. Наши предложения по разрешению подобных ситуаций будут представлены далее.

Впрочем, наибольшие опасения вызывает действенность коротких сроков ареста и ограничения свободы, определяемых взамен общественных работ. Осужденные, получающие образование или имеющие постоянную работу, отрабатывают общественные работы не более 4 часов в день в свободное от учебы или работы время. Согласно ст. 25 УИК Республики Беларусь, время общественных работ не может превышать 4 часа в выходные дни и дни, когда осужденный не занят учебой или работой; в рабочие дни – 2 часа до или после работы (учебы), а по просьбе осужденного – 4 часа. Осужденные, не обучающиеся и не имеющие постоянного места работы, могут, с их согласия, отрабатывать работы более 4, но не более 8 часов в день. Таким образом, осужденный к общественным работам на максимальный срок (360 часов), работая по 4 часа в будний день, может отбывать наказание более 4 месяцев, или минимум 2 месяца, если с его согласия будет работать 8 часов в день, что встречается редко. В связи с этим, нередко осужденные, учитывая их криминальное прошлое и асоциальные взгляды, намеренно уклоняются от общественных работ, а в суде поддерживают представление УИИ о замене наказания на более строгое, выражая предпочтение отбывать арест или ограничение свободы. Следовательно, применение общественных работ к таким лицам, осведомленным о последствиях уклонения, может приводить к усилению их морального разложения и уклонению от отбывания наказания или к совершению нового преступления.

Согласно судебной статистике за 2024 г., в большинстве случаев материалы о замене общественных работ арестом касались лиц, осужденных за преступления по ст. 174 УК Республики Беларусь (уклонение от уплаты средств на содержание детей). При этом, в более чем половине случаев, к моменту рассмотрения представлений УИИ о замене наказания, осужденные ещё не приступали к его исполнению. Принимая во внимание, что за однократное отсутствие на работе лица, обязанные возмещать расходы на содержание детей, на основании ст. 10.20 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП) Республики Беларусь⁴ могут быть подвергнуты административному аресту на 15 суток, замена общественных работ (за прогулы, порой превышающие 200 дней) несколькими днями ареста представляется для осужденных почти поощрением.

Кроме того, игнорирование обязанности выполнения общественных работ, назначенных в рамках административного дела, приводит к применению к нарушителю мер, определенных ст. 25.13 КоАП Республики Беларусь. Данная статья предусматривает возможность взыскания штрафа или применения административного ареста, при этом обязанность выполнения общественных работ сохраняется. Такой подход в КоАП Республики Беларусь к нарушителям исполнения административного взыскания в виде общественных работ на контрасте с закрепленным в УК Республики Беларусь подходом к уклонистам существенно «ослабляет карательную функцию

⁴ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091>.

общественных работ как вида уголовного наказания» [9, с. 62]. Как справедливо отмечает В.В. Марчук, лицу, которому назначены общественные работы, «выгоднее инспирировать уклонение от его отбывания» [11, с. 81]. В этой связи В.М. Хомич верно заметил, что «не следует рассчитывать, что осужденный при наличии возможности уклониться от наказания не воспользуется ею» [12, с. 152]. Безусловно, все зависит от степени криминальной запущенности осужденного, что и обуславливает необходимость установления законодателем и судом специфических процедур исполнения и отбывания наказаний, альтернативных лишению свободы.

В контексте справедливости уголовно-правовых последствий злостного уклонения от общественных работ интересны особенности реагирования на подобные случаи в зарубежных странах, а также их подходы к соотношению заменяемого и заменяющего наказания.

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации, назначенные обязательные работы могут быть заменены на принудительные работы или лишение свободы. При этом время, которое было отработано на обязательных работах, принимается во внимание при установлении срока принудительных работ или лишения свободы. Согласно ст. 49 УК РФ, один день принудительных работ или лишения свободы эквивалентен восьми часам, отработанным на обязательных работах⁵.

В уголовных кодексах Азербайджана и Узбекистана альтернативой общественным работам выступают ограничение или лишение свободы (ст.ст. 47.3 и 45-1 соответственно). В Азербайджане один день ограничения свободы равноценен четырем часам невыполненных общественных работ, в то время как один день лишения свободы – восьми⁶. В Узбекистане соотношение одинаково для обоих видов наказания: за каждые четыре часа общественных работ назначается один день ограничения свободы или лишения свободы⁷.

Уголовный кодекс Республики Казахстан устанавливает, что уклонение от общественных работ влечет их замену: 1) для лиц, осужденных за уголовный проступок, – арестом (одни сутки ареста за четыре часа неотработанного времени); 2) для осужденных за преступление – ограничением свободы или лишением свободы (один день ограничения свободы или лишения свободы за четыре часа неотработанного времени)⁸.

Уголовное законодательство Молдовы, Туркменистана и Армении предусматривает лишь одну альтернативу общественным работам – лишение свободы. В Молдове невыполненный труд заменяется лишением свободы из расчета 1 день лишения свободы за 4 часа труда (ст. 67 УК)⁹, в Туркменистане и Армении – один день лишения свободы за восемь часов (ч. 3 ст. 47 УК Туркменистана и ч. 10 ст. 60 УК Армении соответственно)¹⁰.

Самый широкий спектр альтернативных наказаний представлен в уголовном законодательстве Кыргызской Республики. Согласно ч. 5 ст. 61 УК Кыргызстана, суд, основываясь на представлении органа пробации, может заменить общественные работы ограничением свободы, исправительными работами, штрафом или лишением свободы в пределах сроков, установленных соответствующими статьями Общей части УК Кыргызстана. При этом, срок исправительных работ, ограничения свободы или лишения свободы устанавливается до одного года¹¹.

Анализ практики замены оставшегося срока общественных работ альтернативными более строгими мерами наказания показывает, что белорусское законодательство относительно благосклонно к осужденным. В то время как многие страны устанавливают четкие правила пересчета санкций за уклонение от их отбывания, пропорции при замене наказаний в других странах зачастую более строгие, чем в Беларуси, допускается замена неотбытых общественных работ лишением свободы. Представляется, что текущие пропорции сроков наказания, закрепленные в УК нашей страны, особенно при замене общественных работ, отражают гуманистическую позицию белорусского законодателя. Однако важно учитывать, что осужденный, нарушая порядок отбывания наказания, оказывает сопротивление государству и его уголовно-исполнительной политике. Следовательно, государство должно адекватно реагировать на такие действия, в том числе путем замены наказания на более строгое, в пропорциях, справедливых с точки зрения власти, а не осужденного.

По этой причине мы полагаем, что соотношения, зафиксированные в ст. 49 УК Республики Беларусь, нуждаются в пересмотре. Эту точку зрения разделяют многие белорусские правоведы. Так, В.С. Шабаль утверждает, что «на стадии исполнения наказания исключены какие-либо «льготные» пересчеты, и каждый день менее строгого наказания должен соответствовать одному дню более строгого» [3, с. 141]. Кроме того, он считает нецелесообразной замену наказания, не связанного с изоляцией, другим аналогичным наказанием. Ю.Л. Шевцов предлагает изменить редакцию ч. 6 ст. 49 УК Республики Беларусь, указав, что при замене общественных работ арестом или ограничением свободы, срок последних должен быть в пределах, установленных Общей частью УК Республики Беларусь для этих видов наказаний [5, с. 204]. С.В. Казак считает, что в Беларуси необходимо принять меры, аналогичные предложениям российских ученых (О.В. Боярченко, В.Ф. Грушина [13, с. 83]), и законодательно установить эквивалент: один день ареста может быть заменен четырьмя часами общественных работ, а один день ограничения свободы – двумя часами [7, с. 49]. А.А. Тит и Д.А. Пукета предлагают вовсе

⁵ URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1747.

⁶ URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2670.

⁷ URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1013.

⁸ URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=68429.

⁹ URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835.

¹⁰ URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2483; URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=144695.

¹¹ URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=136047.

«исключить общественные работы из перечня видов наказаний, закрепленных ч. 1 ст. 48 УК (включая ст. 49 УК), одновременно расширив размер общественно полезных работ, предусмотренный статьями 77 и 78 УК, и закрепив их обязательное выполнение» [10]. Согласно их концепции, общественные работы должны быть переведены из категории наказаний в институт иных мер уголовной ответственности. Предполагается, что такой подход будет мотивировать лиц, выполняющих общественно полезные работы, под страхом лишения свободы.

Для повышения эффективности общественных работ В.В. Судникович выдвигает идею учреждения в Беларуси государственного органа, занимающегося изучением личности преступника, его реинтеграцией в общество, а также профилактикой совершения новых правонарушений. По ее мнению, служба пробации значительно оптимизировала бы исполнение альтернативных лишению свободы наказаний, если бы к судебному решению прилагались сведения о семье и близком окружении осужденного. Это позволило бы более эффективно разрабатывать планы воспитательных мероприятий и выявлять значимых для осужденного людей, что позитивно повлияло бы на процесс исполнения наказания [8, с. 298–299]. Вместе с тем, сбор такой информации в рамках установления сведений, характеризующих личность обвиняемого, вполне по силам органам предварительного следствия, поэтому в создании нового органа на данный момент нет необходимости.

Предложенная В.С. Шабалем идея об эквивалентности одного дня заменяемого наказания одному дню заменяющего, представляется нецелесообразной в ситуации, когда речь идет о злостном уклонении от общественных работ. Это обусловлено тем, что общественные работы исчисляются в часах, в то время как арест и ограничение свободы измеряются днями и месяцами. Включение лишения свободы в список наказаний, которые могут заменить общественные работы в соответствии с ч. 6 ст. 49 УК Республики Беларусь, вряд ли окажет существенное влияние на процесс исправления осужденных. Причина в том, что замена производится на короткий срок, что недостаточно для эффективного воздействия на их поведение. Установление длительности заменяющего наказания по усмотрению судебных органов, как предлагает Ю.Л. Шевцов, входит в противоречие с фундаментальными принципами института замены наказания. Более того, назначение разного срока более сурового наказания для лиц, отбывших идентичный период первоначального наказания, повлечет за собой нарушение принципа равенства всех граждан перед законом.

Исключение общественных работ из перечня видов наказания также представляется нецелесообразным, поскольку данный вид наказания представляет собой эффективный способ «вовлечения труда неопасных (в силу случайности) преступников в выполнение общественно полезных работ в свободное от основного места работы время» [12, с. 152]. Проблемы, существующие в процессе организации исполнения данного наказания, не могут служить достаточным основанием для его исключения из системы уголовных наказаний Республики Беларусь.

В случае уклонения от общественных работ суд заменяет 24 часа работ на один день ареста или 12 часов на один день ограничения свободы. На практике применяются нормы ст. 74 УК Республики Беларусь, используемые при сложении наказаний по совокупности преступлений. Однако, согласно ст. 25 УИК Республики Беларусь, осужденный может отработать максимум 8 часов общественных работ в день (только с его согласия и при отсутствии постоянной работы или учебы). Другими словами, один день ареста де-факто равнозначен минимум трем дням общественных работ. При выполнении работ, как обычно, по 4 часа в день, получаем и вовсе шесть дней. На наш взгляд, данные замены далеко не равноценны.

Учитывая вышесказанное, мы считаем, что одному дню ареста или ограничения свободы должны соответствовать 4 часа общественных работ. Суд должен выбирать наиболее подходящее наказание, исходя из личности осужденного и его поведения, чтобы достичь целей уголовной ответственности: предупреждение новых преступлений и исправление преступника. Мы также поддерживаем точку зрения В.С. Шабала, что замена общественных работ в случае уклонения от них должна производиться на арест или ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа [3, с. 141–142]. Внесение предложенных изменений в УК Республики Беларусь, по нашему мнению, повысит эффективность исполнения наказания в виде общественных работ и сделает последствия злостного уклонения от него более справедливыми.

Вместе с тем, нам представляется, что этих мер недостаточно.

В УИК Республики Беларусь на сегодняшний день отсутствуют действенные меры поощрения и взыскания, которые могли бы стимулировать правопослушное поведение в период отбывания наказания в виде общественных работ [4, с. 169]. В ст. 27 УИК Республики Беларусь, описывающей нарушения порядка и условий отбывания общественных работ, в ч. 2 указана лишь одна мера воздействия – вынесение официального предупреждения о замене общественных работ более строгим наказанием. В 2018 г. И.М. Куприенко в своей диссертации предлагала за нарушение осужденным к общественным работам порядка и условий отбывания наказания предусмотреть возможность применения УИИ к осужденному дисциплинарной изоляции на срок до пятнадцати суток с выходом или без выхода на работу (учебу) с одновременным объявлением официального предупреждения¹². Однако эти предложения не были поддержаны и не нашли отражения в законодательстве.

Мы предлагаем иной способ стимулирования осужденных к добросовестному отношению к труду, который, на наш взгляд, будет способствовать соблюдению порядка и условий отбывания наказания в виде общественных работ и неотвратимости наказания в случае противоправного поведения осужденных.

¹² Куприенко И.М. Уголовное наказание в виде общественных работ в теории и практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – 24 с.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 УИК Республики Беларусь осужденные обязаны выполнять установленные уголовно-исполнительным законом обязанности, касающиеся порядка и условий отбывания наказания, а также законные требования органов и учреждений, исполняющих наказание, являться по их вызову и давать объяснения по вопросам исполнения приговора. Право требовать выполнения этих обязанностей, в силу положений ст. 24 Закона Республики Беларусь от 17.07.2007 № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь»¹³, главы 5 Инструкции о порядке деятельности территориальных органов внутренних дел по исполнению наказаний и иных мер уголовной ответственности, утвержденной постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 15.01.2014 № 13¹⁴, принадлежит сотрудникам органов внутренних дел. В связи с этим мы считаем, что в случае невыполнения осужденными к общественным работам законных требований должностных лиц органов внутренних дел, последние могут инициировать административный процесс в отношении осужденных по ст. 24.3 КоАП Республики Беларусь. Данная статья предусматривает ответственность за игнорирование законных требований или распоряжений должностного лица государственного органа (организации) в процессе выполнения им своих служебных обязанностей. Санкция, предусмотренная ст. 24.3 КоАП Республики Беларусь, а именно административный арест, является довольно серьезной мерой взыскания. Кроме того, возможно применение административного штрафа в размере от двух до ста базовых величин либо назначение общественных работ.

Мы полагаем, что если за каждый факт уклонения осужденные будут привлекаться к административной ответственности по ст. 24.3 КоАП Республики Беларусь с применением административного ареста, то такие меры окажут положительное влияние на поведение лиц, обязанных к отбыванию общественных работ, и повысят результативность исполнения данного вида наказания. Более того, мы убеждены, что подобная практика «административного преследования» за подобные нарушения даст возможность правоприменителям использовать профилактический потенциал административного взыскания для обеспечения неотвратимости назначенного по обвинительному приговору наказания и пресечения попыток осужденных безнаказанно игнорировать решения судебной власти. Такие меры позволят стимулировать к отбыванию оставшегося небольшого срока общественных работ осужденных, которых суд признал злостно уклоняющимися, но отказал в удовлетворении представлений из-за незначительного срока заменяющего наказания. Привлечение этих лиц к административной ответственности за каждый факт нарушения порядка и условий отбывания общественных работ, на наш взгляд, решит проблему их безнаказанности.

Между тем, в некоторых случаях злостное уклонение от исполнения наказания обусловлено тем, что многие осужденные считают общественные работы для себя более строгим и обременительным наказанием, чем штраф и исправительные работы. Однако, в соответствии со ст. 48 УК, устанавливающей иерархию уголовных наказаний по степени их строгости, а также согласно ч. 3 ст. 387 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь¹⁵, суд апелляционной инстанции может ухудшить положение обвиняемого (назначить более строгое наказание) только на основании апелляционных жалоб потерпевшего, частного обвинителя или их представителей, либо по протесту прокурора. Следовательно, обвиняемый и его защитник не могут просить в апелляционной жалобе о назначении штрафа или исправительных работ, если обвиняемому назначены общественные работы.

По нашему мнению, когда санкция статьи предусматривает такие виды наказания, как общественные работы, штраф или исправительные работы, осужденному к общественным работам следует предоставить возможность, самостоятельно или через защитника, обратиться с ходатайством о замене наказания на этапе его обращения к исполнению. Подобное предложение «о назначении наказания с согласия осужденного» высказывал и Д.Н. Матвеев, обсуждая сложности, связанные с заменой штрафа более строгим видом наказания [14, с. 203–204]. Если осужденный полагает, что штраф или исправительные работы являются лично для него более мягким и справедливым наказанием, чем общественные работы, возможно учесть его мнение. Особенно важно это в контексте того, что штраф и исправительные работы в силу положений ст. 48 УК Республики Беларусь являются более строгими наказаниями.

Резюмируя изложенное, необходимо констатировать, что поправки, внесенные в 2021 г. в уголовное законодательство, несколько снизили роль общественных работ как инструмента уголовного наказания, направленного на исправление осужденных. Для повышения эффективности применения общественных работ необходимо продолжить работу над совершенствованием законодательных норм, регулирующих порядок и условия его назначения и исполнения. В этой связи внесение предложенных нами изменений в законодательство, а также применение приведенных в статье мер в случаях уклонения от общественных работ, по нашему мнению, позволит повысить эффективность исполнения данного вида наказания и расширить возможности его применения в целях борьбы с преступностью.

Заключение. По результатам исследования вопроса повышения эффективности исполнения наказания в виде общественных работ можно сформулировать следующие предложения.

1. Статью 25 УИК Республики Беларусь, регламентирующую порядок исчисления срока наказания в виде общественных работ, дополнить частью 1-1, в которой указать, что в срок отбывания наказания в виде обще-

¹³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700263>.

¹⁴ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21429042>.

¹⁵ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900295>.

ственных работ не засчитывается время уклонения от его отбывания. Одновременно УИК дополнить примечанием к ст. 25 УИК Республики Беларусь, указывающим, что под периодом уклонения от общественных работ понимается время, в течение которого осужденный к общественным работам недобросовестно выполнял порученную ему работу, результатом выполнения (невыполнения) которой стало причинение ущерба (убытков) организации, где осужденный отбывал наказание.

2. Изменить положения ч. 6 ст. 49 УК Республики Беларусь, предусмотрев, что в случае злостного уклонения осужденного от общественных работ последние могут быть заменены на арест или ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа, из расчета соответствия четырех часов общественных работ одному дню ареста или одному дню ограничения свободы.

3. За каждый факт нарушения порядка и условий отбывания уголовного наказания в виде общественных работ обеспечить привлечение осужденных к административной ответственности по ст. 24.3 КоАП Республики Беларусь.

4. Предусмотреть в уголовном законодательстве возможность подачи осужденным, лично или через адвоката, на этапе обращения приговора к исполнению ходатайства о замене наказания в виде общественных работ на штраф или исправительные работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова С.И. Уклонение от отбывания уголовного наказания как преступление против правосудия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2005. – № 2. – С. 36–39.
2. Хомич В.М. Совершенствование уголовной ответственности невозможно без оптимизации системы видов наказания // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сб. науч. тр. / Ин-т переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Бел. гос. ун-та; редкол.: А.В. Барков (гл. ред.). – Минск, 2010. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/116308/1/chomich_4.pdf (дата обращения: 15.01.2026).
3. Шабаль В.С. Уклонение от отбывания от наказания: перспективы совершенствования реализации // Вестник Кузбасского института. – 2024. – № 3. – С. 137–144.
4. Шабаль В.С. О системе наказаний в Республике Беларусь // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2020. – № 1. – С. 168–172.
5. Шевцов Ю.Л. Институт замены более строгим наказанием при злостном уклонении от отбывания наказания в виде общественных работ // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение: сб. науч. тр. / Ин-т переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Бел. гос. ун-та. – Минск, 2023. – Вып. 3. – С. 197–208.
6. Шевцов Ю.Л. Правовое регулирование злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде общественных работ // Актуальные вопросы криминологии, противодействия коррупции и исполнения наказаний: междунар. науч.-практ. заоч. конф., посвящ. 30-летию уголовно-исполнит. фак. (г. Минск, 11 апр. 2023 г.): тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; редкол.: В.В. Стальбовский (отв. ред.). – Минск, 2023. – С. 97–100.
7. Казак С.В. Современное состояние правовой основы исполнения наказания в виде общественных работ в Республике Беларусь // Вестник Кузбасского института. – 2024. – № 1. – С. 39–52.
8. Судникович В.В. История формирования наказания в виде общественных работ // Актуальные вопросы криминологии, исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности: междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 19 апр. 2019 г.): тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; редкол.: В.А. Ананич (отв. ред.). – Минск, 2019. – С. 135–138.
9. Деминская А.А. Об эффективности уголовного наказания в виде общественных работ // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 59–64.
10. Тит А.А., Пукета Д.А. Об эффективности исполнения наказания в виде общественных работ // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2025. – № 1. – С. 192–198.
11. Марчук В.В. Об обеспечении исполнения назначенного в приговоре наказания, не связанного с изоляцией от общества // Вестник Академии правосудия (Казахстан). – 2023. – № 2. – С. 78–85. – URL: https://sta.edu.kz/wp-content/uploads/2024/07/sot_toreligi_akademiyasynyn_habarshysy_no2_2_2023.pdf#page=79 (дата обращения: 15.01.2026).
12. Хомич В.М. Уклонение от исполнения или от отбывания наказания как объект посягательства на публично-правовые основы правосудия и судебной власти // Актуальные вопросы криминологии, противодействия коррупции и уголовно-исполнительного права на современном этапе: материалы междунар. науч.-практ. заоч. конф. (Минск, 4 апр. 2025 г.): науч. электрон. изд. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; редкол.: Е.Г. Терешенко (отв. ред.). – Минск, 2025. – С. 150–154.
13. Боярченкова О.В., Грушин В.Ф. Обязательные работы в Российской Федерации: факторы появления, некоторые проблемы и пути их решения // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 1. – С. 80–83.
14. Матвеев Д.Н., Андреева М.М. Замена штрафа более строгим видом наказания в случае злостного уклонения от его уплаты: проблемные аспекты // Правоприменительная деятельность: история и современность: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти доц. М.В. Геворкяна, Псков, 27 июня 2017 г. / Псков. гос. ун-т; редкол.: С.В. Васильев (пред.). – Псков, 2017. – С. 197–219.

Поступила 10.03.2026

**ENSURING THE EFFECTIVENESS OF THE EXECUTION OF PUNISHMENT
IN THE FORM OF COMMUNITY SERVICE: WAYS TO IMPROVE THE LEGAL
AND ORGANIZATIONAL MECHANISM**

V. MARKINA

(Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk)

The article analyzes organizational and legal aspects that negatively affect the effectiveness of the implementation of criminal punishment in the form of community service, including those caused by significant adjustments made to criminal legislation in 2021 regarding the consequences of evasion from serving sentences alternative to imprisonment. Attention is focused on problematic issues related to the replacement of community service with more severe punishment in case of malicious evasion of their performance. Based on the conducted research, analysis of the points of view of Belarusian experts in the field of criminal law, as well as international experience, the article suggests ways to improve the legal and organizational tools that ensure the effectiveness of the execution of criminal penalties in the form of community service. Proposals for the adjustment of legislation are presented.

Keywords: *community service, tougher punishment, malicious evasion from serving a sentence, administrative responsibility.*

УДК 346.548

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-87-92

**О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ФАЛЬСИФИЦИРОВАННАЯ»,
«КОНТРАФАКТНАЯ» И «НЕБЕЗОПАСНАЯ» ПРОДУКЦИЯ****К.Ю. МЕЛЬНОВА***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9071-6560>e-mail: k.melnova@psu.by

В рамках статьи проведен комплексный анализ норм национального и международного законодательства, в том числе отраслевого, регулирующего вопросы производства и обращения конкретного вида продукции, в целях определения того, упоминаются ли в них такие термины, содержатся ли их дефиниции. Кроме того, на основании проведенного анализа законодательства определены признаки контрафактной, фальсифицированной и небезопасной продукции, позволяющие разграничить данные понятия, а также определить их взаимосвязь и соотношение друг с другом. Исследуются позиции, существующие в научной литературе, по проблемным аспектам понятия, сущности и соотношения рассматриваемых терминов. Отмечается важная роль выявления такой продукции в системе механизма обеспечения здоровья населения.

Ключевые слова: контрафакт, контрафактные товары, фальсификация, небезопасная продукция, отношения интеллектуальной собственности, жизнь и здоровье людей.

Введение. Вопросы безопасного существования и функционирования общества находятся в центре внимания каждого государства, являются приоритетными направлениями, охватываемыми различными реализуемыми мероприятиями. Республика Беларусь не является исключением, поскольку забота о здоровье населения является одним из важнейших национальных интересов, о чем говорится в ряде принятых и реализуемых документов. Кроме того, в условиях глобализации международных торговых отношений, их цифровизации, проблема контрафакта, фальсификата и оборота продукции, не отвечающей требованиям безопасности для жизни и здоровья, приобретает все большую актуальность и международное значение, в том числе с учетом активного распространения в цифровом пространстве.

О необходимости и важности обеспечения населения страны качественной и безопасной продукцией, соответствия продовольствия и растительной продукции национальным и международным санитарно-эпидемиологическим, ветеринарно-санитарным и фитосанитарным требованиям упоминается и в ряде национальных документов: Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 (далее – Концепция)¹, Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962 (далее – Доктрина)². Стратегические вопросы направлений совершенствования государственной политики в сфере интеллектуальной собственности, включая вопросы борьбы с оборотом контрафактной продукции, определены в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672 «О Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года»³.

Ключевым вопросом в сфере здравоохранения, что предопределяет направленность Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении» (далее – Закон Республики Беларусь «О здравоохранении»), является обеспечение сохранения, укрепления и восстановления здоровья населения. Как правильно отражено в качестве одной из мер, направленной на охрану здоровья, в ст. 63-1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», важным является информирование населения о факторах, воздействующих на организм человека, в том числе о санитарно-эпидемиологической обстановке, безвредности продукции, о работах и услугах, представляющих потенциальную опасность для жизни и здоровья человека, услугах, представляющих потенциальную опасность для жизни и здоровья человека⁴. На наш взгляд, не только информирование, но и деятельность государственных органов по осуществлению профилактических мероприятий и проведению мониторинга в целях недопущения производства и оборота продукции, представляющей опасность для жизни и здоровья человека, является важным инструментом в системе механизма обеспечения здоровья населения.

В рамках реализации приоритетных направлений деятельности органов и учреждений Республики Беларусь на системном уровне проводятся профилактические мероприятия по пресечению и недопущению производства и оборота контрафактной, фальсифицированной и небезопасной продукции. Можно привести в качестве примера результаты деятельности органов и учреждений санитарно-эпидемиологической службы по осуществлению государственного санитарно-эпидемиологического надзора (контроля), на основе чего не был допущен

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005>.

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21700962>.

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100672>.

⁴ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19302435>.

ввоз на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в Республике Беларусь продукции, не отвечающей требованиям безопасности для жизни и здоровья человека⁵. Также было установлено, что на территории стран-участниц ЕАЭС общий объем контрафактной продукции за пятилетний период с 2020 по 2024 г. составил 53 млн. единиц⁶.

Концептуальные подходы к вопросу исследования аспектов понятия, сущности, отличительных признаков контрафакта, контрафактной продукции и аспектам противодействия их производству и обороту посредством применения мер уголовной, административной, гражданско-правовой ответственности рассматривались такими белорусскими учеными, как С.С. Лосев [4], В.А. Зенькович [1], Б.В. Асаёнок [2]. В научной среде изучению признаков фальсифицированной продукции, ее отличительных свойств от контрафактной продукции, и ситуаций, когда такая продукция будет считаться не отвечающей требованиям безопасности, мерам ответственности за производство и оборот такой продукции, было уделено внимание в трудах С.П. Еськовой [8], Т.Ю. Изгаиной [7], О.Н. Чумаковой [8], К.Ю. Бабаниной [8], Е.А. Рочевой [10].

Несмотря на наличие имеющихся научных разработок, проблемным вопросом остается определение содержания понятий «контрафактная», «фальсифицированная», «небезопасная» продукция, их соотношения друг с другом, что предопределяет актуальность проведения дальнейшего научного исследования. Данное обстоятельство обусловлено и учетом важности охраны, в первую очередь, жизни и здоровья населения, которому может быть причинен вред в результате производства и оборота продукции с нарушением законодательства в сфере технического нормирования, стандартизации, интеллектуальной собственности и т.д. Таким образом, изучение тенденций, связанных с производством и оборотом такой продукции, имеет важное теоретическое и практическое значение. Постановкой такого вопроса предопределяется формулирование цели настоящего исследования, в качестве которой выступает обобщение существующих подходов о признаках контрафактной, фальсифицированной, небезопасной продукции в научной литературе и положениях законодательства, определении их соотношения.

Основная часть. Понятие контрафактной, фальсифицированной и небезопасной продукции в законодательстве Республики Беларусь. С учетом следования подходам международных договоров, например, Бернской конвенции, Парижской конвенции по охране промышленной собственности, Мадридского соглашения о международной регистрации знаков и протокол к нему, Соглашения о сотрудничестве в сфере противодействия производству и распространению контрафактной продукции 2017 г., Соглашения о сотрудничестве в области правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности и создании Межгосударственного совета по вопросам правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности 2011 г. и др., национальное законодательство Республики Беларусь в данной сфере также обеспечивает охрану и эффективное использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, включая случаи неправомерного их использования, оборота контрафактной продукции.

В законодательных актах, направленных на регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности, в частности, промышленной собственности, авторского и смежных правах, можно найти нормы, в которых упоминается о контрафакте. Анализ данных нормативных правовых актов позволяет найти упоминание о таких терминах, как «контрафактные экземпляры» (ст. 57 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах») ⁷, «контрафактные товары, этикетки, упаковки товаров (ст. 29 Закона Республики Беларусь от 05 февраля 1993 г. № 2181-ХП «О товарных знаках и знаках обслуживания») ⁸, ст. 21 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. № 127-З «О географических указаниях») ⁹.

Кроме отраслевых актов в сфере интеллектуальной собственности, упоминание о контрафакте есть и в иных нормативных правовых актах, в частности, имеющих своей направленностью регулирование производства и оборота конкретного вида продукции. Так, в ст. 13 и 25 Закона Республики Беларусь от 02 июля 2010 г. № 161-З «О ветеринарной деятельности» есть упоминание о запрете оборота контрафактных ветеринарных изделий, однако, указания на то, что понимается под таким термином, не содержится ¹⁰. Особенностью Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», который регулирует и отношения в сфере обращения медицинских изделий, является введение Законом Республики Беларусь от 25 октября 2023 г. № 308-З в абз. 10 ст. 1 «Основные термины, используемые в настоящем Законе, и их определения» понятия «контрафактное медицинское изделие (изделие медицинского назначения, медицинская техника)» в целях обеспечения защиты прав интеллектуальной собственности и контроля за оборотом продукции в медицинской сфере. Его признаками является то, что оно выпущено или находится в обращении с нарушением законодательства в области интеллектуальной собственности ¹¹. Однако, например, в Законе Республики Беларусь «Об обращении лекарственных средств» от 20 июля 2006 г. № 161-З

⁵ Результаты санитарно-карантинного контроля за таможенной границе ЕАЭС в Беларуси за 2025 год. – URL: <https://www.rcheph.by/news/rezultaty-sanitarno-karantinogo-kontrolya-na-tamozhennoy-granitse-eaes-v-belarusi-za-2025-god.html>.

⁶ В ЕАЭС объем контрафактной продукции за пять лет составил 53 млн единиц. – URL: https://www.alt.ru/ts_news/122244/?ysclid=ml1b7zlow24205694.

⁷ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11100262>.

⁸ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=V19302181>.

⁹ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H10200127>.

¹⁰ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11000161>.

¹¹ см. сноску № 4.

термин «контрафактная» не употребляется (далее – Закон Республики Беларусь «Об обращении лекарственных средств»)¹². Представляется, что критерием контрафактности по отношению к лекарственным средствам будет также критерий нарушения законодательства в сфере интеллектуальной собственности при выпуске в обращение и обращении такой продукции.

Принципиальных отличий в походах к рассматриваемым понятиям нет и в международных актах ЕАЭС. В решениях Совета Евразийской экономической комиссии от 21 января 2022 г. № 1, от 21 декабря 2016 г. № 141, от 12 декабря 2023 г. № 150 понятия «контрафактное ветеринарное лекарственное средство», «контрафактное медицинское изделие», «контрафактное средство» раскрывается через признак выпуска или нахождения в обращении с нарушением требований законодательства государств – членов в области интеллектуальной собственности¹³.

Термин «фальсифицированная» продукция также упоминается в ряде нормативных документов отраслевой направленности. Так, в нормах Закона Республики Беларусь «Об обращении лекарственных средств» (например, абз. 36 ст. 1 «Основные термины, используемые в настоящем Законе, и их определения»), Закона Республики Беларусь от 29 июня 2003 г. № 217-З «О качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов для жизни и здоровья человека» (абз. 23 ст. 1 «Основные термины, используемые в настоящем Законе, и их определения»), Закона Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании» (ст. 289 главы 40 «Розничная торговля алкогольными напитками, табачными изделиями, нетабачными никотинсодержащими изделиями, жидкостями для электронных систем курения»), Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» (абз. 36 ст. 1 «Основные термины, используемые в настоящем Законе, и их определения»), Закона Республики Беларусь от 27 августа 2008 г. № 429-З «О государственном регулировании производства и оборота алкогольной, непившевой спиртосодержащей продукции и непившевого этилового спирта» (абз. 17 ст. 1 «Основные термины, используемые в настоящем Законе, и их определения»), постановления Совета Министров Республики Беларусь от 10 апреля 2017 г. № 266 «Об утверждении Положения о порядке утилизации изъятых из обращения некачественных и фальсифицированных кормов и кормовых добавок, а также с истекшим сроком годности» разъясняется содержание терминов «фальсифицированное продовольственное сырье и пищевые продукты», «фальсифицированные жидкости для электронных систем курения», «фальсифицированные нетабачные никотинсодержащие изделия», «фальсифицированные корма и кормовые добавки», «фальсифицированное лекарственное средство», «фальсифицированные нетабачные никотинсодержащие изделия», «фальсифицированное медицинское изделие», «фальсифицированные алкогольные напитки»¹⁴. Дополнительно стоит отметить, что в части приведенных нормативных правовых актов одновременно законодатель употребляет оба ранее приведенных термина, что свидетельствует о наличии собственных критериев, позволяющих отнести продукцию к контрафактной или фальсифицированной.

Анализ содержания закрепленных в отраслевых нормативных правовых актах терминов, связанных с произведенной и (или) вовлеченной в оборот фальсифицированной продукцией, позволяет определить признаки, по которым можно идентифицировать продукцию как продукцию, подвергшуюся фальсификации:

- 1) с умышленно измененными составом, и (или) свойствами, и (или) характеристиками;
- 2) с умышленно измененной (недостовой, ложной) информацией о составе, и (или) изготовителе (производителе), и (или) характеристиках, а также недостовой информацией обо всех этапах цепи поставки лекарственного средств;
- 3) с умышленно приданными внешним видом и (или) отдельными свойствами определенного вида продовольственного сырья или пищевых продуктов, но которые не могут быть отнесены к продовольственному сырью и пищевым продуктам, за которые они выдаются (*данный признак используется применительно к продовольственному сырью и пищевым продуктам*).

В нормативных правовых актах прямо не дается дефиниция термина «продукция, не отвечающая требованиям безопасности для жизни и здоровья», или «небезопасная» продукция. В них мы можем найти термин «безопасность» как один из критериев, которому должна соответствовать продукция, и, как результат, указание на запрет производства и оборота такой продукции. В большинстве случаев дается пояснение о том, что продукция признается не соответствующей требованиям по безопасности, совокупность которых определяется как нормами национального законодательства Республики Беларусь, так и международным законодательством (международные договоры Республики Беларусь, законодательство ЕАЭС, включая технические регламенты Таможенного союза, ЕАЭС, и иные международно-правовые акты).

В нормах Указа Президента Республики Беларусь от 09 февраля 2015 г. № 48 «О мерах по обеспечению государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов» употребляется термин «опасная продукция»¹⁵. Стоит обратить внимание на критерии, наличие одного или нескольких из которых

¹² URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H10600161&ysclid=mlrz1krzvd216420484>

¹³ URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/401/6554/>; URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/306/2753/>; URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/418/7865/>.

¹⁴ см. сноски № 11, 12; URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H10300217&ysclid=mls1qqqbna499187585>; URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200213>; URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800429>; URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21700266>.

¹⁵ URL: https://etalonline.by/document/?regnum=p31500048&q_id=0&goToSnippet=1&ysclid=mls3hbpv1443863101.

позволяет признать продукцию таковой. Первый признак – не соответствие требованиям технических регламентов Таможенного союза, ЕАЭС по ее безопасности для жизни и здоровья человека, имущества и окружающей среды, второй – изготовитель (продавец) умышленно придал внешний вид и (или) отдельные свойства определенного вида продукции, но при этом она не может быть идентифицирована как продукция, за которую выдается. Как мы можем заметить, второй из приведенных признаков включен в понятие продукции, которая признается фальсифицированной.

Более широкий подход к определению критериев, на основании которых пищевая продукция будет признаваться не соответствующей установленным требованиям по качеству и безопасности продукции, в частности, пищевой, содержится в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2019 г. № 35 «Об утверждении Положения о порядке изъятия, возврата, уничтожения, утилизации продовольственного сырья и пищевых продуктов, не соответствующих установленным требованиям к их качеству и безопасности» (далее – Положение). Пищевая продукция будет признаваться таковой и в случае фальсификации (п. 4 данного Положения)¹⁶.

Наряду с данным критерием пищевая продукция будет признаваться как несоответствующая установленным требованиям по качеству и безопасности, например, если: имеют место быть явные признаки недоброкачества (порча, разложение, загрязнение); при нарушении условий к упаковке, хранению, реализации или транспортировке, приводящее к порче продукции и возникновению рисков для потребителя; при отсутствии (несоответствии) маркировки, приведшей к невозможности идентификации и (или) установления изготовителя, состава, срока годности и др.¹⁷

Еще одним критерием, на основании которого продукция может быть признана как несоответствующая требованиям по качеству и безопасности, – это установление по результатам лабораторных исследований (испытаний) в составе недопустимых добавок (например, неразрешённых ароматизаторов, красителей, консервантов), что не соответствует требованиям технических регламентов, а также, которые не были заявлены в маркировке, что свидетельствует о введении потребителя в заблуждение и создании потенциальной опасности для жизни и здоровья. Очевидно, что наличие в составе недопустимых добавок или превышение допустимых уровней содержания пищевых добавок или других компонентов, или несоответствие по микробиологическим показателям безопасности создает риски для жизни и здоровья.

Понятие контрафактной, фальсифицированной и небезопасной продукции в научной литературе. Исследуя вопросы нарушений интеллектуальных прав авторов и правообладателей, В.А. Зенькович указывает, «что под контрафактом понимается новый продукт, созданный на основе существующего оригинала с нарушением интеллектуальных прав; фальсифицированные потребительские товары» [1, с. 203]. По мнению Б.В. Асаёнка, А.Г. Розгановой, «контрафакция – это незаконное производство и распространение поддельных товаров, нарушающих права интеллектуальной собственности и наносящих ущерб легальным предпринимателям, правообладателям и потребителям» [2, с. 65]. В соответствии с дефиницией, предложенной М.У. Ибраимовой, «признаками контрафактной продукции является нарушение интеллектуальных, смежных и авторских прав владельцев путем использования идентичных характеристик и качеств, принадлежащих оригинальному продукту, или нанесение на товарные знаки обозначений, помещенных на популярной продукции других компаний в целях введения в заблуждение потребителей и недобросовестной конкуренции» [3, с. 28]. В свою очередь, признаком фальсифицированной продукции автор выделяет сопровождение продукции заведомо неполной или недостоверной (ложной) информацией о ее составе и (или) потребительских свойствах [3, с. 29].

Рассматривая вопросы борьбы с оборотом контрафакта, С.С. Лосев определяет, что «понятие «контрафакция» стало универсальным, а понятие «контрафактный товар» применимо к любому товару, нахождение которого в обороте связано с нарушением исключительных прав» [4, с. 270]. Такого же подхода придерживаются О.Н. Чумакова и К.Ю. Бабанина, указывая, что понятие «контрафакт» включает в себя большой перечень объектов интеллектуальной собственности [5, с. 296]. В своем определении «фальсифицированной» продукции О.Н. Чумакова и К.Ю. Бабанина указывают на нарушение технологии производства [5, с. 297].

Рассматривая проблемный вопрос оборота контрафактной продукции в сети Интернет, которая, в том числе, может представлять опасность для здоровья, под контрафактной продукцией А.В. Покровская понимает «незаконно воспроизводящие объекты интеллектуальной собственности – товарные знаки, патенты, авторские права, промышленные образцы, например, одежда, обувь и аксессуары с поддельными логотипами известных брендов (например, Nike, Adidas, Louis Vuitton), электроника и компоненты, выдаваемые за продукцию Apple, Samsung и других ведущих производителей, косметика и парфюмерия ненадлежащего качества, представляющие угрозу для здоровья потребителей, а также пиратское программное обеспечение, фильмы и музыка без соответствующей лицензии от правообладателя» [6, с. 153].

В юридической литературе превалирует мнение о том, что при фальсификации происходит умышленное искажение информации о товаре в целях введения потребителей в заблуждение относительно истинной природы, состава или происхождения продукции. Так, Т.Ю. Изгаина, рассматривая вопросы оборота фальсифицированной

¹⁶ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=C21900035&vsclid=mls3zg8jfn983971704>.

¹⁷ Там же.

и контрафактной продукции, указывает, «что оборот контрафактных товаров, в первую очередь, нарушает интеллектуальные права создателя продукта или товара, в свою очередь, вопросы безопасности и качества товара – основные при определении фальсифицированного товара» [7, с. 23]. На умышленное изменение вида и свойств какого-то предмета с целью обмана для того, чтобы выдать его за предмет другого вида или качества, действия, направленные на ухудшение тех или иных свойств товара или уменьшение его количества при сохранении наиболее характерных показателей, но не являющихся существенными для потребителя, указывает и В.В. Коварда и С.П. Еськова, характеризуя признаки фальсифицированной продукции [8, с. 307].

Подход А.В. Петриченко основан на следовании позиции, содержащейся в материалах Глобальной инициативы пищевой безопасности GFSI, «где «фальсификация» рассматривается как собирательный термин, охватывающий умышленное замещение, дополнение, подделку или искажение продовольствия/кормов для животных, пищевых/кормовых ингредиентов и упаковки для продовольствия/кормов, маркировки, информации о продукте или ложные, вводящие в заблуждение заявления о продукции с целью получения экономической выгоды, которая может повлиять на здоровье потребителей» [9, с. 4].

Проведенный анализ существующих подходов в научной литературе основан на связи контрафакта, контрафактной продукции с нарушением права интеллектуальной собственности, а фальсифицированной продукции – с умышленно измененной информацией о составе, свойствах, характеристиках о продукции, что соответствует нормативной регламентации в действующем законодательстве.

Соотношение понятий «контрафактная», «фальсифицированная» и «небезопасная» продукция. Таким образом, из положений законодательства Республики Беларусь, все-таки, можно разграничить рассматриваемые термины, о чем свидетельствует и одновременное их упоминание, однако, существует и определенная связь, что подтверждается следующим.

В ранее упомянутом Положении в критерии несоответствия продукции установленным требованиям включаются и случаи фальсификации, что говорит о том, что фальсифицированная продукция может быть и небезопасной. Данное обстоятельство оправданно, ведь в случаях, когда потребителя вводят в заблуждение относительно состава, свойств, характеристик продукции, информации об этом на упаковке, одновременно может быть создана угроза для жизни и здоровья. Например, обнаружение консерванта, не заявленного изготовителем на упаковке, может привести к возникновению риска для жизни и здоровья потребителя, тем самым продукция будет являться небезопасной. Как справедливо указывает Е.А. Рочева, «фальсифицированные лекарства представляют риск для жизни и здоровья людей, так как их содержимое может быть опасным или в них может отсутствовать активный ингредиент, вследствие чего такие лекарства могут привести к безуспешности лечения, повлечь угрозу здоровью или даже жизни человека» [10, с. 48].

Однако, и контрафактные товары могут одновременно нарушать не только отношения интеллектуальной собственности, но и не соответствовать стандартам качества и безопасности. О соотношении признаков контрафактности и фальсификации также отмечается в научной литературе.

По мнению Т.Ю. Изгаиной, «при наличии признаков контрафактности товар может быть нефальсифицированным, и, наоборот, фальсифицированный товар не всегда является контрафактным, поскольку изготовитель товара с целью снижения расходов на производство использует более дешевые компоненты, что приводит к ухудшению свойств и качества готовой продукции» [7, с. 23].

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Одновременное употребление терминов, в которых разъясняются признаки контрафактной, фальсифицированной и небезопасной продукции, свидетельствует о подходе законодателя в отграничении их, однако, взаимосвязь между ними также прослеживается.
2. Законодатель определяет сущность фальсификации в умышленном введении в заблуждение потребителей касательно составляющих о составе, свойствах, характеристиках товара.
3. Сущностью же контрафакции является обращение продукции с нарушением законодательства в сфере интеллектуальной собственности.
4. Критериями продукции, не отвечающей требованиям безопасности, является несоответствие ее требованиям по безопасности, совокупность которых определяется как нормами национального законодательства Республики Беларусь, так и международным законодательством (международные договоры Республики Беларусь, законодательство ЕАЭС, включая технические регламенты Таможенного союза, ЕАЭС, и иные международно-правовые акты).
5. В свою очередь, контрафактная продукция одновременно может как являться фальсифицированной, так и не являться таковой. Кроме того, контрафактная и фальсифицированная продукция может создать риск причинения вреда здоровью и жизни человека, тем самым, становясь небезопасной.

Таким образом, с учетом данных выводов о сущностном содержании рассматриваемых терминов, определении критериев, позволяющих признать продукцию в качестве контрафактной, фальсифицированной или небезопасной, и их соотношении между собой, важная роль отводится правильному применению норм уголовного, административно-деликтного и гражданского законодательства в целях решения вопроса о привлечении лиц к установленной юридической ответственности в соответствии с законодательными актами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зенькович В.А. Оборот контрафактной продукции: нарушение интеллектуальных прав авторов и правообладателей, а также прав потребителей // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2023. – № 1(269). – С. 203–206.
2. Асаёнок Б.В., Розганова А.Г. Использование специальных знаний при ведении административного процесса по делам о контрафакции // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18–19 октяб. 2023 г.). – В 3 ч. – Ч. 1 / под общ. ред. В.А. Рябоволова; редкол.: А. П. Заяц (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2023 – С. 64–68.
3. Ибраймова М.У. Контрафактная продукция: понятие и отличие от других форм подделок // Евразийский журнал права, финансов и прикладных наук. – 2025. – № 5(2). – С. 27–33.
4. Лосев С.С. Борьба с контрафакцией: гражданско-правовой аспект // Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь; редкол.: И.А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилев. ин-т МВД, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – С. 269–274.
5. Чумакова О.Н., Бабанина К.Ю. Фальсифицированная и контрафактная продукция: специфика и меры ответственности // Актуальные вопросы устойчивого развития государства, общества и экономики: сб. науч. ст. 2-й Всерос. науч.-практ. конф., Курск, 02–03 нояб. 2023 г. – Курск, 2023. – С. 296–300.
6. Pokrovskaya A.V. E-commerce and counterfeit circulation: risks to public safety and ways of legal protection // Society and Security Insights. – 2025. – Vol.8. – No. 3. – P. 149–161. – DOI: [https://doi.org/10.14258/SSI\(2025\)3-08](https://doi.org/10.14258/SSI(2025)3-08).
7. Изгаина Т.Ю. Противодействие распространению контрафактной продукции в условиях ЕАЭС // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – № 3. – С. 19–31.
8. Еськова С.П., Коварда В.В. Контрафактная и фальсифицированная продукция: понятия, сущность, отличительные особенности // Молодой ученый. – 2016. – № 20(124). – С. 306–308.
9. Петриченко А.В., Добаркина В.А. Оценка риска и уязвимости фальсификации // Молочная промышленность. – 2020. – № 8. – С. 4–7.
10. Рочева Е.А. К вопросу о противодействии обращению фальсифицированных лекарственных средств // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2016. – № 2(40). – С. 47–52.

Поступила 10.03.2026

**ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF «FALSIFIED»,
«COUNTERFEIT» AND «UNSAFE» PRODUCTS**

K. MELNOVA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

This research article provides a comprehensive analysis of national and international legislation, including industry-specific legislation governing the production and circulation of specific products, to determine whether these terms are mentioned and whether they are defined. Furthermore, based on this legislative analysis, the characteristics of «counterfeit», «adulterated» and «unsafe» products are identified, allowing for the delineation of these concepts and the determination of their interrelationships and relationships. The article explores existing positions in the scientific literature on problematic aspects of the concept, nature, and relationship of these terms. The importance of identifying such products is emphasized due to the risk of harm to human health or life.

Keywords: *counterfeit, counterfeit goods, counterfeiting, unsafe products, intellectual property relations, life and health of people.*

УДК 343.98

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-93-100

**ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И СТРУКТУРА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
КАК ЭЛЕМЕНТА ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ
(НА ПРИМЕРЕ КОРРУПЦИОННЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ)**

В.Н. МИХНЕВИЧ

(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)

В статье комплексно рассматривается проблематика структуры частной криминалистической методики, в частности, необходимости рассмотрения такого её элемента, как возбуждение уголовного дела. Сформулирована дефиниция возбуждения уголовного дела, отмечена этапность осуществляемой в его пределах криминалистической деятельности, установлены элементы структуры, которые представлены криминалистическим анализом (определяет единую криминалистическую модель коррупционного преступления), организацией проверки (включает вопросы планирования, выдвижения проверочных версий, а также тактики проведения следственных и иных процессуальных действий) и взаимодействия (направлено на ликвидацию субъективизма оценки криминалистической и процессуальной информации между подразделениями органов уголовного преследования, а также на взаимное обогащение знаниями). Кроме того, рассмотрены вопросы криминалистического доказывания в рамках возбуждения уголовного дела по коррупционным должностным преступлениям, его пределы и объем.

Ключевые слова: *частная криминалистическая методика, возбуждение уголовного дела, криминалистическая модель коррупционного преступления, доказывание, этап, криминалистический анализ, организация проверки, взаимодействие.*

Введение. Криминалистическая наука, несмотря на более чем вековую историю развития, не лишена проблемных вопросов, одним из которых является вопрос определения структуры частной криминалистической методики, и, в частности, рассмотрение такого её элемента, как возбуждение уголовного дела. Традиционно «возбуждение уголовного дела» ассоциируется с этапом уголовно-процессуальной деятельности. Однако тенденция развития преступности, в частности коррупционной направленности, которая отличается высокой латентностью, упорно свидетельствует о необходимости рассмотрения возбуждения уголовного дела с позиции криминалистической науки в целях формирования соответствующих научных и, в последующем, практических рекомендаций для сотрудников органов уголовного преследования для успешного выполнения задач по борьбе с рассматриваемыми видами преступлений. Для закрепления полноправности «возбуждения уголовного дела» в криминалистической науке представляется необходимым рассмотреть его криминалистическую сущность и предпринять попытку формулировки дефиниции. Разрешение поставленной задачи возможно посредством рассмотрения возбуждения уголовного дела в качестве уникального единого процессуального и криминалистического института, в рамках которого осуществляется выявление, раскрытие и расследование коррупционных преступлений, обеспечиваемое непрерывным процессом доказывания.

Основная часть. Итак, возбуждение уголовного дела как процессуальный институт представлено отраженной в действующем уголовно-процессуальном законодательстве регламентацией порядка рассмотрения заявлений или сообщений о преступлении и установлением наличия или отсутствия поводов и оснований к возбуждению уголовного дела. Указанная процессуальная регламентация, как видится, предопределяет и криминалистическую сущность возбуждения уголовного дела.

Начнем с того, что единой задачей как процессуальной, так и криминалистической наук является выполнение функций по борьбе с преступностью. В свою очередь борьба с преступностью подразумевает следование принципу «неизбежности наказания», в основе которого находится безоговорочная доказанность преступления. Традиционно понятие «доказанность» формируется в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности органов уголовного преследования, именуемой «доказыванием». Фактически, каждый из этапов уголовно-процессуальной деятельности осуществляет доказывание в определенном объеме. Само понятие «доказанность» и его критерии достаточно разработаны наукой уголовного процесса. В свою очередь каждый из критериев доказанности основан на определенном объеме доказательств и их соответствии заявленным в уголовно-процессуальном законодательстве требованиям. Наука уголовного процесса осуществляет процессуальное закрепление доказательства, которое в первоизданном варианте представляет собой след-отражение преступления. Для того, чтобы след-отражение получил статус «доказательства» он должен быть установлен (что с криминалистической точки зрения подразумевает трансформацию носителя следа-отражения преступления в источник следа-отражения преступления) и закреплён (уголовно-процессуальная наука регламентирует порядок, криминалистическая наука – процедуру). В данном случае деятельность по установлению следа – криминалистическая, а его закрепление – совместная уголовно-процессуальная и криминалистическая задачи, в связи с чем очевидно, что в деле формирования доказательств первична роль криминалистической науки. Рассмотрение некоторых аспектов криминалистического доказывания при возбуждении уголовного дела предлагаем осуществить посредством использования метода этапности.

Как отмечал В.К. Гавло, *этап в процессе доказывания* суть пространственно-временной, объективно процессуально фиксируемый отрезок в общей системе доказывания, характеризующийся наступлением качественно определенных изменений, связанных с установлением следов-отражений предмета доказывания в результате уполномоченных на то субъектов, и объединенной общей задачей – достижением истины в процессе уголовного судопроизводства [1, с. 23]. Ключевыми составляющими данной дефиниции являются категории «доказывание», «след-отражение» и «истина». Видится, предложенные составляющие образуют единую процессуально-криминалистическую цепь, в которой каждое из звеньев предопределяет друг друга: истина в рамках уголовного судопроизводства представлена доказанностью фактов совершения преступления определенным лицом. В свою очередь критерий доказанности сформирован совокупностью следов-отражений в объеме, позволяющем сделать законный и обоснованный вывод о доказанности и, соответственно, истинности.

Далее обратимся к научному труду А.С. Рубиса и А.В. Дулова «Основы формирования криминалистической теории доказывания», в котором *доказательство* рассматривается как элементарный акт доказывания (познания), то есть как единичный акт установления следов-отражений системы «преступление» в форме получения информации о какой-либо части объективной действительности во всем многообразии её связей и отношений с окружающим миром, извлеченной субъектами доказывания из допустимых процессуальных источников, закрепленных в соответствии с процессуальными нормами и правилами в соответствующих процессуальных формах и необходимых для достижения целей уголовно-процессуального доказывания [2, с. 46–47]. В свою очередь криминалистические этапы доказывания совпадают с процессуальными этапами борьбы с преступностью [2, с. 114]. Выразим абсолютное согласие с приведенными аргументами, а также сочтем возможным несколько расширить предлагаемую позицию посредством рассмотрения уникальности криминалистической деятельности в рамках возбуждения уголовного дела в контексте обоснованности принимаемых процессуальных решений на обозначенном этапе в зависимости от объема имеющейся на определенном промежутке времени криминалистической информации.

Принятие процессуального решения в границах первоначального этапа криминалистического доказывания при возбуждении уголовного дела основано на комплексе изначально имеющейся в поступившем заявлении или сообщении о преступлении криминалистической информации о следах-отражениях преступления и последующем установленном, закрепленном и использованном органами уголовного преследования при осуществлении уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности объеме следов-отражений преступления, в связи с чем предлагаем определить следующую этапность криминалистической деятельности возбуждения уголовного дела, ограниченную принятием соответствующих процессуальных решений либо осуществлением процессуальной деятельности:

– *Приём, регистрация и рассмотрение заявления или сообщения о коррупционном преступлении.* Требованиями ч. 1 ст. 172 УПК Республики Беларусь законодатель определил, что орган уголовного преследования обязан принять, зарегистрировать и рассмотреть заявление о любом совершенном или готовящемся преступлении, в результате чего принимается решение о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела (решение «о направлении по последственности» не рассматриваем, поскольку по своей сути оно имеет промежуточный процессуальный статус). В контексте рассматриваемой деятельности понятие «*рассмотрение*» необходимо раскрыть в двух аспектах: 1) рассмотрение заявления или сообщения о преступлении как отражение всей деятельности по установлению поводов и оснований к возбуждению уголовного дела исходя из смысла норм уголовно-процессуального законодательства; 2) как деятельность сотрудника органов уголовного преследования, сосредотачивающая первичное изучение и анализ конкретного заявления или сообщения о преступлении с целью принятия процессуального решения. В контексте данной работы интерес представляет второй аспект, в обозначенном значении которого понятие «*рассмотрение*» будет подразумеваться далее. Фактически, деятельность по рассмотрению заявления или сообщения о преступлении влечет за собой принятие процессуального решения о необходимости возбуждения уголовного дела либо о необходимости проверки достаточности наличия или отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела.

– *Проверка достаточности наличия либо отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела (далее – проверка).*

– *Принятие решения о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела.*

Дополнительно отметим, что предложенная этапность криминалистической деятельности при возбуждении уголовного дела полностью соответствует определенным В.К. Гавло критериями этапа в процессе доказывания. Подробнее остановимся на каждом из них.

Так, прием, регистрация и рассмотрение заявления или сообщения о преступлении сосредотачивает криминалистическую деятельность руководителя и сотрудников органа уголовного преследования, осуществляемую посредством оценки и анализа информации, на предмете определения уровня ее достаточности для принятия решения о возбуждении уголовного дела. В случае установления искомого уровня достаточности, криминалистическая деятельность при возбуждении уголовного дела будет иметь «усеченный» формат. Отсутствие необходимого уровня достаточности оснований к возбуждению уголовного дела предопределяет начало второго этапа криминалистической деятельности, осуществляемого в рамках проверки посредством проведения следственных и иных процессуальных действий, указанных в ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь, результативность которых обеспечивается применением комплекса криминалистических приемов, средств и методов, формирующих внутреннее убеждение у сотрудника органа уголовного преследования (и, в последующем, у руководителя органа

дознания) по промежуточной оценке имеющихся материалов, необходимости проведения дополнительных проверочных мероприятий, их очередности. Третий этап криминалистической деятельности представлен итоговым анализом и оценкой криминалистической информации, обеспечивающей принятие решения о возбуждении уголовного дела либо отказе в возбуждении уголовного дела на основании имеющегося установленного и закрепленного объема следов-отражений преступной деятельности.

Дополнительно обозначим, что в основе предложенной криминалистической этапности возбуждения уголовного дела от начальной точки, представленной принятием заявления или сообщения о коррупционном преступлении и конечной точки, представленной принятием итогового процессуального решения в рамках стадии возбуждения уголовного дела, находится пласт криминалистической информации, который на заявленном первом этапе представлен минимальным объемом сведений о событии преступления (либо изначально максимальным в случае принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела без проведения проверки), а на третьем этапе достигает необходимого максимума, позволяющего принять процессуальное решение, предусмотренное ст. 174 УПК Республики Беларусь. В свою очередь заявленный объем сведений о событии преступления есть ни что иное, как объем следовой информации (следы-отражения преступления), получаемый посредством непрерывной деятельности органов уголовного преследования по обнаружению, закреплению и использованию следов-отражений преступления, сосредотачивающей единое криминалистическое и процессуальное начало.

Дополнительно определим, что из приведённых нами аргументов логичен вывод о некоторой некорректности ограничений рассмотрения криминалистической деятельности только рамками проверки, поскольку криминалистическая деятельность осуществляется в том числе на этапе рассмотрения заявления или сообщения о преступлении (в отмеченном нами аспекте), а также на этапе (и, собственно, в момент) принятия итогового процессуального решения касательно рассматриваемой стадии. Исходя из изложенного закономерно предложение о необходимости закрепления единого наименования криминалистической деятельности по рассмотрению, проверке и принятию итогового решения по заявлению или сообщению о преступлении – «возбуждение уголовного дела», поскольку именно такая формулировка корректно охватывает весь период и объем криминалистической деятельности на рассматриваемом этапе.

Таким образом, *возбуждение уголовного дела в структуре частной криминалистической методики* представляет собой криминалистическую деятельность органов уголовного преследования по установлению, закреплению и использованию следов коррупционного должностного преступления, осуществляемой в ходе рассмотрения, проверки заявления или сообщения о преступлении в объеме, обеспечивающем принятие законного и обоснованного решения о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела.

Нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что возбуждение уголовного дела обладает рядом криминалистических проблем, вызванных высокой латентностью, сложностью выявления, раскрытия и расследования коррупционных должностных преступлений, что влечет за собой соответствующие сложности установления следов-отражений коррупционного должностного преступления, а также субъективной оценкой полученной криминалистически значимой информации на каждом этапе принятия процессуального решения. Заявленная проблематика и пути её разрешения предопределяют структуру возбуждения уголовного дела.

В целом возбуждение уголовного дела как особый вид криминалистической деятельности представлено двумя взаимосвязанными направлениями: умственным и практическим. Умственное направление криминалистической деятельности есть ни что иное как анализ имеющейся информации и определение направлений её использования. Практическое направление представлено реализацией результатов умственной деятельности путем установления, закрепления и использования следов преступления, в связи с чем закономерен вывод о главенствующей роли умственного направления, которое в криминалистической науке представляет собой самостоятельную категорию – *криминалистический анализ*, который мы определим в качестве первого элемента структуры возбуждения уголовного дела и рассмотрение которого считаем целесообразным начать с определения его дефиниции. В общепризнанном значении анализ является общенаучным методом, с помощью которого изучаемый предмет фактически или мысленно разделяется на составные части и в дальнейшем они исследуются отдельно или как части одного целого [3, с. 52]. В свою очередь криминалистический анализ, как отмечал Образцов В.А., представляет собой один из методов опосредованного познания преступления, в основе которого лежит мнимое расчленение преступления на составляющие, отдельное исследование каждого элемента, а затем рассмотрение их в комплексе и взаимосвязи относительно структуры совершенного механизма слеодообразования [4, с. 81]. Криминалистический анализ направлен на реализацию системного подхода при изучении преступления [5, с. 53].

Криминалистической наукой в целом сформулированы общие положения криминалистического анализа, включая его задачи, систему, структуру и виды. В данном исследовании мы не ставим задачу изучения общетеоретических положений криминалистического анализа как самостоятельной криминалистической категории. Основной вектор исследования – преломление существующих научных положений криминалистического анализа на криминалистическую деятельность в рамках возбуждения уголовного дела в теоретической и прикладной формах.

Для определения направлений криминалистического анализа, реализуемых при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений повторно обратимся к ранее предложенной нами этапности возбуждения уголовного дела. Временные границы криминалистического анализа возбуждения уголовного дела представлены моментом поступления в правоохранительные органы информации о коррупционном должностном преступлении и оканчиваются принятием итогового процессуального решения – возбуждением уголовного дела (после чего

криминалистический анализ будет осуществляться в рамках предварительного расследования) либо отказе в возбуждении уголовного дела (окончание уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности). Проведению любых следственных и иных процессуальных действий, использованию криминалистических и организационных приемов, методов и средств, направленных на выявление, раскрытие и расследование коррупционных должностных преступлений в той или иной форме также предшествует проведение криминалистического анализа. Кроме того, исходя из предложенной этапности криминалистической деятельности следует, что в основе принятия процессуальных решений, представленных необходимостью проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении (либо одномоментном решении о возбуждении уголовного дела), с последующим принятием итогового решения о возбуждении уголовного дела либо отказе в возбуждении уголовного дела находится криминалистический анализ. Однако возникает закономерный вопрос: на основании каких данных сотрудник органа уголовного преследования на каждом из предложенных этапов дела делает вывод о необходимости принятия того или иного процессуального решения (к примеру, о незамедлительном возбуждении уголовного дела либо необходимости проведения проверки), на чем базируется необходимая криминалистическая полнота сведений, удовлетворяющая требованиям основания к возбуждению уголовного дела «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления» либо обстоятельствам, исключающим производство по уголовному делу «в связи с отсутствием в деянии состава преступления».

Для начала, полагаем, необходимо определиться с содержанием данных уголовно-процессуальных требований. В связи с отсутствием законодательной трактовки, в научных кругах вызывает дискуссии содержание указанного выше основания к возбуждению уголовного дела, а именно интерпретация понятия «признаки преступления». Анализ имеющихся взглядов позволяет определить две основные позиции: первая заключается в необходимости установления признаков преступления, к которым, исходя из положений ч. 1 ст. 11 УК Республики Беларусь, относятся: общественная опасность, виновность, противоправность, уголовная наказуемость. Вторая позиция транслирует необходимость установления «признаков состава преступления», который, исходя из положений уголовно-правовой науки, включает объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону преступления, характеризующиеся соответствующими объективными и субъективными признаками. Объективные признаки характеризуют преступление в его внешнем проявлении, субъективные – лицо, совершившее преступление и его психическое отношение к содеянному. Полагаем, что истина в данном научном споре, касательно коррупционных должностных преступлений, заключается в необходимости установления именно признаков состава преступления, что подтверждается в первую очередь данными правоприменительной практики. Так, проведенный анализ архивных уголовных дел по рассматриваемой категории преступлений показал, что постановления о возбуждении уголовного дела единообразно включают сведения о личности подозреваемого (ФИО, дата рождения, гражданство, судимость), занимаемой должности на момент совершения преступления, характере властно-распорядительных и (или) административно-хозяйственных функций, времени, месте, способе и средствах совершения преступления, мотиве либо цели, характере ущерба либо вреда, причиненного преступлением, характеристиках предмета преступного посягательства, предмета взятки (по ст. 430 УК). Отмеченные сведения относятся именно к признакам состава преступления, изложение которых в постановлении о возбуждении уголовного дела означает необходимость их предварительного установления при проведении проверки заявлений (сообщений) о коррупционном должностном преступлении. Дополнительно отметим, что «служебная роль» состава коррупционного должностного преступления не ограничивается установлением оснований возбуждения уголовного дела либо обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. Так, при поступлении заявления (сообщения) о совершении коррупционного должностного преступления сотрудник органа уголовного преследования производит отождествление имеющейся информации с уголовно-правовыми признаками состава преступления. В случае установления тождества принимается решение о возбуждении уголовного дела, при отсутствии тождества – о проведении проверки, результаты которой также направлены на установление искомого тождества. Отсутствие какого-либо из признаков состава коррупционного должностного преступления предопределяет характер и направление проведения следственных и иных процессуальных действий при проведении проверки, в последующем – формирует основание, исключающее производство по уголовному делу.

Целью криминалистического анализа состава коррупционного должностного преступления при возбуждении уголовного дела является познание его специфических свойств и признаков, установление и последующее закрепление которых позволит сделать вывод о наличии либо отсутствии тождества с уголовно-правовыми признаками состава преступления, что обеспечит принятие законного и обоснованного решения о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела.

Именно отмеченные криминалистические сведения о признаках состава коррупционного должностного преступления образуют информационную модель, с которой необходимо отождествлять сведения, содержащиеся в заявлении (сообщении) о коррупционном должностном преступлении либо установленные в последующем при проведении проверки. Правильность предлагаемого направления исследования состава коррупционного должностного преступления подтверждается позицией А.С. Рубиса и А.В. Дулова: «... криминалистическая основа доказывания преступлений состоит в определении соотношения и тождества криминалистической модели преступления с его уголовно-правовой моделью» [2, с. 11]. В свою очередь промежуточное звено будет представлено уголовно-процессуальной категорией «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления». Следует

понимать, что так или иначе речь идет об одном – коррупционном должностном преступлении, которое имеет определенную совокупность признаков. Данные признаки по-разному освещаются криминалистической, уголовно-процессуальной и уголовно-правовой науками, однако, повторимся, транслируют одну и ту же категорию – коррупционное должностное преступление, которое позволяет (а с точки зрения установления доказанности – требует) между представленными направлениями его характеристик поставить знак равенства.

Дополнительно в рамках указанного элемента структуры возбуждения уголовного дела необходимо рассмотреть криминалистический анализ заявления или сообщения о коррупционном должностном преступлении и итоговых материалов по его рассмотрению исходя из компонентного состава, а именно перечня протоколов следственных и иных процессуальных действий, а также необходимой служебной документации в своей совокупности позволяющей прийти к обоснованному выводу о криминалистической доказанности коррупционного должностного преступления в объеме, достаточном для принятия решения в рамках ст. 174 УПК Республики Беларусь.

Окончание первого криминалистического этапа возбуждения уголовного дела в случае отсутствия достаточных данных, необходимых для принятия решения о возбуждении уголовного дела закономерно влечет необходимость определения тех «недостающих» элементов криминалистической модели коррупционного должностного преступления и, соответственно, следов-отражений преступления, которые являются основой этих «недостающих элементов». Определение недостающих следов-отражений коррупционного должностного преступления предопределяет деятельность по их установлению, закреплению и использованию. Исходя из этимологии слова, «проверка» означает установление правильности или ошибочности чего-либо, а также отдельный акт этого процесса. В свою очередь «процедура установления правильности или ошибочности» в контексте борьбы с преступностью представляет собой определенную деятельность, которая сосредотачивает криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты, с общей промежуточной процессуальной целью, представленной установлением наличия либо отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела, которая реализуется посредством достижения криминалистической цели – установления, закреплению и использования следов-отражений преступления.

Процессуальное начало проверки заявления или сообщения о преступлении регламентировано нормами действующего уголовно-процессуального законодательства, которое выступает его фундаментом либо же правовым режимом её осуществления. В свою очередь преломление установленного уголовно-процессуальным законодательством правового режима на фактические обстоятельства и особенности конкретного заявления или сообщения о коррупционном должностном преступлении, имеющего множество уникальных криминалистических особенностей и для разрешения которого необходимо использование оптимальной совокупности приемов, средств и методов, обеспечивающих условия для его выявления и раскрытия, представляет собой криминалистическое содержание проверки. Актуализируя данное направление исследования, отметим, что согласно полученным статистическим данным из ИЦ МВД Республики Беларусь, а также исходя из проанализированных материалов уголовных дел по коррупционным должностным преступлениям, проверка осуществлялась по абсолютному большинству заявлений.

Данный вид деятельности, как и любой другой, для успешного достижения заявленных целей нуждается в организации, в связи с чем в качестве второго элемента структуры возбуждения уголовного дела определим *организацию проверки*. Основная задача организации любого вида деятельности – упорядочение и оптимизация действий в целях достижения результата. Организация проверки заявления или сообщения о преступлении исключением не является. Как отмечала Можаяева И.П.: «...организационные основы представляют собой объективное и неотъемлемое свойство, характеризующее любую деятельность, в том числе связанную с раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений» [7, с. 5]. В свою очередь особенности организации деятельности зависят от особенностей собственно деятельности. Следовательно, общеорганизационные особенности проверки обусловлены в том числе её криминалистическими особенностями (с учетом предписаний уголовно-процессуального законодательства), которые подлежат отражению в первоочередном порядке.

Так, к особенностям проверки заявления или сообщения о преступлении, оказывающими существенное влияние на организацию указанной деятельности, в первую очередь, относится временной фактор. Законодатель предусмотрел следующие сроки проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении – 3 и 10 суток, в случае необходимости срок продлевается до одного и до трех месяцев. Соответственно, соблюдение этих сроков является обязательным для исполнителя, представленного сотрудником органа уголовного преследования и не зависит от его волеизъявления, способностей, служебной нагрузки, объема необходимых проверочных действий и иных субъективных и объективных факторов. Очевидно, что предусмотренные законодателем сроки проверки заявления или сообщения о преступлении значительно меньше сроков предварительного расследования. Резонно уточнение относительно меньшего объема криминалистической и процессуальной информации, подлежащей поиску и фиксации при проверке заявления или сообщения о преступлении в отличие от предварительного расследования. Однако, как мы отмечали ранее, возбуждение уголовного дела по коррупционным должностным преступлениям характеризуется информационной неопределенностью, в то время как после возбуждения уголовного дела (как юридического факта) фактически известен и уяснен механизм преступления. Существенное влияние на организацию проверки также оказывает предусмотренный законодателем меньший перечень средств получения необходимой криминалистической, и, соответственно, процессуальной информации, установленных положениями ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь. Кроме того, отсутствие закрепленной процессуальной обязанности явки в орган уголовного преследования лиц для проведения следственных и иных процессуальных действий (к примеру, в том числе для получения объяснений по обстоятельствам совершения

коррупционного должностного преступления, которое, согласно результатам проведенного изучения архивных уголовных дел, осуществлялось фактически в 100% проверок по заявлениям или сообщениям, равно как и отсутствие процессуальной регламентации проведения данного процессуального действия), а также отсутствие законодательной обязательности предоставления затребованных органом уголовного преследования сведений предопределяет их организационные особенности, равно как и сложности проведения проверки. Более критичным в рамках выявления, раскрытия и расследования коррупционных преступлений является именно отсутствие мер процессуального принуждения при возбуждении уголовного дела, однако, как отмечал А.И. Швед, их отсутствие является критерием допустимости уже имеющегося расширения диапазона следственных и других процессуальных действий на рассматриваемой стадии [8, с. 36].

Отраженные особенности с учетом имеющейся общей задачи, направленной на обеспечение притяжения законного и обоснованного решения при возбуждении уголовного дела, предопределяют особенности организационного направления их разрешения, изначально представленного *планированием*. Как отмечал В.К. Гавло, планирование – есть то самое организующее начало, от которого зависит правильное решение вопроса о возбуждении уголовного дела, а игнорирование этого требования ведет к ошибкам в проверке [9, с. 72]. В свою очередь, процесс планирования как творческий процесс немаловажен без анализа и синтеза фактов, без объяснения их, без предположения о том, что имело место в действительности [10, с. 115]. Более того, как мы отмечали ранее, этимология слова «проверка» изначально содержит в себе направление поиска по маршруту определения «правильности или ошибочности». Заявленные предположения или направления есть ни что иное, как версии, которые В.В. Степанов предложил называть их проверочными версиями [10, с. 115], фактически направлены на установление оснований к возбуждению уголовного дела. Спецификой проверочных версий по коррупционным должностным преступлениям является отражение предположений о причастности должностного лица, количестве эпизодов преступной деятельности, способе совершения преступления, наличии сообщников, истинном мотиве.

Характерной особенностью определения необходимой при проведении проверки совокупности следственных и иных процессуальных действий и их последовательности являются предпринимаемые попытки оказания противодействия со стороны заинтересованных лиц. Данное противодействие выражается как в сокрытии следов преступления (на этапе совершения преступления, что значительно затрудняет последующую поисково-познавательную деятельность сотрудников органа уголовного преследования), так и на этапе проведения проверки выраженном, к примеру, в уничтожении необходимой документации, оказании воздействия на подчиненных сотрудников в целях изменения показаний, сокрытия имущества, подлежащего аресту и так далее, что предопределяет тактическое начало проверки заявления или сообщения о преступлении, а точнее проводимых следственных и иных процессуальных действий, не вступая при этом в полемику относительно функционального соотношения данных криминалистических категорий. В основу правильности выбранного вектора исследования определим мнение профессора А.Н. Халикова, представленного в следующей интерпретации: «организация проверочных действий зависит от избираемой тактики, как и сама тактика зависит от надлежащей организации следственной деятельности <...> невозможно провести четкую грань между организационными и тактическим действиями следователя как при проверке сообщений о преступлениях» [6, с. 203].

Переходя к определению *третьего элемента структуры возбуждения уголовного дела* возвратимся к его проблематике, определенной нами ранее, а именно к субъективной оценке полученной криминалистически значимой информации на каждом этапе принятия процессуального решения. Процессуальное разделение функций между органами уголовного преследования, разность ведомств и, соответственно, имеющихся критериев оценки деятельности, негативным образом сказывается на обозначенном нами субъективизме оценки криминалистической и процессуальной информации (заявленная проблематика наиболее характерна для органа дознания, представленного подразделениями БЭП, ГУБОПиК и предварительного расследования – подразделения Следственного комитета Республики Беларусь). Субъективизм в рамках рассматриваемой деятельности подразумевает под собой разность толкования значимости и относимости тех или иных следов-отражений коррупционного должностного преступления, что, в конечном итоге, влечет за собой полярность мнений относительно достаточности данных, необходимых для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Итогом указанной полярности выступают необоснованные решения об отказе в возбуждении уголовного дела и неоднократные возвраты материалов для проведения дополнительных проверочных мероприятий, что в конечном итоге влечет за собой затягивание сроков проверки и, соответственно, утерю доказательственной информации в большинстве случаев связанной с предпринимаемыми мерами оказания противодействия со стороны заподозренных должностных лиц. Полагаем, что ликвидация субъективной оценки установленных и закреплённых следов-отражений, предопределяющих криминалистический и уголовно-процессуальный уровни достаточности информации по коррупционным должностным преступлениям возможна только достижением единства мнений, осуществляемого посредством взаимодействия, которое целесообразно определить в качестве третьего элемента возбуждения уголовного дела.

Взаимодействие как процесс также нуждается в организации, которая включает элементы управления. В свою очередь значительная часть отношений, складывающихся в процессе управления, не регулируются, да и не могут регулироваться правом [11, с. 81–82]. Из указанного следует вывод, раз определенная область в полном объеме не подлежит правовому регулированию, необходимо применять иные формы регулирования, например, методологического характера, что относится в том числе к области познания криминалистической науки, в связи с чем подлежат освещению организационные и тактические особенности взаимодействия между органом

дознания и предварительного расследования в рамках возбуждения уголовного дела по коррупционным должностным преступлениям.

Кроме того, полагаем необходимым обозначить, что взаимодействие как самостоятельная юридическая категория, в своей основе сосредотачивает прежде всего возможность либо средство достижения правосудия, выраженного, исходя из положений уголовно-процессуального законодательства, в том числе в возможности проведения экспертиз, в связи с чем также необходимо отразить организационно-тактический аспект взаимодействия сотрудников органа уголовного преследования с сотрудниками Государственного комитета судебных экспертиз. Экспертизы, назначаемые в рамках рассмотрения заявлений или сообщений о коррупционном должностном преступлении, отличаются сложностью и, по некоторым видам коррупционных преступлений, имеют решающее значение в формировании вывода о совершении противоправных действий со стороны должностного лица. В рамках деятельности по выявлению и раскрытию коррупционных должностных преступлений актуально назначение криминалистических (почерковедческой, технической экспертизы документов), технических (компьютерно-технической, направленной, в первую очередь на установление и фиксацию цифровых следов преступления, а также экономической, направленной, например, на установление наличия и размера отрицательных экономических последствий, анализа условий заключенного договора на предмет установления его плановой убыточности и так далее) и медицинских (генетической) экспертиз. Отдельного внимания также заслуживает рассмотрение вопросов взаимодействия со специалистами и иными категориями лиц в целях взаимного обогащения знания по тем или иным вопросам.

Заключение. Таким образом, разрешая задачу необходимости формирования теоретической основы возбуждения уголовного дела в структуре частной криминалистической методики полагаем возможным определить следующие выводы:

1. Возбуждение уголовного дела в структуре частной криминалистической методики представляет собой криминалистическую деятельность органов уголовного преследования по установлению, закреплению и использованию следов преступления, осуществляемую в ходе рассмотрения и проверки заявления или сообщения о преступлении в объеме, обеспечивающем принятие законного и обоснованного решения о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела. Этапность криминалистической деятельности при возбуждении уголовного дела ограничена принятием соответствующих процессуальных решений либо осуществлением процессуальной деятельности: прием, регистрация и рассмотрение заявления или сообщения о коррупционном должностном преступлении, проверка и принятие решения о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела.

2. Возбуждение уголовного дела как элемент структуры частной криминалистической методики имеет следующую структуру: криминалистический анализ, организация проверки и взаимодействие. Выделенные элементы структуры направлены на разрешение криминалистических проблем коррупционных должностных преступлений, выраженных в высокой латентности, сложности их выявления, раскрытия и расследования, что сосредотачивает сложность установления следов-отражений, а также субъективной оценки полученной криминалистически значимой информации на каждом этапе принятия процессуального решения.

3. Основным методом криминалистического анализа при возбуждении уголовного дела является криминалистическое моделирование, представляющее собой создание информационной модели коррупционного должностного преступления, включающей криминалистические сведения о признаках состава преступления.

4. Организация проверки по заявлению или сообщению о коррупционном должностном преступлении сосредотачивает деятельность по выдвижению версий, планированию и определению порядка реализации плана, выраженном в определении последовательности и тактических особенностях проведения следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь.

5. Взаимодействие при возбуждении уголовного дела направлено на достижение единства мнений между различными субъектами уголовного процесса касательно установления достаточности данных, необходимых для принятия решения, предусмотренного ст. 174 УПК Республики Беларусь, а также на взаимный обмен положительным опытом выявления, раскрытия и расследования коррупционных должностных преступлений. Для успешного осуществления указанных направлений подлежат освещению организационные и тактические особенности взаимодействия между органом дознания, СК, ГКСЭ, специалистами и иными лицами в рамках возбуждения уголовного дела по коррупционным преступлениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы следственной деятельности: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин (отв. ред.). – Свердловск: СЮИ, 1990. – 152 с.
2. Дулов А.В. Рубис А.С. Основы формирования криминалистической теории доказывания. – Минск: Харвест, 2005. – 263 с.
3. Оржинская Э.И. Метод криминалистического анализа преступления: определение, основные задачи и элементы // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. – № 1(56). – С. 52–54.
4. Образцов, В.А. Выявление и изобличение преступника / В.А. Образцов. – М.: Юристъ, 1997. – 334 с.;
5. Криминалистика: учеб. пособие / А.В. Дулов, Г.И. Грамович, А.В. Лапин и др. – Минск: Экоперспектива, 1998. – 415 с.
6. Халиков А.И. Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений (криминалистический аспект): дис. ... д-ра юрид. наук: 12. 00. 09 / Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2011. – 538 с.

7. Можаяева И.П., Степанов В.В. Организационные основы деятельности следователя по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 147, [2] с.
8. Швед А.И. Актуальные теоретические и практические аспекты стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Акад. Мин-ва внутр. дел. – Минск, 2005. – 143 л.
9. Гавло В.К. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых с использованием служебного положения, на предприятиях молочной промышленности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – 191 с.
10. Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Саратов. юрид. ин-т им. Д.И. Курского. – Саратов, 1972. – 142 с.
11. Фадеев И.А. Организация взаимодействия следователей и оперативных уполномоченных органов внутренних дел по противодействию преступлений экономической направленности: проблемы и решения. – М., 2021. – 196, [1] с.

Поступила 10.03.2026

**CONCEPT, SIGNIFICANCE, AND STRUCTURE OF THE INITIATION OF A CRIMINAL CASE
AS AN ELEMENT OF PRIVATE CRIMINALISTIC TECHNIQUE
(ON THE EXAMPLE OF CORRUPTION OFFICIAL CRIMES)**

V. MIKHNEVICH

(Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk)

The article comprehensively examines the problems of the structure of private criminalistic methodology, in particular, the need to consider such an element of it as the initiation of a criminal case. The author has formulated the definition of the initiation of a criminal case, determined the stage of the criminalistic activity carried out within its limits, established the elements of its structure, which are represented by a criminalistic analysis (defines a single criminalistic model of a corruption crime), the organization of verification (includes planning issues, the nomination of verification versions, as well as tactics for conducting investigative and other procedural actions) and interaction (aimed at eliminating subjectivity in the assessment of forensic and procedural information between units of criminal prosecution bodies, as well as at mutual enrichment of knowledge). . In addition, the issues of forensic evidence in the framework of the initiation of a criminal case on corruption crimes, its limits and scope were considered.

Keywords: *private criminalistic methodology, initiation of a criminal case, criminalistic model of a corruption crime, proof, stage, criminalistic analysis, organization of verification, interaction.*

УДК 349.6

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-101-104

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ ПОДЗЕМНЫХ ВОД
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****В.И. МОСКВИНА***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8445-571X>

В статье проанализированы научные подходы к определению содержания юридической категории «правовой режим» и ее особенностей применительно к правовому режиму объектов экологических отношений на основе исследования правовых норм регламентации такой части природной среды как подземные воды. Доказано, что в силу местоположения подземным водам присущ двойной правовой режим в качестве объекта водных отношений и отношений по использованию и охране недр. Сделан вывод о наличии в законодательстве Республики Беларусь особого интегрировано-дифференцированного правового режима подземных вод, который применительно к экологическим правоотношениям позиционируется также как комплексное правовое регулирование. Комплексный метод правового регулирования в природопользовании характеризуется сочетанием различных способов и инструментов воздействия на общественные отношения, связанные с использованием природных ресурсов и охраной окружающей среды.

Ключевые слова: *правовой режим, подземные воды, интегрированный подход, дифференцированный подход, комплексный метод.*

Введение. Подземные воды представляют собой стратегически важный природный ресурс, имеющий ключевое значение для обеспечения экологической безопасности, устойчивого социально-экономического развития и санитарно-эпидемиологического благополучия населения Республики Беларусь. Их рациональное использование и надёжная охрана выступают неотъемлемыми условиями сохранения природного потенциала страны и реализации конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду. Актуальность исследования обусловлена экологической значимостью объекта исследования – подземные воды являются важнейшим компонентом природной среды, влияющим на состояние поверхностных вод, почв, лесов, растительного и животного мира, его социально-экономическую ролью – подземные воды служат основным источником питьевого водоснабжения нашей страны, а также используется в промышленности, сельском хозяйстве и иных сферах. Кроме того, подземным водам присущ двойной правовой режим в качестве объекта как водных отношений, так и отношений по использованию и охране недр, что определяет их правовую специфику.

Основная часть. Понятие «правовой режим» широко распространено не только в науке общей теории права, но и в отраслевых юридических науках, в том числе в экологическом праве. Как отмечает Г.С. Беляева термин «правовой режим» активно используется в научной литературе, являясь одной из важнейших категорий в теории права и государства и отраслевых науках. Данное понятие весьма богато по содержанию и употребляется в различных смыслах и контекстах, однако общим является то, что оно олицетворяет функциональную характеристику права – определенный порядок правового регулирования, воплощаемый в комплексе правовых средств, с помощью которых достигаются цели правового регулирования. Этим автором также выделяются причины данной ситуации: во-первых, нет единого подхода в отношении общетеоретической сущности правового режима; во-вторых, данная категория стала использоваться не только в рамках административного управления и ведомственного нормотворчества; в-третьих, данный термин свободно и неоправданно используется законодателем в различных нормативных правовых актах [1, с. 5].

Анализ научной литературы показывает, что существует несколько подходов к определению сущности категории «правовой режим». Первый подход, как отмечает В.Б. Исаков, позволяет обозначить правовой режим как «социальный режим некоторого объекта», закрепленный правовыми нормами и обеспеченный совокупностью юридических средств [2, с. 258–259]. Сторонники второго подхода, такие как Б.Я. Бляхман, оценивают правовой режим как порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обяываний и создающих особую напряженность регулирования [3, с. 16]. В.К. Бабаев, В.М. Баранова и В.И. Гойман определяют правовой режим как качественно целостную специфическую систему средств, приемов, методов правового регулирования, которая выражается в особенностях правовых отношений и индивидуальном предписании, возникновении правоотношения, юридических последствий, способов обеспечения реализации требований права. Это такой порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, создающих особую направленность регулирования и характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обяываний [4, с. 29]. Э.Ф. Шамсумова анализирует категорию «правовой режим» в двух значениях: в широком смысле – как особый порядок законодательного урегулирования деятельности, действий или поведения физических и юридических лиц в различных сферах общественных отношений либо на определенных объектах, включающий в себя установление механизма обеспечения фактической реализации системы дозволений, стимулов, нормативов, гарантий,

запретов, ограничений, обязываний, а также их компетентное исполнение и применение мер принуждения и привлечения виновных к ответственности; в узком смысле – это закрепленное в нормах права особое сочетание юридического инструментария (юридических средств), характеризующееся наличием определенных условий, конкретностью (определенностью) общественных отношений, относительностью к определенному объекту и преследующее благоприятную, полезную для общества и государства цель¹.

В рамках еще одного подхода под правовым режимом понимается результат регулирующего воздействия на общественные отношения систем (определенного набора) юридических средств, присущих конкретной отрасли права и обеспечивающих нормальное функционирование данного комплекса общественных отношений [5, с. 123]. Сходную точку зрения высказывает и В.А. Горленко, который утверждает, что в правовой науке сложилось два основных подхода к исследуемому понятию. По его мнению, первая группа ученых полагает, что правовой режим есть результат государственного волеустановления и одновременно социальный порядок, сложившийся вследствие объективно существующих общественных отношений. Другие считают, что правовой режим – это порядок, специально установленный государством в целях регулятивного воздействия на поведение субъектов социальных отношений юридическими средствами и методами². Сам В.А. Горленко присоединяется к позиции первой группы и уточняет, что это еще и нормативный порядок, являющийся средством достижения конкретных целевых установок, который осуществляется при помощи юридических (правовых) средств и методов, направленных на реализацию правил поведения, закрепленных в правовых нормах, а также на осуществление мер юридической ответственности³.

Своеобразным «синтезированным» определением правового режима, разработанным с учетом положительных и отрицательных моментов ранее рассмотренных точек зрения, можно считать позицию Н.И. Матузова и А.В. Малько, ориентированную на функциональную характеристику права: «правовой режим есть особый порядок регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права» [6, с. 17–18.]. Аналогичное определение правового режима дается и О.С. Родионовым: «правовой режим – это установленный законодательством особый порядок регулирования, представленный специфическим комплексом правовых средств, который при помощи оптимального сочетания стимулирующих и ограничивающих элементов создает конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности в целях беспрепятственной реализации субъектами права своих интересов»⁴.

В указанных определениях уже содержатся основные сущностные характеристики и выделяются основные признаки правовых режимов: а) устанавливаются законодательством и обеспечиваются государством; б) имеют целью специфическим способом регламентировать конкретные области общественных отношений, выделяя во временных и пространственных границах те или иные субъекты и объекты права; в) представляют собой определенный порядок правового регулирования, состоящий из совокупности юридических средств и характеризующийся их определенным сочетанием; г) создают конкретную степень благоприятности (неблагоприятности) для удовлетворения интересов субъектов и их объединений [7, с. 19].

Таким образом, правовой режим — это установленный законодательством и обеспечиваемый государством порядок правового регулирования конкретных общественных отношений, выражающийся в совокупности юридических средств, создающий определенную степень благоприятности или неблагоприятности для реализации интересов субъектов права.

На основе проведенного анализа общетеоретических воззрений на категорию «правовой режим» рассмотрим применимость данного понятия к правовому регулированию отношений по охране и использованию подземных вод. В контексте правового регулирования этого объекта экологических отношений их следует рассматривать как самостоятельный объект – часть вод, являющуюся составляющей гидросферы, расположенную под поверхностью земли. Эти воды обладают уникальными характеристиками, такими как фильтрация через породы, наличие водоносных слоев и способность к самостоятельному движению и накоплению. Такие особенности отличают их от поверхностных вод и обуславливают выделение в отдельный объект, что отражено в Водном кодексе Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-З в редакции от 17.07.2023 (далее – Водный кодекс) через понятие «подземный водный объект» как сосредоточение вод в недрах, имеющее границы, объем и признаки режима подземных вод и состоящее из одного или нескольких водоносных горизонтов (п. 27. ст. 1 Водного кодекса)⁵. Одновременно подземные воды, определенные как «природные воды, находящиеся ниже уровня земной поверхности в толщах горных пород земной коры, за исключением искусственно созданных подземных резервуаров» в ст. 18 Кодекса Республики Беларусь от 14 июля 2008 г. № 406-З в редакции от 05.03.2024 (далее – Кодекс о недрах) отнесены к ресурсам недр⁶.

¹ Шамсумова Э.Ф. Правовые режимы: Теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Екатеринбург, 2001. – 213 л. – С. 72–78.

² Горленко В.А. Режим правового регулирования (теоретико-прикладной аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / С.-Петерб. ун-т МВД России. – СПб., 2002. – 21 с. – С. 5.

³ Там же. – С. 6.

⁴ Родионов О.С. Механизм установления правовых режимов Российским законодательством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2001. – 27 с. – С. 38.

⁵ URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk1400149&q_id=2526462.

⁶ URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk0800406&q_id=2535379.

Учитывая специфику подземных вод, признаваемых Кодексом о недрах полезным ископаемым, а Водным кодексом – водным объектом, отношения по их охране и использованию подлежат правовому регулированию субсидиарно водным законодательством и законодательством о недрах. В результате подземные воды имеют двойной правовой режим водопользования и недропользования. Кроме того, в правовое регулирование такого специфического объекта по факту нахождения их в составе единой окружающей среды включаются нормы смежных отраслей экологического законодательства – земельное, лесное, санитарно-эпидемиологическое законодательство, а также законодательство, регулирующее охрану растительного и животного мира. Как справедливо отмечает Шахрай И.С.: «особенность права природопользования состоит в том, что пользование одними природными ресурсами всегда оказывает влияние на состояние иных компонентов и окружающую среду в целом» [8, с. 426].

При исследовании правового режима подземных вод важно учитывать, что в науке экологического права сложились два основных подхода в регулировании отношений в области окружающей среды – интегрированный и дифференцированный [9, с. 11]. Интегрированный подход связан с наличием и применением специфических эколого-правовых средств, таких, например, как экологическая экспертиза, экологическое нормирование, установление общих экологических требований к отраслям и видам хозяйственной деятельности, ведение экологического мониторинга, установленных Законом Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ в редакции от 17.07.2023 «Об охране окружающей среды»⁷. По мысли И.О. Красновой, основой применения этих инструментов выступает закрепленное в Конституции «право граждан на благоприятную окружающую среду» [10].

Дифференцированный подход выражается в установлении применительно к каждому компоненту природной среды либо даже виду природного объекта специфических прав природопользования, определении для каждого своих целей и принципов, специальных ограничений, направленных на обеспечение их рационального использования и охраны [10].

Итак, по факту отнесения правового регулирования отношений, объектом которых выступают подземные воды, к предмету водного законодательства и законодательства о недрах к их правовому режиму применим дифференцированный подход, основанный на особенностях правового регулирования охраны и использования отдельных природных ресурсов⁸. При этом, как отмечает М.М. Бринчук: «дифференциация требований по охране каких-либо компонентов природных ресурсов – это и есть реализация требований экосистемного подхода в природоресурсном праве» [11, с. 11].

Являясь частью недр, подземные воды при этом остаются частью единой гидросистемы, от режима использования подземных вод зависит состояние растительности, почв, поверхностных вод, водно-болотных угодий. В силу принадлежности подземных вод к компонентам природной среды правовое регулирование подземных вод основывается также на интегрированном подходе. Одновременное применение интегрированного и дифференцированного подходов к правовому регулированию охраны и использования подземных вод позволяет лучше представлять роль подземных вод среди иных компонентов природной среды, увеличивать спектр методов научного исследования проблем правового регулирования охраны и использования подземных вод.

Как отмечается в юридической науке сложность применения на практике интегрированного подхода в том, что он требует взаимодействия отраслей права посредством построения взаимных корреляций в системе права на уровне норм, институтов, отраслей права [12, с. 98]. При этом дифференциация норм, институтов, отраслей природоресурсного права является наиболее удобным средством правоприменения, поскольку позволяет ограничить рамками отдельной отрасли права, перечень средств правового регулирования, присущих отдельной отрасли права. Однако данный способ правового регулирования содержит и отрицательные черты. Недостаток состоит в ограниченности механизмов решения проблем правового регулирования рамками отдельной отрасли права, недостаточности инструментов, предлагаемых отдельной отраслью права, не позволяющих всесторонне оценить проблему правоприменения [12, с. 98].

Подземные воды, как часть природной среды являются неотъемлемой частью не только таких компонентов природной среды, как недра и воды, но также обеспечивают экологическое состояние почв, болот и целых экосистем, и это их главная особенность. Также из-за своих свойств подземные воды являются источниками питьевого водоснабжения. Сложность правового регулирования охраны и использования подземных вод заключается в применении целого комплекса норм, принадлежащих нескольким отраслям законодательства. Совокупное применение интегрированного и дифференцированного подходов, основанное на названных выше природных свойствах подземных вод, позволяет говорить об объективной потребности в особом правовом режиме в отношении этого объекта экологических правоотношений.

Комплексный характер экологического права неоднократно являлся предметом дискуссий в науке экологического права [13, с. 26–27], а также в теории государства и права [14, с. 188–207]. Эффективность применения комплексного подхода отмечали в своих работах И.С. Шахрай [8], Н.А. Шингель [15], Т.И. Макарова [16]. Так, Макарова Т.И. подчеркивает, что «базовые начала экологического права должны основываться на комплексности эколого-правового регулирования...» [16, с. 140]. На наш взгляд, именно комплексность как один из методов

⁷ URL: https://etalonline.by/document/?regnum=v19201982&q_id=2519866.

⁸ Мухина Э.Н. Правовое регулирование использования и охраны подземных вод: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М., 2011. – 222 л. – С. 47.

эколого-правового регулирования способен обеспечить внедрение интегрировано-дифференцированного правового режима в отношении подземных вод.

Заключение. Проведенное исследование подводит нас к научному выводу об особых свойствах правового режима подземных вод как самостоятельного объекта экологических правоотношений, в основу которого заложены правовые нормы, регламентирующие охрану и использование подземных вод как объекта водных правоотношений (Водный кодекс), и объекта отношений по использованию и охране недр (Кодекс о недрах) с определением его как *интегрировано-дифференцированного правового режима*. Применительно к экологическим правоотношениям такой подход иначе определяется понятием «комплексное правовое регулирование». Комплексный метод правового регулирования обусловлен природой подземных вод, а именно принадлежностью их к нескольким природным объектам и компонентам природной среды, а также комплексным характером всей отрасли экологического права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Г.С. Правовой режим: понятие и признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 281–293.
2. Исаков В.Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права: учеб. для студентов вузов, обуч. по спец. «Правоведение». – М.: Юрид. лит., 1987. – С. 245–267.
3. Бляхман Б.Я. Правовой режим в системе регулирования социальных отношений. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – 171 с.
4. Бабаев В.К., Баранов В.М., Гойман В.И. Словарь категорий и понятий права. – Н. Новгород: Новгор. высш. шк. МВД России, 1992. – 98 с.
5. Морозова Л.А. Конституционное регулирование в СССР. – М.: Юрид. лит., 1985. – 144 с.
6. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: Вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1996. – № 1(212). – С. 16–29.
7. Малько А.В., Родионов О.С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. – 2001. – № 9(57). – С. 19–26.
8. Шахрай И.С. Проблемы реализации субъективного права природопользования. – Минск: БГУ, 2022. – 291 с.
9. Бринчук М.М. Экологическое право: учеб. – М., 2008. – 305 с.
10. Краснова И.О. Дифференциация и интеграция в экологическом праве: на пути к сближению // Экологическое право. – 2015. – № 4. – С. 9–16.
11. Бринчук М.М. Экосистемный подход в праве // Экологическое право. – 2008. – № 1. – С. 6–14.
12. Колбасов О.С. Водное законодательство в СССР. – М.: Юрид. лит., 1972. – 216 с.
13. Мухина Э.Н. Природоресурсное право: теоретико-методологические подходы к исследованию // Аграрное и земельное право. – 2011. – № 11(83). – С. 104–108.
14. Алексеев А.А. Структура советского права. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 184–207.
15. Шингель Н.А. Природные ресурсы как правовая категория // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 14. – С. 141–145.
16. Макарова Т.И. Принципы экологического права: к вопросу о разработке современных теоретико-правовых подходов // Вестник БДУ. Серия 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2011. – № 3. – С. 137–140.

Поступила 10.03.2026

ON THE ISSUE OF THE LEGAL REGIME OF GROUNDWATER IN THE REPUBLIC OF BELARUS

V. MOSKVINA

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article analyzes scientific approaches to determining the content of the legal category "legal regime" and its features in relation to the legal regime of objects of environmental relations based on the study of the legal norms underlying the legal regulation of such a part of the natural environment as groundwater. It is proved that, due to its location in the natural environment, groundwater has a dual legal regime as an object, both of water relations and relations on the use and protection of subsurface resources. This leads to the conclusion that there is a special integrated and differentiated legal regime of groundwater in the legislation of the Republic of Belarus, which is also positioned as a comprehensive legal regulation in relation to environmental legal relations. An integrated method of legal regulation in environmental management is characterized by a combination of various methods and instruments of influencing public relations related to the use of natural resources and environmental protection.

Keywords: *legal regime, groundwater, integrated approach, differentiated approach, integrated method.*

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-105-110

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ПОД ВЛИЯНИЕМ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ
(Часть 2)¹

С.С. ОЛЕСЬКО

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Изучаются понятие, природа, сущность и ключевые особенности ценностного переосмысления. Иллюстрируется междисциплинарная этимология категории. Выводятся и подробно рассматриваются концептуальные направления и основные аспекты в её понимании: социальное явление, общественный процесс, искомая цель и определённое состояние. Выясняются и объясняются факторы формирования, изменения и утраты ценностей в парадигме отдельного человека как личности и всего общества как социально организма. Выделяется индивидуализация как критерий в усвоении ценностей. На примерах в планетарном масштабе показываются механика и процесс осмысления и переосмысления ценностей. Обнаруживается их корреляция с изменением за счёт виртуализации формы социальной коммуникации. Вводится категория «трендирование ценностей», отражающая их актуализирование. На презумпции невиновности выдвигается и аргументируется тезис о недопустимости переосмысления отдельных конституционных ценностей. Отмечаются роль субъектов и значение целенаправленного управляемого контролируемого переосмысления. Предлагаются формы его осуществления – правовой мониторинг и публичное обсуждение. Выявляются проблемы правового регулирования, правоприменительной практики Республики Беларусь; вносятся предложения по совершенствованию последних.

Ключевые слова: ценности, конституционные ценности, трендирование ценностей, осмысление, переосмысление, общественные отношения, цифровизация, презумпция невиновности, конституция, основной закон, право, публичное обсуждение, правовой мониторинг.

Близка этой проблема социальной оценки личности в условиях цифровизации, в первую очередь обусловленная «*трендированием ценностей*». Напомним, что переосмысление всегда происходит в контексте общественного явления или события, так или иначе преломляющего восприятие ценностей. В новых условиях они усваиваются через тренды, транслируемые на виртуальных источниках информации: сайтах, видеохостингах, в социальных сетях, мессенджерах и блогах. Тренд – то, что актуально (модно) сейчас, иначе говоря, определённые идеалы. Они становятся нормой, мерилем нормальности, а потому общество к ним стремится как к ценности, однако не всегда тренды отражают то, что есть на самом деле, как и объективную ценность ценности, но сознание и ложное воспринимает за действительное. Так возникает разрыв и коллизия реального и идеального миров, и первый второму проигрывает. Человек больше не соответствует тому, что ему транслируется, хотя безудержно стремится к этому. В результате замкнутого круга преодолевают трендированные ценности, поэтому может происходить отказ от существующих или их неправильное восприятие, а следом – изменения в мышлении и поведении.

Зачастую в школах травле подвергаются именно несовершеннолетние, которые не имеют какого-то современного гаджета, ввиду чего «не подходят» социальной группе. Это же касается марок и моделей гаджетов, что обусловлено общественным признанием бренда – сначала, а после – владельца гаджета. В некоторых случаях непринятие происходит из-за «малости» подписчиков и «недостаточной» активности на личных страничках, а равно по иным схожим причинам. Это не имеет никакого значения, так как все подобные факты несут единую смысловую нагрузку – цифровизация общественных отношений (в школе, классе или учебной группе) влечёт за собой изменение в сознании членов социальной группы понимания существа ценностей, которые, однако, от этого не прекратили своего существования. За счёт процесса не все, ранее входившие по общности ценностей в группу, теперь ей соответствуют, и несоответствующие исключаются доступными, включая насильственный, способами (например, кибербулинг). Э. Бернейс, объясняя причины трансформации пропаганды как способа формирования общественного мнения, отмечает, что в прежние времена его формировали вожди племени, короли и религиозные лидеры, а сегодня «привилегия есть у каждого. Одно из проявлений демократии заключается как раз в том, что любой человек имеет право вести агитацию в своём окружении» [1, с. 161–162]. Происходит это и в случае с трендированием ценностей, что видно на образе блогеров и иных публичных личностей.

Подтверждают наш тезис исследования в области социальной психологии. Так, К. Шатене, изучая психологию ценностей, пришла к выводу об их влиянии на поведение человека при условии активации – способности на когнитивном уровне установить мысленную взаимосвязь между внутренней ценностью и аспектами ситуации, в которых поведение, ею обусловленное, может быть достигнуто [2, с. 155–156, 183, 229]. Наблюдается корреляция, и, если связанное с активированной ценностью поведение вызывает общественное неодобрение, с малой долей вероятности оно будет им стимулироваться, но маловероятна активация ценности и в том случае, когда связанное с ней поведение признаётся затратным, требующим жертвы иными ценностями, и в будущем нельзя рассчитывать на их компенсацию. Связь конформности с группой, к которой принадлежит конкретный человек,

¹ Часть 1 см. DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2025-73-4-109-114>.

влияет на активацию ценностей, и их стабильность во многом зависит от степени значимости отдельному из них или целой группе. Сообразно восприятию значимости ценности для самоидентификации закономерно меняется её стабильность к изменению, как и между конкретной ценностью и его влиянием на остальные ценности, входящие в систему. В той или иной социальной группе человек может ощущать себя её представителем ввиду активизации ценностей с социальным фокусом – ответственности и связей с ней, и это прогнозируемо корректирует восприятие ценностей с индивидуальным фокусом. Проявление конформности таково, что при попадании индивида в группу, где сосредоточены иные ценности, не согласующиеся с личными, набор последних замещают именно приоритетные ценности группы. Несомненно, «судьба людей и наций определяется ценностями, которые руководят их решениями» (Люцис Траст).

Ценностное трендирование происходит и в отношении общества и государства. Для нас очевидна искусственность определённых ценностей (например, однополые браки), так как их существование противоречит традиционному семейному укладу, сложившемуся в нашем обществе, и, что не менее важно, принципам и циклам воспроизводства населения, заложенным законами природы. Если основываться исключительно на них, развитие человечества станет затруднительным, и было бы глупо это отрицать. То же касается и гендерных вопросов. Наравне с мужским и женским, выделяют порядка 72 гендеров. Из их многообразия в государствах, разделяющих такие ценности, зарегистрировано около 60 разновидностей. Но речь идёт о безопасности человечества, включая демографическую, – важнейшей ценности в любые времена. Тем не менее, традиционные ценности переосмыслены и трендированы рядом западноевропейских государств, пропагандируются иным, позиционируются за идеал современного устройства. Конституция Республики Беларусь не допускает и возможности такого переосмысления, охраняя традиционные конституционные ценности – брак как союз женщины и мужчины, семью, материнство, отцовство и детство, защищаемые государством (ч. 1 ст. 32). Парадокс в том, что гендеры желают реализовать своё право на отцовство и материнство, что деятельно доказывает признание первичности и приоритета классической (традиционной) семьи. Если не *de jure*, то *de facto* приверженность выражается традиционными ценностями. Представляется, что однополые браки, нетипичные гендеры, им подобное априори не могут признаваться конституционными ценностями, а относятся к антиконституционным из-за изначальной неспособности быть направленными на взаимное развитие личности, общества и государства, исключая в конечном счёте существование всех и каждого посредством вымирания народов и наций, без которых государство как социальный институт невозможно. Закономерно, решением от 04.03.2022 по итогам республиканского референдума 27.02.2022 часть первая статьи 32 Основного Закона Беларуси уточнена тем, что в Республике Беларусь брак – союз мужчины и женщины, и никак иначе².

Значит, *не все конституционные ценности возможны к переосмыслению*, и определяется это в том числе правотворческой практикой за счёт адекватных подходов и юридически-грамотной техники.

С позиции *общественного процесса* переосмысление связано с изменениями, происходящими в жизни общества постоянно, оказывающими на него и его членов определённое воздействие. Аристотель полагал, что человек по природе существо политическое, а К. Маркс уточнял – если не политическое, то во всяком случае общественное [3, с. 9]. Ему свойственно, важно и жизненно необходимо находиться с другими в постоянных взаимоотношениях, в которых происходят осмысление и переосмысление личных ценностей каждого с взаимно-обменом представлениями о них. Процесс непрерывен и существует ровно столько, сколько само общество. Главный вопрос состоит лишь в его подконтрольности и управляемости. У. Липпман объясняет образ формирования мнения человека таким образом, что его «сущность, несмотря на различия, имеет общий ствол и общие качества, но ее ветки и побеги приобретают разные формы. В разных ситуациях человек проявляется по-разному. Его личностные особенности, поскольку человек – не машина, меняются под влиянием времени и накопленного опыта. Его характер меняется не только по мере взросления, но и в зависимости от обстоятельств» [4, с. 191]. Базовыми аспектами с точки зрения причинности ценностного переосмысления выступают условия, в которых человек пребывает, временная продолжительность этого процесса и его личный опыт.

Метод от обратного показывает, что убеждение формируется под воздействием ценностей, которые признаются человеком, а время, условия и личный опыт оказывают опосредованное – сквозь ценности – влияние на него, чему предшествует изменение самих ценностей, так как эти факторы не могут не влиять на ценности, в его основе лежащие. Процесс представлен в *схематичной форме* как последовательность, отражающая закономерность: 1) обычные условия пребывания, продолжительность времени нахождения в них и накопленный жизненный опыт → 2) возникновение общественного явления или наступление события, обуславливающего изменение привычных условий и личного опыта, период их воздействия, его достаточность → 3) осмысление необходимости в переоценке ценностей или, при недостаточности этого воздействия, её отсутствия → 4) непосредственно переосмысление ценностей как результат, выраженный в определённом состоянии. Важно учесть, что в преобладающем большинстве случаев переосмысление происходит неосознанно на подсознательном, рефлекторном уровне без целенаправленной мыслительной деятельности, самостоятельно ощущаемой и наблюдаемой (отслеживаемой). Человек – существо хотя и разумное, но не алгоритмичное, значит, не всё в его психике последовательное и предсказуемое. Целеполагания, имманентного мышлению, здесь, как правило, нет.

Данный общественный процесс происходит в определённом круге людей как членов конкретного общества, основанного на доминирующих в его среде ценностях, в том числе неправых. Их круг может быть абсолютно

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02200001>.

неопределённым и относительно или абсолютно определённым. Чем он уже, тем в более предсказуемых (управляемых, контролируемых) условиях переосмысление может происходить. Г. Лебон уверял в том, что в «наши дни сумма изменчивых мнений масс больше, чем когда-либо, и у этого есть три различных причины» [5, с. 165–166]. Во-первых, по мере утраты силы древние верования всё меньше воздействуют на мимолётные мнения за счёт придания определённой ориентации, закономерно приводя к распространению множества новых. Во-вторых, в итоге господство масс лишь возрастает, а противовес уменьшается, поэтому крайняя изменчивость идей проявляется любым возможным способом. В-третьих, непрерывное распространение прессы в разных форматах с противоположными точками зрения приводит к их уничтожению от собственного противостояния, обрекая на эфемерное существование, причем ни одна не становится распространённой до того, как стать всеобщей. Механизм актуален для любых ценностей, значит, их устойчивость обуславливается лишь неоспоримым началом, которое, независимо от времён, разнообразия новых идей, пропаганды, в том числе в противовес, в процессе переосмысления сохраняет свой стержень – существо – естественный характер определённых благ человечества, который заложен природой, – жизнь, свобода, питание, кров, размножение. По сути, всё сводится к безопасности.

Итак, «[н]ад устойчивыми верованиями, силу которых мы только что показали, располагается слой мнений, идей, мыслей, которые постоянно рождаются и умирают. Некоторые могут продержаться один день, а самые важные – не дольше жизни одного поколения» [5, с. 163]. История знает примечательную закономерность: хотя бы раз в столетие случается война, обесценивающая кровопролитностью ценность общечеловеческих ценностей – жизни как права на существование, что в последующем восполняется на протяжении длительного времени на лоне трагических последствий. И принципиально важно отыскать оставшееся от ценностей после искажения и уничтожения внешними факторами, выделив из него то, что в постоянно меняющемся потоке взглядов определяется всеобщим доверием.

В юридической ориентации особенно значимым видится приведение процесса переосмысления в относительно подвластное состояние. Важна роль правотворческих и правоприменительных органов в преломлении конституционных ценностей, прямо или косвенно отражённых в положениях конституции и её законов, сквозь призму цифровизации. В этом смысле переосмысление рассматривается как *искомая цель*. Здесь много общего с толкованием, как это происходит с Конституцией США, принятой 17.09.1787. За период её существования принято всего лишь 27 поправок (одна поправка в 9 лет). Отличительной особенностью документа является интерпретации содержания сообразно веяниям времени так, что коррекции не требуется. Это отражает прочную стратегическую фиксацию ценностей и свойство их готовности к переосмыслению в контексте нового времени. Суды решают проблему, связанную с переосмыслением, по принципу «живой конституции». Нужно учитывать, что существо ценностей не зависит от формулировки правовой нормы, где они находят определённую степень выраженности. Важно именно само благо и его значение, а не то, как оно поименовано словами. Формулировка, как формула, раскрывает пределы конкретной ценности, как в примере с институтом брака в Республике Беларусь. Ранее отмечалось, что переосмысление – вынужденное подстраивание под нетипичные условия, что даёт право считать его самоцелью с тем, чтобы обеспечить в новых реалиях правовую охрану и юридическую защиту конституционных ценностей.

Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» закрепляет институт публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов (ст. 7)³, который показал на практике свою эффективность. Обсуждение бывает общественным и профессиональным, а организовывается в том числе на сайте «Правовой форум Беларуси». Предметом, помимо других нормативных правовых актов, могут выступать законы, затрагивающие права, свободы и обязанности граждан, устанавливающие новые и принципиально изменяющие существующие подходы к правовому регулированию той или иной сферы общественных отношений. Цель состоит в совершенствовании правотворческой деятельности в целом и положений документа в частности, а её достижение происходит посредством рассмотрения замечаний и предложений насчёт него, поступивших от целевой аудитории. Публичное обсуждение можно понимать как общий способ управляемого контролируемого переосмысления ценностей, и вот его особенности.

В обсуждение могут вовлекаться самые разные категории людей, начиная с дилетантов, заканчивая профессионалами, поэтому оно носит обывательский и профессиональный характер. При этом оно всегда предшествует вступлению документа в юридическую силу. Во внимание принимают практику правового регулирования иных, включая смежные, сфер общественных отношений и применения правовых норм из них, в том числе иностранную, личный жизненный опыт и знания направлений науки неюридического профиля (о достижениях научно-технического прогресса – искусственного интеллекта, информационных технологий, машиностроения и прочих). Практическое использование института для переосмысления не осуществляется, однако его резервы на том не исчерпаны. Сила сконцентрированной мысли большинства может оказаться полезной.

Момент проведения общественного обсуждения на стадии нормативного проектирования – не только главное преимущество, но и недостаток, ведь невозможно учитывать опыт действия и применения акта. Цифровизация не только затрагивает реализацию прав, свобод и обязанностей граждан, в её связи возникает необходимость в установлении новых, принципиально изменяющих существующие подходы к правовому регулированию общественных отношений, и, если не всех, то большинства сфер. Появляются вопросы, с ответами на которые нужно

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11800130>.

определился. Все ли (если нет, то какие именно), каким образом действующие институты права будут сосуществовать в реальной и виртуальной частях жизни личности, общества и государства? В силу каких причин и обстоятельств? На всё ли мы способны влиять? Если нет, что делать с тем, что нам неподвластно? Ответы очень важны для целенаправленного переосмысления конституционных ценностей. Так как опыт регламентации соответствующих общественных отношений и правоприменительная практика отсутствуют, нормативный правовой акт создаётся в условиях «слепоты» – неведения всех граней и подводных камней новых реалий, хотя конституционные ценности подлежат правовой охране и юридической защите в обоих жизненных условиях на равных. Решается вопрос путём формулирования конкретно-определённой ориентации на счёт переосмысления ценностей. В противном случае процесс будет самопроизвольным, без возможности прогнозирования и направления дальнейшего развития общественных отношений в стратегические рамки. Следует своевременно находить как можно больше проблем для изначального оптимального балансирования конституционных ценностей во всех жизненных реалиях. Наш постулат состоит в том, что за некачественное правовое регулирование, выражающееся в непредусмотрительности жизненных ситуаций, личность не может и не должна нести юридическую ответственность. Нужно повышать позитивную и негативную ответственность правотворческих органов.

При разработке планов подготовки проектов нормативных правовых актов учитываются не только предложения субъектов законодательной инициативы, государственных органов и других организаций, в том числе научных и общественных объединений, граждан, результаты научных исследований в области права. Обсуждаются и итоги правового мониторинга – систематических анализа и оценки эффективности правового регулирования определённых общественных отношений, качества законодательства, практики его применения (п. 3 ст. 38, п. 5 ст. 75)⁴. Мониторинг проходит в формах публичных обсуждений, проведения рабочих групп, изучения предложений государственных органов и иных организаций (научных и общественных объединений), граждан, других, не противоречащих закону. Его итог – подготовка предложений о совершенствовании законодательства и практики его применения, разработка проектов нормативных правовых актов, принятие мер по их надлежащей реализации. Мера может применяться для целенаправленного управляемого контролируемого переосмысления ценностей с учётом опыта действия и применения нормативного правового акта. Но она, если и решает проблему, то несвоевременно – спустя определённый период после вступления акта в юридическую силу. Правовой мониторинг в этом смысле связан с наблюдением, произошло ли переосмысление, и, если да, то каким образом, в чём оно выразилось, требуется ли и какой сфере общественных отношений уделить больше внимания. Мониторинг не опережает возникновение, изменение (преобразование) и (или) прекращение общественных отношений в условиях цифровизации, поэтому выявление неадекватного переосмысления и разбалансировки конституционных ценностей будет происходить по факту их наступления.

Сегодня «мониторинг общественного мнения стал главной заботой прессы и правительства» [5, с. 167]. Оно и понятно, цифровизация создаёт ранее невиданные возможности, но государство не всегда за ними поспевает. Целенаправленным переосмыслением ценностей преследуется конкретный *результат как состояние*. Лишь в этом случае регулирующее правовое воздействие на общественные отношения и правоприменительная практика будут соответствовать веяниям времени. Формулируя закон, отражающий ценности, важно обеспечить их правовую охрану и юридическую защиту в виртуальной среде, наравне с реальной. Проблема в том, что, как правило, цифровизация не влечёт возникновения новых ценностей, а заставляет пересматривать существующие. От того, будет ли и как это сделано, прямо пропорционально зависят степень реализации ценностей в новых условиях, адекватность правоприменительной практики.

Но по ряду причин не все и не всегда конституционные ценности должны быть переосмыслены. Главным критерием определения выступает ясное понимание того, не будут ли в условиях цифровизации отрицаться существование ценности, искажаться её смысл и принижаться значение. Рассмотрим на примере.

Так, фундаментальной конституционной ценностью в современных цивилизованных государствах признаётся презумпция невиновности, нашедшая непосредственное закрепление в ст. 26 Конституции Республики Беларусь. Институт широко распространён в отраслях права, связанных с юридической ответственностью, обязательное условие наступления которой – *виновность* в запретном деянии. И хотя в Основном Законе Беларуси институт звучит в контексте уголовной ответственности – «никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда», это не снижает его значения для административной, дисциплинарной, семейной и другой разновидности юридической ответственности. Распределение бремени доказывания таково, что никто не обязан доказывать свою невиновность.

Вина – это психическое отношение к совершённому деянию, имманентное только человеку в связи со способностью к мышлению, осмысленности и душевным переживаниям. С её наличием, подлежащим безоговорочным установлению и доказыванию наряду с иными обстоятельствами, законом почти всегда уславливается наступление негативной юридической ответственности. Презумпция невиновности, как и принцип неотвратимости ответственности, производна от единой конституционной ценности – принципа социальной справедливости (абзац шестой преамбулы Конституции Республики Беларусь), и смысл его в том, что каждый виновный должен,

⁴ См. сноску № 2.

но ни один невиновный не должен, понести ответственность. Сквозь этот нарратив выражена внутренняя согласованность указанного принципа и сбалансированность производной от него ценности – презумпции невиновности – с иными.

В условиях цифровизации общественных отношений правонарушения совершаются в реальной и виртуальной среде, но если в первом случае всё предельно понятно, то во втором – не так очевидно, как кажется на первый взгляд. В правоприменительной практике сложился подход, где человек фактически обязан доказывать свою невиновность в противоправном деянии, совершённом в виртуальной среде, так как не может этого не делать. И хотя вина – элемент субъективной стороны деяния, практика исходит из формальной принадлежности виртуальной личности реальной (сопоставлением данных по аккаунту и его владельцу), что говорит об установлении объективной стороны, а не психического отношения к деянию. Ведь оно может и отсутствовать. Объективная сторона может косвенно свидетельствовать о психическом отношении, однако не может указывать на него однозначно. Это понятно на примерах, когда вменяется распространение порнографических и экстремистских материалов на основании подписки на аккаунт, страничку, канал, блог и так далее, проставления символа «like» к соответствующей публикации в знак её одобрения, репоста и прочего. Конечно, в большинстве случаев виновность присутствует, но не всегда. Важно учесть специфику цифровизации и общественных отношений в её условиях. Для распространения таких материалов всегда свойственна умышленная форма вины, ведь оно подразумевает потенциальную цель – донести содержание до сведения целевой аудитории. Но фактически деяние может совершаться по неосторожности (случайным нажатием без намерения подписаться, поставить «like») и вовсе без вины (третьими лицами, включая детей, пользующихся чужим гаджетом; на информационном ресурсе, где в целом нет запрещённого контента, происходит соответствующая публикация, о чём владелец аккаунта не осведомлён и чего не может и не должен был допускать; материал признан экстремистским после того, как владелец аккаунта подписался на ресурс, поставил «like», сделал репост публикации, совершил иные аналогичные действия, но в последующем лицо может и не вспомнить о нём за давностью времени, по объективным причинам, в том числе вследствие утраты аутентификационных данных, не иметь доступа к ресурсу; лицо подписалось на ресурс, где такой материал хотя и опубликован, но единичный и задолго до подписки, а публикация для владельца аккаунта не была очевидной).

Мы исходим из постулата, что человек объективно не может и не должен отвечать за то, что ему транслируют на информационных ресурсах, на которые он подписан. В противном случае исключается принцип личной виновной ответственности. Осмотрительность не означает, что все должны предугадать риск возможной публикации запрещённых материалов там, где подписаны. Сам по себе факт подписки – не равно одобрение и распространение материалов (жизни известны и обратные примеры – подписка без одобрения, где иной интерес – неодобрение и осуждение), так как в этом случае транслирует не владелец аккаунта-подписчика, а ему транслируют, он – адресат, соответственно, по направленности это разные деяния. Видимо, потому за просмотр таких материалов юридической ответственности не предусмотрено.

Важно учитывать контекст и смысл (посыл) реакций в виртуальной реальности. Если с «like» всё более-менее понятно, и принято считать его как одобрение, то что с «dislike»? Не все информационные ресурсы его технически предусматривают. Если использован в отношении запрещённого материала, это значит распространение? Что с оставлением к материалу комментария, выражающего его неодобрение? Как быть, что почти любая активность в отношении материалов на информационных ресурсах зачастую алгоритмично продвигает контент для рекламы (в социальной сети «Instagram»)? Вопросы поднимают главную проблему переосмысления конституционных ценностей – не все они могут быть его предметом, и важно изначально понимать, какие именно. Примеры подтверждают недопустимость переосмысления презумпции невиновности в презумпцию виновности. Адекватная оценка новых условий – цифровизации – показывает, что ситуация перекладывания бремени доказывания невиновности на человека, в чём-либо подозреваемого, отрицает само существо, весь смысл презумпции, её ценность.

Заключение. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что переосмысление ценностей – философская категория с компонентами ментальности, психологии, духовности, культуры, социологии, идеологии и некоторыми другими. Его можно рассматривать с четырёх основных позиций: 1) социальное явление; 2) общественный процесс; 3) искомая цель; 4) результат как состояние. Проблемы о ценностном переосмыслении не исследованы правовой наукой, и оно не апробировано юридической практикой.

В целом переосмысление конституционных ценностей есть социальное явление, выражающееся в постоянном непрерывном процессе поиска их нового смысла, которое всегда происходит на фоне некоего общественного явления или события, в целях подстраивания (адаптации) под меняющиеся реалии жизни. Оно связано со способностью человека к мышлению, но, как правило, происходит неосознанно, само по себе. Важной особенностью признаётся его позитивная и негативная направленность. Сообразно этому в обществе и государстве происходят положительные или отрицательные явления.

Процесс переосмысления осуществляется схематично: 1) обычные условия пребывания человека, продолжительность времени нахождения в них и его жизненный опыт → 2) некое общественное явление или событие, обуславливающее изменение привычных условий и личного опыта, период их воздействия, его достаточность → 3) осмысление необходимости переоценки ценностей, а при недостаточности этого воздействия – её отсутствия → 4) непосредственно переосмысление как результат-состояние.

Вследствие цифровизации общественные отношения возникают, изменяются (преобразовываются) и прекащаются как в реальной, так и виртуальной жизни личности, общества и государства, поэтому в каждой из них происходит правомерное и противоправное поведение. Когда искажается восприятие человеком объективной действительности, тогда ценности переосмысливаются негативно. Это есть проявление синдрома «развязанных рук и завязанных глаз», который отражает воспринимаемую относительно своих деяний ложную вседозволенность и показывает циничность по отношению к ним и их последствиям, чем характеризует устремления и поведение в виртуальности по причине анонимизации. Существенным образом влияет и «трендирование ценностей» как отражение их актуализации.

Важна своевременность переосмысления конституционных ценностей, но не все из них подлежат переосмыслению в условиях цифровизации, как, например, презумпция невиновности.

Юриспруденции значимо именно целенаправленное контролируемое управляемое переосмысление конституционных ценностей, которое может быть плановым и внеплановым, а его формами выступают публичное обсуждение нормативных правовых актов и правовой мониторинг. В настоящее время, в условиях цифровизации общественных отношений в Республике Беларусь, правовое регулирующее воздействие не оказывает на них необходимого влияния и оптимальный баланс конституционных ценностей в области правовой охраны и юридической защиты детей не обеспечен, что способно привести к их негативному переосмыслению. В целях снижения рисков нужна имплементация модельного закона «О защите детей и подростков от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» в национальное законодательство, что восполнит пробелы правового регулирования. Данный закон должен обеспечиваться за счёт угрозы административной и уголовной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернейс Э. Пропаганда / [пер. с англ. Е. Парахневич]. – М.: АСТ, 2024. – 192 с.
2. Шатене К. Психология ценностей / пер. с франц. – Харьков: Гуманитарный центр, 2021. – 244 с.
3. Аристотель. Афинская политика / под ред. В.С. Сергеева; пер. и ком. С.И. Радцига; предисл. В. Сержилова. – М.: Ленинград, 1936. – 198 с.
4. Липпман У. Общественное мнение / [пер. с англ. Е. Абаевой]. – М.: АСТ, 2023. – 448 с.
5. Лебон Г. Психология масс / [пер. с фр. Т. Врублевская-Токер]; предисл. и коммент. Т. Врублевская-Токер. – Минск: Попурри, 2021. – 224 с.

Поступила 13.11.2025

RETHINKING CONSTITUTIONAL VALUES INFLUENCED BY THE DIGITALIZATION PROCESS (Part 2)

S. ALESKA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The concept, nature, essence, and key features of value rethinking are explored. The interdisciplinary etymology of the category is illustrated. Conceptual approaches and key aspects of its understanding are identified and examined in detail: social phenomenon, social process, desired goal, and specific state. The factors that shape, change, and lose values are elucidated and explained within the paradigm of the individual as a personality and society as a social organism. Individualization is highlighted as a criterion for the assimilation of values. Examples on a global scale illustrate the mechanics and process of understanding and rethinking values. Their correlation with change due to the virtualization of social communication is discovered. The category of "trending of values" is introduced, reflecting their actualization. The presumption of innocence is used to advance and argue the thesis that rethinking individual constitutional values is inadmissible. The role of subjects and the importance of targeted, managed, and controlled rethinking are highlighted. Forms for its implementation are proposed, including legal monitoring and public discussion. Problems of legal regulation and law enforcement practices in the Republic of Belarus are identified; proposals for improving the latter are made.

Keywords: values, constitutional values, trending of values, comprehension, rethinking, public relations, digitalization, presumption of innocence, constitution, basic law, law, public discussion, legal monitoring.

УДК 343.4

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-111-115

РОЛЬ МАГДЕБУРГСКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР КОРРУПЦИИ

канд. юрид. наук, доц. Т.Г. ТЕРЕЩЕНКО

(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8705-2046>

Статья посвящена проблеме противодействия коррупции в период магдебургского права на белорусских землях. Автор, применяя сравнительно-правовой и исторический методы исследования, приходит к выводу о дальнейшем развитии ограничительных мер коррупционного поведения чиновников посредством урегулирования общественных отношений актами магдебургии. Отмечается наличие коррупциогенных факторов, способствующих совершению правонарушений в исследуемый период. Вместе с тем отмечена трансформация норм права, касающихся противодействия коррупции. В частности, были введены дополнительные ограничения для предотвращения злоупотребления и превышения должностными полномочиями в современном понимании криминологической наукой. Новации выборности отдельных членов магистрата и суда, усиления роли мещан в управлении городами и местечками стали сдерживающими факторами для развития коррупции. Это позволяет констатировать формирование сущностной основы антикоррупционной политики современного белорусского государства с позиции преемственности права.

Ключевые слова: ВКЛ, коррупция, коррупциогенные факторы, магдебургское право, Речь Посполитая.

Введение. Проблема предупреждения преступности актуальна во все времена. Как показывает история нашего государства с позиции преемственности права, для исследователей важно научное осмысление поступательной трансформации общественных отношений, регулируемых правовыми инструментами. В этой связи представляет особый интерес противодействие коррупции как общеопасному историческому системному и конклюдентному явлению. Обращение к истории вопроса, в частности, периоду магдебургского права, помогает глубже проникнуть в сущностные формирования современной антикоррупционной политики государства. Рассмотрим данное направление в научной статье.

Причины дарования городам немецкого (тевтонского) права (любекского, нюрнбергского, магдебургского и его разновидностей, например, хе(о)лмского, сродского права) [1, с. 65–66] весьма противоречивы, о чем говорит анализ историографических источников и публикаций авторов исследуемого периода [2; 3]. Основной посыл немецкого (в контексте нашей статьи – синоним «магдебургского») права заключался в расширении городского самоуправления с созданием собственных органов власти и суда (магистрата), отличных от земских (волостных) органов власти – воеводы (старосты) и его подчиненных (каштеляна, подвоеводы, ключника, городничего и т.п.). В свою очередь введение немецкого права отразилось на хозяйственных функциях городов, увеличении численности и городов, и населения, укреплении обороноспособности.

В этой связи для нас представляет особый интерес развитие органов городского самоуправления в контексте противодействия коррупционным проявлениям магистрата и воеводства; усиления роли магистрата с позиции реализации прав и свобод мещан и формирования нового социального сословия наряду со шляхтой, активизации их гражданской позиции в управлении городом; недопущения нарушений и злоупотреблений правами представителями властных структур (фактически имело место двоевластие на уровне волости и города). При этом сохранили отдельные властные полномочия по управлению юридиками бояре и духовенство (например, Экимань и Остров вблизи Полоцка) [4, с. 52–54]. Особым правовым статусом пользовались и территории владельческих городов, на которые распространялось действие немецкого права. Поэтому резонно ставить вопросы относительно эффективности осуществления властных полномочий городскими чиновниками в контексте введения магдебургского права; имелись ли сдерживающие механизмы от коррупционных нарушений урядников при реализации административных, судебных, фискальных и иных функций с учетом усиления роли общественности – «абшчыны», «свободных мужей», появлении цеховиков, т.е. элементов гражданского общества в условиях формирования основ антикоррупционной политики государства в современном её трактовании и понимании криминологической наукой. Выявление исторических закономерностей развития правовой системы периода магдебургского права имеет важное значение для понимания формирования сущностной основы антикоррупционной политики современного белорусского государства с позиции преемственности права.

Для решения обозначенных задач актуальны документы, дарующие магдебургское право, а также конкретизирующие особенности правового положения отдельных лиц (привилегии, грамоты, жалованные грамоты, выроки, протесты и т.п.). Обратимся к содержанию наиболее известных источников права и научных публикаций авторов, исследовавших обозначенный временной этап. Первоначально рассмотрим привилегии (жалованные грамоты) на дарование белорусским землям магдебургского права и проведем их содержательный анализ с позиции исследуемого нами предмета в рамках историко-правового и компаративистского методов. Сведения об исследуемых процессах датируются следующим образом: Вильно (1387), Берестие (1390, 1408, 1440); Перемиль (1430);

Литовеж (1434–1437); Дорогичин (1458, 1498), Полоцк (1498), Минск (1499), Мельник (1501) и т.д. Как видим, некоторые привилеи (грамоты) выдавались неоднократно, в первую очередь, для конкретизации ранее выданных и включались в такие источники права, как акты магдебургии [5]. Положения привилеев применительно к вопросу о становлении и развитии антикоррупционных ограничительных мер государства исследуемого периода можно условно разделить на группы по существенным признакам.

Основная часть. Формирование обособленной системы городского управления и суда, свободной от юрисдикции волости. Так, уже привилей для Вильно (1387) содержал новацию в виде судебного иммунитета, наряду с введением налоговых льгот и отменой некоторых повинностей. Предполагалось изменение подсудности горожан (*cives*) и выведение их из-под юрисдикции великокняжеских чиновников «*castellanorum, capitaneorum, voievodorum, burgrabiorum...*»¹ с передачей новому суду войта (*advocatus*): «...когда их вызовут к ним ...по таким большим или малым делам, как кража, кровь, убийство, увечье членов, поджог и любое другое, они не будут нести ответственность и не будут обязаны платить никаких штрафов, русины, так и поляки, и литовцы, и любые другие, перед своим адвокатом (войтом), который будет присутствовать при этом...». В свою очередь войт также был подсуден «господарскому суду» по праву немецкому. Однако процессуальные аспекты назначения войта и иных лиц магистрата, как и требования к ним, возможности их замены (смещения) привилей не содержал. В последующем привилей Берестию (1408) вновь продублировал норму о подсудности суда войта и запрете судебных разбирательств воеводой (его подчиненными) в отношении жителей города только правом тевтонским (ранее обычное и литовское право). Вместе с тем вводилось понятие «смешанного суда» (*iudicium mixtum*) в случае участия в судебном процессе в качестве истца или ответчика лица, подсудного «литовскому праву». Это требовало коллегиального рассмотрения дела с участием и войта, и воеводы². Детализирующие положения правового статуса магистрата вновь не приводились.

Конкретизация правового положения лиц магистрата. Деятельность органов самоуправления. Уже в грамоте Витовта (1430) княжеским усмотрением определялось назначение «достойного и честного Верукона» и его последующих законных наследников в должности войта Перемиля (то есть должность передавалась по наследству). Помимо данной, вводились и должности двух бурмистров, однако каким образом происходило назначение, грамота не поясняла (вероятнее всего войт или князь назначал их самостоятельно на первоначальном этапе с последующим выборным началом). Предусматривалось также жалование войту в виде доходов (налогов) от судебного производства (третья часть штрафов), строительства (десятая часть), рыбной ловли, содержания боен, пекарен и т.п.³ Судебный иммунитет войта также закреплялся относительно подсудности мещан. Появилась норма о коллегиальном рассмотрении судебных дел «особой категории» под председательством воеводы совместно с войтом: «...караемых смертной казнью, например, об убийстве, поджоге и других...».

Обозначим, что в более поздних грамотах (например, 1434–1437 гг. Литовежу, 1440 г. Бресту, 1508 г. Волковыску) норма об особенностях судебного процесса также дублируется, в отличие от описания магистрата и его функций, хотя имеется аналогия в части функционирования правовой системы применительно к отдельным городам. Повторно встречается норма о назначении войта князем с правом наследования должности, что является условно криминогенным фактором с позиции несменяемости власти и возможности её узурпации. Причины назначения могли быть связаны с заслугами по военной службе или для обязательства нести военную повинность в конкретном городе (крепости) и обеспечивать обороноспособность в силу значительных финансовых затрат с учетом сложной геополитической ситуации (серия русско-литовских войн, Ливонская война со Швецией). Например, привилегией короля Александра (1501) Н. Рыхлик назначался на должность войта Мельника по праву наследуемого владения для выполнения судебных функций и общего руководства городом. В свою очередь войт совместно с посольством (общиной) мог избирать столько радцев, сколько было необходимо городу (как правило, от 6 до 12)⁴. Грамота князя Свидригайла (1503, Кременец) даровала должность войта «Немчину Юрку из Буска» вследствие его личной просьбы без согласия на то мещан⁵. С одной стороны, войт обязался осуществлять судебные функции с установлением соответствующего жалования (шестая часть податей от городских земель, третья часть судебных пошлин, сборы от дохода мельниц и т.п.), с другой стороны, грамота наделяла войта правом пожизненного землевладения и землепользования с обязательством нести военную службу.

После издания Жигимонтом I привилея 1432 г. впервые появились данные о конкретизации деятельности магистрата применительно к деятельности Королевства Польши: в частности, наличие городской рады с бурмистром во главе [6, с. 111]. При этом рада имела изначально сословно-представительский характер, поскольку король назначал на эту должность феодалов (с последующим выборным началом магистратом и мещанами) [2, с. 25–26]. Рада заведовала рассмотрением гражданских дел, контролировала деятельность полиции, курировала

¹ Каштеляны, капелланы, воеводы, бургомистры.

² Акты Литовско-Русского государства / Изд. М. Довнар-Запольским. – Вып. 1 (1390-1529 г.) / 26. – Москва: Унив. тип., 1899. – 258 с. – С. 3–4.

³ Там же. – С. 10–12.

⁴ Там же. – С. 99–100.

⁵ Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов высоко учрежденной при Киевском Военном, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. – Киев: Универ. Тип. – Ч. 5. Т. 1: Акты о городахъ (1432–1798). – 1869. – 736 с. – С. 3, № 2.

торговлю. Конкретизируется и институт войта⁶. На войта возлагалось управление администрацией города и судебные функции по уголовным делам. За это он получал жалование в виде части налогов, сборов. Схожие функции имел и войт в Люблине. Также упоминаются и другие чиновники магистрата: бурмистры, радцы (советники) и лавники (присяжные). При назначении на должности урядники приносили присягу. Стоит отметить схожее правовое положение лиц магистрата Королевства Польша и ВКЛ.

При этом жалованная грамота для Дрогичина (1498) впервые установила возможность избрания посольством и войтом 16 радцев с соблюдением принципа паритета католиков и православных (хотя и не всегда он соблюдался для отдельных городов). В свою очередь радцы вместе с войтом каждый год избирали двух бурмистров вновь по принципу церковного паритета⁷. Жалованная грамота для Минска (1499) определяла, что 12 радцев вместе с войтом будут выбирать на один год двух бурмистров, то есть устанавливался не только темпоральный период выполнения функций, но и закладывался принцип сменяемости⁸. Однако нормы грамоты не содержали требований по способу избрания (назначения) иных местных чиновников, их вероисповеданию и происхождению, что позволяло трактовать положения по своему усмотрению.

Более детальные положения о численности и способе избрания магистрата мы находим в жалованной подтвердительной грамоте Полоцку (1510), в которой установлено, что войт и бурмистры выбирают по принципу церковного паритета 24 радца «людей годных, набожных...». Среди них выбираются каждый год по два бурмистра также по церковному паритету. Отзывать же их могли члены магистрата и посольство⁹. При этом в жалованной подтвердительной грамоте Новогрудку (1511) детализировался следующий состав суда: шесть радцев и восемь присяжных (лавников), избираемых по принципу церковного паритета, среди которых шесть радцев и войт могли выбирать ежегодно двух бурмистров также по принципу паритета конфессий¹⁰. В жалованной грамоте Могилеву (1577) конкретизируется и выборность лавников из мещан по принципу территориальности и длительности проживания в городе¹¹.

С течением времени судебные функции войта частично перешли к выборным магистратским чиновникам из посольства, но не в силу развития гражданского общества, а в связи с нежеланием осуществлять эту функцию войтами и системным уклонением последних. Как справедливо отмечал В.Б. Антонович, войты, назначенные князьями, старались в большей степени извлекать доходы от должности [7, с. 170]. В силу чего войтовство как бенефиций¹² не только переходило по наследству, но и закладывалось, обменивалось и продавалось. Например, королева Бона, уступая часть земель Луцкому старосте, в меновой записи (1544) дает понять, что войтовство не только утратило свои судебные функции, но и лишилось права назначения ряда городских чиновников, в связи с переходом данных полномочий мещанам по немецкому праву. Войт более не назначал лантвойта и только формально утверждал последнего по избранию его жителями¹³. Схожие положения встречаются и в жаловании короля Иоанна III полковнику М. Бульге (1683) относительно пожизненного владения Овруцким войтовством в награду за заслуги (впоследствии даровано шляхтичу Мнисевскому, тот переуступил хорунжею Трипольскому)¹⁴. Встречаются и единичные примеры передачи функций войта избираемым мещанам (Каменец), которые сами выкупили эту должность у короля (в силу чего ранее выданные привилегии шляхте кассировались)¹⁵.

Таким образом, отметим, что в городах имелись свои особенности не только по назначению (избранию) местных чиновников, их количеству, но и получению ими жалования, что определялось особенностями развития города (места), его местоположением и исторической преемственностью влияния литовского (русского) права. Этот процесс продолжался на протяжении нескольких веков и зависел от территориального расположения города (северные и южные регионы, влияние казачества и т.п.). Вместе с тем отсутствие единого правового механизма назначения (избрания) местных чиновников и частичная конкретизация правового положения лиц магистрата повлекла за собой системное нарушение норм немецкого права в виде смешения функций чиновников: войт мог председательствовать одновременно в коллегиях по гражданским и уголовным делам в раде и лаве. Количество присяжных и радцев разнилось даже в одном городе в разное время. Один и тот же бурмистр избирался несколько раз подряд и одновременно выполнял функции присяжного (лавника) [7, с. 171].

Усиление роли мещанства в управлении городом. Постепенно менялась роль мещанства в управлении городом, осуществлении им контрольных и распорядительных функций. Это стало закономерным следствием

⁶ По некоторым данным институт возникает с 1387 г. См., например: Burbianka M. Geneza urzdu wojtowskiego w Wilnie // *Alma Mater Vilnensis*. – 1932. – Т. 10. – С. 11–17.

⁷ См. сноску № 2. – С. 84–86.

⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 1. – СПб., 1848. – 350 с. – С. 187–189.

⁹ Литовская метрика. – Ч. 8. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/80> (дата обращения: 15.10.2025). – Л. 396–400.

¹⁰ Там же. – Л. 191–194.

¹¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 3. – СПб., 1848. – 362 с. – С. 202–206.

¹² Возможность извлечения дохода от должности.

¹³ См. сноску № 5. – С. 45–46.

¹⁴ Там же. – С. 168–169.

¹⁵ Там же. – С. 294.

множества конфликтов, возникших как на почве некорректности выполнения своих обязанностей привилегированной частью магистрата, так и многочисленными притеснениями мещан воеводами и старостами, потерявшими часть своей прибыли от перераспределения в пользу города и магистрата.

Так, Владимирский староста удерживал право верховного суда по уголовным делам. В Кременце, Ковле, Овруче старосты влияли на городские выборы, самостоятельно утверждали в должности бурмистров, лантвойтов, присяжных без участия магистрата. Старосты в этих городах могли отменять приговоры, постановленные магистратом, и самостоятельно отпускать преступников (признанных таковыми решениями суда магистрата). Кроме того, дополнительно устанавливались налоги и сборы сверх закрепленных для города, в силу чего мещане отбывали барщину и другие виды работ в пользу замка (было отменено по праву немецкому). Следствием такого положения стали жалобы мещан и магистрата, подаваемые «...о кривде і утісках, о грабеже і зломанье права Майтборского і привілея нашего...». Так, король Жигимонт I выдал жителям Полоцка уставную грамоту (1527) о городской управе и ненарушении Магдебургского права¹⁶. Жалоба последовала на полоцкого воеводу и старосту П. Кишку, а также отдельных князей-полочан, бояр, игуменью, которые допустили нарушения прав мещан. Последние жаловались на привлечение ремесленников к бесплатным работам; причинение телесных повреждений; установление новых налогов в виде серебщины и ордынщины; взимание дополнительного мыта с провоза товаров по рекам; ведение судопроизводства воеводой, а не магистратом и т.п. По рассмотрении жалоб король направил комиссию для разбирательства, постановил отменить неправомерные решения и далее применять немецкое право и установленные льготы, и привилегии.

Закономерным следствием упомянутой ситуации стала попытка урегулирования отношений по функционированию магистрата между патрициатом и мещанами с одной стороны и магистратом и властью волости – с другой. Так, декретом короля Жигимонта I (1536) для Вильни впервые устанавливался запрет о занятии должностей бурмистра и радцы – «сыном па бацьку і братам па браце» [8, р. 48–50], т.е. вводились ограничения по совместному прохождению службы шляхетскими родственниками и прямому их подчинению, как это имеет место на сегодняшний день по законодательству о борьбе с коррупцией. Кроме того, данная мера ограничительного характера вводилась для расширения участия мещан в управлении городом и уменьшения влияния шляхты. Немало в этом поспособствовало и признание права мещан на согласие введения новых налогов и выдачу уставных документов. В этих случаях требовалось решение посольства в лице «40 (20, 30, 60) достойных мужей» [6, с. 112]. При этом решения посольства принимались большинством и оформлялись протоколом сходки.

Одной из уступок было и введение управления финансами города в лице четырех шафарей (ключников), два из которых назначала рада и два выбирались мещанами – «сходам простага люду». Кроме того, устанавливался и контроль казны города в части доходов и расходов. Отчет принимался соответствующей комиссией каждый год или два года. Комиссия состояла из шести человек «простага люду» (из 18 кандидатов, отобранных общим сходом), двух радцев, назначенных радой, и по одному представителю цеховиков (определяла рада)¹⁷. Дополнительно регулировался порядок избрания войта советом 40 мужей и депутатами от посполитых мещан. Впоследствии вводилось ограничение на запрет занимать одному лицу одновременно две должности в магистрате¹⁸.

Несмотря на наличие ряда ограничений при выполнении должностных обязанностей магистратом, фиксировались нарушения коррупционного характера, которые нередко становились предметом разбирательств особых комиссий. Так, имели место хищения городских доходов войтами и бурмистрами, самовольный захват земель, радцы злоупотребляли полицейскими функциями, шафари не давали отчетов о городских доходах в течение нескольких лет, выборы в магистрат производились не регулярно и т.д.¹⁹. За совершение таких действий предусматривалось наличие юридической ответственности в виде снятия с должностей, штрафов, тюремного заключения.

Стоит отметить, что с течением времени произошло дальнейшее урегулирование процедурного порядка назначения на должности магистрата и подготовки отчетных документов. Акцент постепенно смещался на усиление роли выборных представителей из непривилегированной части горожан, включая представителей цехов, и публичность принимаемых решений.

Заключение. Таким образом, магдебургское право, действовавшее на территории ВКЛ, Королевства Польши и Речи Посполитой, существенно отразилось на организации самоуправления городов и местечек. Трансформация органов власти и управления в лице магистрата, свободного от юрисдикции волости, повлияла на особенности правового положения местных чиновников и организацию судебного производства. Вместе с тем частичная конкретизация правового положения должностных лиц, отсутствие единообразного способа назначения (снятия) последних, наличие слабоэффективных механизмов контроля их деятельности в условиях конфронтации представителей власти на уровне города и волости послужили криминальными факторами, способствующими совершению коррупционных правонарушений. Однако поэтапная эволюция норм права отразилась и на развитии ограничительно-сдерживающих мер коррупции в контексте её современного осмысления. Так, закрепление некоторых принципов и ограничений, связанных со службой (например, темпоральности, паритета конфессий,

¹⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 2. – СПб., 1848. – 444 с. – С. 178–181, № 147.

¹⁷ См. сноску № 5. – С. 228–229, 459, 465.

¹⁸ Там же. – С. 150–152.

¹⁹ Там же. – С. 174 (№ 54), 305 (№ 124), 459 (№ 172).

выборности, подотчетности, публичности, запрета одновременного занятия двух должностей, ограничения родственных связей и прямого подчинения), заложило существенную основу для формирования современной антикоррупционной политики государства в контексте преемственности права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Келлер О.Б. Средневековое немецкое право на землях Центральной и Восточной Европы в XIII–XVIII веках. – Минск: РИВШ, 2012. – 244 с.
2. Дружыц В.Д. Войты і іх улада ў беларускіх гаспадарскіх местах з Майдэбургскім правам. – Мінск, 1928. – 55 с.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. – СПб.: Манускрипт, 1868. – 312 с.
4. Петриков П.Т. Полоцк. Исторический очерк. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск: Наука и техника, 1987. – 320 с.
5. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права: дапам. для студэнтаў юрыд. фак. / Я. Юхо і інш. – Мінск: БДУ, 2000. – 127 с.
6. Бардах Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага / Пер. М. Раманоўскага і А. Істоміна; прадм. Г. Сагановіча. – Мінск: Беларускі Гістарычны Агляд, 2002. – 459 с.
7. Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. – Киев: Тип. Е. Я. Федорова, 1885. – Т. 1. – 351 с.
8. Jaworski I. Przywileje miejskie na prawo niemieckie w Wielkim Ksiastwie Litewskim // Rocznik Prawniczo-Wilenski. – Wilno, 1929. – Т. 3. – Р. 48–61.

Поступила 10.03.2026

THE ROLE OF MAGDEBURG LAW IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF RESTRICTIVE MEASURES AGAINST CORRUPTION

T. TERESHCHENKO

(Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk)

This article examines the problem of combating corruption during the Magdeburg Law era in Belarusian lands. Using comparative legal and historical research methods, the author concludes that restrictions on corrupt behavior by officials continued to develop through the regulation of public relations by Magdeburg Law acts. The presence of corruption-causing factors contributing to offenses during the period under study is noted. Furthermore, a transformation of legal norms related to combating corruption is noted. Specifically, additional restrictions were introduced to prevent abuse and exceeding official powers, as understood by modern criminology. The innovations of electing individual members of the magistrate and court and strengthening the role of the townspeople in the governance of cities and towns acted as deterrents to the development of corruption. This allows us to acknowledge the formation of the essential foundation of the anti-corruption policy of the modern Belarusian state from the perspective of legal continuity.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, corruption, corruption-causing factors, Magdeburg Law, Polish-Lithuanian Commonwealth.

УДК 343.98

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-116-120

РАЗВИТИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ СОБСТВЕННИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ, СОВЕРШАЕМЫХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УКАЗАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Е.А. ТИМОФЕЕВА

(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)

На основании результатов, полученных в ходе изучения законодательства, регламентирующего отношения участников совместного домовладения, имеющейся отечественной и зарубежной научной литературы проводится анализ взглядов на становление деятельности организаций собственников (далее – ОС) в Республике Беларусь. Деятельность данных организаций является одним из самых популярных способов управления общим имуществом граждан. Однако параллельно с масштабным распространением деятельности ОС, отмечается и рост регистрации фактов преступлений, совершаемых её должностными лицами, в большинстве случаев которые – хищения путем злоупотребления служебными полномочиями. С учетом вышеизложенного автором проанализированы имеющиеся результаты исследований ученых по вопросам расследования рассматриваемых хищений, выявлены возможные трудности в деятельности органа уголовного преследования, отмечены положительные тенденции совершенствования норм Жилищного кодекса Республики Беларусь (далее – ЖК) и как следствие констатируется необходимость разработки криминалистических рекомендаций по расследованию данного вида преступных проявлений.

Ключевые слова: организация собственников, совместное домовладение, жилищное законодательство, хищения путем злоупотребления служебными полномочиями.

Введение. На сегодняшний день наряду с масштабным строительством многоквартирных жилых домов в Республике Беларусь возникает необходимость в сохранности жилья в надлежащем и качественном состоянии, что может обеспечиваться посредством деятельности государственных организаций или самих собственников жилых помещений. Зачастую собственники чаще всего принимают решения об управлении общим имуществом посредством создания ОС. В Республике Беларусь правоотношения совместного домовладения появились вследствие постепенного перехода государства к социально-ориентированной рыночной экономике. Последствием такого перехода, среди прочего, стало реформирование сферы жилищно-коммунального хозяйства. Государство теперь могло делегировать ряд полномочий над деятельностью организаций, обеспечивающих управление жилищным фондом, самим собственникам жилых помещений. В свою очередь, деятельность собственников по управлению общим имуществом жилых домов через создание ОС доказывает свою эффективность по настоящее время, оставаясь наиболее популярной в Республике Беларусь. Согласно мнению ученого-экономиста Буховец Т.В., «реформирование жилищно-коммунальной сферы путем создания товариществ собственников решает важные общегосударственные проблемы, а именно: освобождение в перспективе государственного бюджета от расходов, связанных с содержанием и эксплуатацией жилого фонда; повышение качества оказываемых услуг в жилищно-коммунальной сфере; улучшение состояния и обновления жилого фонда» [1].

Вопросы становления и развития деятельности ОС в Республике Беларусь исследовались рядом ученых в сфере экономики: Т.В. Буховец¹, П.С. Гейзлер [2], Б.И. Врублевский [3]; правовые основы деятельности ОС изучались О.В. Сивограковым [4], В.А. Прокопиком² и др. Наряду с развитием деятельности ОС последняя прошла и собственный путь законодательного становления, где только к 2020 г. в связи с принятыми изменениями в ЖК был закреплён её организационно-правовой статус³.

Также наряду с развитием деятельности ОС, активной регистрацией указанных организаций в форме товариществ собственников (далее – ТС), организации застройщиков (далее – ОЗ), стала наблюдаться и негативная тенденция, проявляющаяся в росте фактов совершения преступлений должностными лицами ОС – хищений имущества, принадлежащего собственникам жилых помещений с использованием ими своих служебных полномочий. Орган уголовного преследования впервые сталкивается с хищениями путем злоупотребления служебными полномочиями, совершаемыми в деятельности организаций, оказывающих услугу по управлению общим имуществом жилых домов, и с правоотношениями совместного домовладения, а соответственно – с трудностями проблемы расследования рассматриваемых преступлений. Анализ имеющихся научных, правовых взглядов, вопросов правоприменительной деятельности органов уголовного преследования на проблему расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, совершенных в деятельности ОС, позволит сделать вывод о необходимости совершенствования уже имеющейся методики или разработки таковой.

¹ Буховец Т. В. Товарищество собственников жилого дома (жилых домов): оценка эффективности и основные тенденции развития в Республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Бел. гос. экон. ун-т. – Минск, 2012. – 24 с.

² Прокопик В.А. Совместное домовладение и товарищество собственников жилья: правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Бел. гос. ун-т. – Минск, 2004. – 23 с.

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11900185>.

Основная часть. В условиях развития рыночных отношений в сфере жилищно-коммунального сектора становится необходимым внедрение новой управленческой деятельности, основанной на самостоятельности принимаемых решений самими жильцами многоквартирных домов, что нашло свое отражение в развитии совместных домовладений в Республике Беларусь: 8 января 1998 г. был принят Закон № 135-З «О совместном домовладении»⁴. Несмотря на то, что данный закон определил правовые и организационные основы совместного домовладения для нежилых и жилых домов, данные основы явились более применимыми и для организации деятельности по совместному домовладению в нежилых домах, ввиду отсутствия в указанном законе порядка и условий формирования имущественного фонда и социальных гарантий защищенности прав собственников жилых помещений. Параллельно с принятием Закона Республики Беларусь «О совместном домовладении» регулирование правоотношений участников совместного домовладения жилых строений частично находило свое отражение и в нормах Гражданского кодекса Республики Беларусь, принятого 7 декабря 1998 г. № 218-З, нормах действовавшего на тот момент Жилищного кодекса Республики Беларусь от 22 марта 1999 г. № 248-З. Указанные нормативные правовые акты закрепляли возможность самостоятельного управления недвижимым имуществом посредством образования ТС, организации застройщиков (далее – ОЗ). В то же время в нормах указанных кодифицированных нормативных правовых актов не были закреплены права и обязанности их членов, ответственность должностных лиц данных организаций, статус и полномочия председателя правления ОС, полномочия государственного органа, контролирующего деятельность ОС.

Несмотря на достаточно скромную на тот момент регламентацию правоотношений участников совместного домовладения жилых помещений, Советом Министров Республики Беларусь 17 января 2003 г. принимается постановление «О мерах по повышению эффективности эксплуатации жилищного фонда, объектов коммунального и социально-культурного назначения и защите прав потребителей коммунальных услуг»⁵, в соответствии с которым исполнительным и распорядительным органам необходимо было определить для жилых домов, насчитывающих 70 и более процентов квартир, находящихся в собственности граждан, порядок управления недвижимым имуществом совместных домовладений путем создания товариществ собственников.

В 2010 г. с целью упорядочения деятельности ТС, ОЗ принят Указ Президента Республики Беларусь от 14 октября 2010 г. № 538 «О некоторых вопросах деятельности товариществ собственников, организаций застройщиков» (далее – Указ № 538), который действовал до апреля 2020 года⁶. Указ № 538 определял, что деятельность ТС и ОЗ есть не что иное как способ управления общим имуществом, направленный на обеспечение его сохранности и содержания в надлежащем техническом и санитарном состоянии, решение вопросов владения и пользования этим имуществом и иных вопросов в соответствии с законодательством. Также Указ № 538 закреплял порядок проведения общего собрания и порядок избрания председателя правления, определял критерии, которыми должен обладать председатель правления и др. Однако в Указе № 538 не нашли достаточной правовой регламентации вопросы организационно-правового статуса ОС, порядка формирования их имущественного фонда, осуществления текущего и итогового контроля деятельности организаций собственности, в том числе и контролирующие полномочия местных исполнительных и распорядительных органов.

С принятием новой редакции ЖК были скорректированы вопросы совместного домовладения, в частности, определено правовое содержание деятельности ОС, которое представляет теперь не просто способ управления общим имуществом, а управленческую деятельность организаций (в форме юридических лиц или потребительских кооперативов), имеющих целью обеспечение эксплуатации общего имущества совместного домовладения, реализации собственниками прав пользования объектами недвижимого имущества. В нормах ЖК нашли свое отражение нормы прав и обязанностей участников совместного домовладения, ответственности руководителей ОС, закрепились требования, предъявляемые к председателям ОС, установлен контроль над деятельностью ТС, ОЗ со стороны местных исполнительных распорядительных органов и членов ревизионной комиссии⁷.

В действующей редакции ЖК институту совместного домовладения посвящен целый раздел (раздел V «Совместное домовладение»), включающий в себя главы 27–29, закрепляющие общие положения о совместном домовладении, управления общим имуществом совместного домовладения, организационно-правовые основы деятельности ОС. Несмотря на относительно долгий путь законодательного становления деятельности ОС в Республике Беларусь, можно полагать, что на сегодняшний день отношения участников совместного домовладения регулируются самостоятельным организационно-правовым институтом, который находит свое правовое закрепление преимущественно в нормах ЖК⁸.

Параллельно с законодательной регламентацией деятельности ОС, последняя активно исследуется учеными, которые констатируют эффективность управления многоквартирными домами посредством создания ОС, при котором каждому собственнику жилого помещения также принадлежит право собственности в соответствующей доле на отдельные элементы здания. Отмечается, что деятельность указанных организаций нашла свое широкое распространение в странах Европейского союза (Испания, Германия, Франция, Бельгия, Великобритания),

⁴ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h19800135>.

⁵ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=c20300045>.

⁶ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=p31000538>.

⁷ См. сноску № 3.

⁸ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1200428>.

США, странах Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы (Польша, Литва, Казахстан, Россия и др.), в том числе Республика Беларусь также видит целесообразным практически реализовывать указанную управленческую деятельность посредством создания указанных организаций [5, с. 23]. Если в начале 2000-х гг. право на управление недвижимым имуществом домовладений посредством создания ОС в республике реализовали граждане около 200 домов (в Минске, Бресте, Молодечно, Кобрине, Барановичах, Орше, Витебске, Гродно и других городах) [6, с. 414], то по состоянию на конец 2024 г. создано 10358 ОС, которые включают 11483 жилых дома⁹.

Несмотря на активное распространение деятельности ОС, призванной обеспечивать комфортные и безопасные условия проживания граждан посредством осуществления ею экономической деятельности, в ней также стали наблюдаться негативные тенденции, связанные с нерациональным расходованием денежных средств должностными лицами ОС. В результате противоправной деятельности должностных лиц ОС с 2005 по 2025 гг. зарегистрировано 113 уголовных дел по ст. 210 УК. Следует учитывать, что данное преступное явление носит латентный характер, в связи с чем официальные статистические данные о количестве регистрируемых уголовных дел не могут отражать в полной мере реальную криминогенную картину в целом.

Стоит отметить, что появление данного вида преступной деятельности привлекло внимание ученых и органов государственной власти. В научных трудах Д. Н. Маринкина¹⁰, К.А. Титовой¹¹ такие хищения в деятельности ОС рассматриваются как один из способов совершения хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. В имеющемся диссертационном исследовании ученого-криминалиста М.И. Парковской на тему: «Особенности расследования преступлений экономической направленности, совершенных лицами, выполняющими управленческие функции в садоводческих некоммерческих товариществах»¹², автор предпринимает попытку разработки криминалистических рекомендаций, направленных на повышение эффективности отдельных следственных действий в процессе расследования преступлений экономической направленности, совершенных лицами, выполняющими управленческие функции в садоводческих некоммерческих товариществах. Несмотря на то, что автор рассматривает закономерности данной преступной деятельности должностных лиц садоводческих товариществ, разработанные им рекомендации могут быть применимы для изучения таких закономерностей относительно и иных форм потребительских кооперативов.

На актуальность проблемы нецелевого расходования денежных средств в деятельности ОС обращено внимание российским ученым уголовного права и криминологии М.Н. Романовской, где автором дана уголовно-правовая характеристика преступным проявлениям в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами. Автор обозначает, что «актуальность указанной проблемы подчеркивается криминализацией экономики в мировых масштабах, заимствованием отечественным законодателем модели управления многоквартирными домами у зарубежных стран с передачей жилищно-коммунальных услуг частному бизнесу»¹³. М.Н. Романовская подчеркивает важность в настоящее время изучения комплекса теоретических и прикладных вопросов криминализации данного явления. Проблемы криминальной уязвимости сферы жилищно-коммунального хозяйства, в том числе и деятельности управляющих организаций, товариществ собственности, обозначены также такими российскими учеными науки уголовного права и криминологии, как Ю.В. Быстрова¹⁴, С.И. Кельм¹⁵, В.В. Казаков¹⁶, Д.Б. Чернышев¹⁷. В своих исследованиях они определяют причины, экономическую и социальную обусловленность возникновения преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства и деятельности данных организаций, обозначается актуальность проблемы существования данной преступности и разработки теоретико-практических мер для борьбы с указанными преступными проявлениями.

Несмотря на актуальность существования преступных проявлений в деятельности организаций собственности, в настоящее время в криминалистической научной литературе вопросы расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в деятельности ОС не исследовались.

⁹ Письмо Министерству Жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь № 2/13/3380 от 12.11.2025 г. «О предоставлении сведений».

¹⁰ Маринкин Д.Н. Расследование преступлений в сфере жилищно-коммунального комплекса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Нижегород. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2009. – 218 л.

¹¹ Титова К.А. Методика расследования хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Барнаул. юрид. ин-т МВД России. – Томск, 2009. – 232 л.

¹² Парковская М.И. Особенности расследования преступлений экономической направленности, совершенных лицами, выполняющими управленческие функции в садоводческих некоммерческих товариществах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2019. – 213 л.

¹³ Романовская М.Н. Криминализация нецелевого расходования денежных средств в сфере деятельности по управлению многоквартирными домами: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Хабар. гос. ун-т экономики и права. – Хабаровск, 2020. – 204 л. – Л. 5.

¹⁴ Быстрова Ю.В. Экономическая преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства и ее предупреждение: криминологическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Чечен. гос. ун-т. – Грозный, 2020. – 382 л.

¹⁵ Кельм С.И. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в жилищно-коммунальной сфере: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Омская Академия МВД РФ. – Омск, 2022. – 243 л.

¹⁶ Казаков В.В. Криминологические и уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым в жилищно-коммунальной сфере: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Акад. экон. безопасности МВД России. – М., 2011. – 198 л.

¹⁷ Чернышев Д.Б. Преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Урал. юрид. ун-т МВД России. – Новосибирск, 2021. – 230 л.

Проблема нарушений норм жилищного законодательства должностными лицами ОС, в том числе и роста преступных проявлений в деятельности данных организаций отмечена Министерством жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь в справке-обосновании необходимости принятия Закона от 29 декабря 2023 г. № 330-З «Об изменении законов по вопросам управления жилищным фондом и его эксплуатации»¹⁸. С целью решения сложившейся ситуации, законодатель вносит изменения в ЖК, расширяя полномочия местного исполнительного распорядительного органа в части предоставления ему возможности в любой момент истребовать для изучения документацию деятельности ОС в порядке контроля (копии протоколов общего собрания, финансовую отчетность о финансово-хозяйственной деятельности, копию трудового договора с председателем правления) и в случае неоднократного невыполнения председателем правления ОС указанного требования, аннулировать его свидетельство о прохождении профессиональной аттестации. В то же время, 80% опрошенных сотрудников правоохранительных органов считают, что принятые законодателем изменения в ЖК в части наделения дополнительными контрольными полномочиями местный исполнительный распорядительный орган в действительности не способны предотвратить всевозможные риски незаконного использования денежных средств ОС. Как правило, должностные лица ОС, предоставляя соответствующие документы в местный исполнительный распорядительный орган, в целях сокрытия нерационального использования денежных средств и имущества, могут привести документацию в надлежащий вид¹⁹. Сложившаяся на сегодняшний день криминогенная ситуация показывает, что принятые изменения в ЖК, которые, как предполагается, должны быть направлены на предотвращение незаконного расходования денежных средств членом ОС, в действительности не решают её коренным образом.

Результатами опроса сотрудников правоохранительных органов установлено отсутствие достаточных знаний законодательства, регламентирующего отношения участников совместного домовладения: 75% опрошенных знакомы только с нормами ЖК. Только 3% из всего количества опрошенных респондентов правильно определили порядок законного принятия юридического решения в ОС. Преобладающее большинство опрошенных подтвердило наличие имеющихся трудностей, связанных с осуществлением проверочных мероприятий, осуществления следственных действий по материалам проверки, уголовным делам в отношении должностных лиц ОС, по фактам совершения ими хищений с использованием своих служебных полномочий.

Заключение. Деятельность ОС по управлению общим имуществом жилых домов зарекомендовала себя в Республике Беларусь в качестве эффективной, имеющей основной целью осуществление эксплуатации и обеспечение сохранности имущества совместного домовладения. В то же время можно считать, что правовое становление деятельности ОС окончательно завершилось только в 2020 г., где данная деятельность представляет собой установленную законодательством деятельность юридического лица, потребительского кооператива, имеющую основную миссию – обеспечение эксплуатации общего имущества совместного домовладения, реализации собственниками прав пользования объектами недвижимого имущества и общим имуществом совместного домовладения, реализующей ее во главе с высшим органом – общим собранием членом ОС, руководителем ОС – председателем правления. С принятием изменений в ЖК, в нем нашли отражение правовые нормы, закрепляющие права и обязанности ОС и её членом, должностных лиц, полномочия контролирующего органа, порядок создания ревизионной комиссии и иные. Параллельно с правовым становлением деятельности ОС на территории Республики Беларусь, деятельность данных организаций привлекла внимание и ученых-экономистов, которые также исследовали эффективность осуществляемого управления посредством создания указанных организаций. Однако, как и любая экономическая деятельность, деятельность организаций собственности уязвима и подвержена коррупционным рискам. С момента начала осуществления деятельности организаций собственности на территории Республики Беларусь зафиксированы и первые эпизоды преступной деятельности её должностных лиц по факту совершения ими хищений путем злоупотребления служебными полномочиями.

Проблема существования хищений, совершаемых путем злоупотребления служебными полномочиями, в деятельности ОС и целесообразность разработки криминалистических рекомендаций, направленных на выявление и расследование указанных хищений, упоминалась в трудах некоторых российских ученых-криминалистов, а также в трудах российских ученых уголовного права и криминологии. Однако в юридической литературе вопросы разработки теоретико-практических рекомендаций по выявлению и расследованию хищений в деятельности ОС на монографическом уровне не исследовались.

В то же время с целью возможного решения проблемы незаконного расходования денежных средств должностными лицами ОС со стороны государства предпринимается законодательная попытка решения данной проблемы – принятие Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам управления жилищным фондом и его эксплуатации». Однако, несмотря на тщетные попытки законодателя искоренить данные коррупционные проявления, проблема по настоящее время остается нерешенной, что подтверждается регистрацией новых фактов преступной деятельности должностных лиц организаций собственности. Складывается понимание, что в целях борьбы с данными коррупционными проявлениями, в настоящее время имеющихся научных исследований и законодательной деятельности нормотворческих органов не достаточно.

¹⁸ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300330>

¹⁹ В рамках проводимого диссертационного опроса 87 сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями г. Минска («О проведении анкетирования» исх. УБЭП КМ ГУВД Мингорисполкома от 03.06.2025 № 25869овд.)

В связи с изложенным представляется целесообразным не только разработать криминалистические рекомендации, направленные на повышение качества раскрытия, расследования данных хищений, но и предложить новые мероприятия по противодействию коррупционным проявлениям, возникающим в деятельности рассматриваемых организаций. Латентный характер совершаемых хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в деятельности ОС предопределён, прежде всего, отсутствием достаточных знаний у сотрудников правоохранительных органов о теоретических и организационных аспектах расследования таковых. Необходимость и научный интерес к изучению закономерностей данной преступной деятельности обусловлена спецификой рассматриваемых правоотношений, складывающихся между собственниками жилых помещений с одной стороны и должностными лицами ОС, государственными органами и организациями – с другой, по вопросам управления общим имуществом жилых домов. Указанные правоотношения находят свою реализацию через их закрепление в нормах ЖК и иных подзаконных нормативных актах, определяющих в целом порядок деятельности ОС по управлению общим имуществом. Это может свидетельствовать о важности разработки и последующего изучения элементов криминалистической характеристики изучаемых хищений, обстоятельствах, подлежащих доказыванию при расследовании дел данной категории и некоторых организационных аспектов деятельности органов уголовного преследования при расследовании дел данной категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буховец Т.В. Проблемы создания товарищества собственников в домах с большим сроком эксплуатации // Актуальные проблемы современной экономики: материалы респ. конф. молодых ученых. Минск, 23 дек. 2003г. / Белорус. гос. экон. ун-т; редкол.: В.Н. Шимов (гл. ред.). – Минск, 2004. – С. 37–38.
2. Гейзлер П.С. Инновационная стратегия предприятий в посткризисный период и ее поддержка государством // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2014. – № 3. – С. 14–19.
3. Врублевский Б.И., Липницкий Т.В. Жилищно-коммунальное хозяйство: актуальные проблемы хозяйства // Белорусский экономический журнал. – 2004. – № 4. – С. 54–64.
4. Сивограков О.В., Фадеев В.А. Комментарий к Закону Республики Беларусь «О совместном домовладении». – Минск: Амалфея, 2000. – 64 с.
5. Буховец Т.В. Становление и развитие совместных домовладений в Республике Беларусь // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. – 2006. – № 5(58). – С. 22–27.
6. Буховец Т.В. Эффективность управления жилищным фондом путем создания товариществ собственников жилья // Труды БГТУ. Сер. Экономика и управление. – 2004. – № 7. – С. 413–418.

Поступила 10.03.2026

IN RELATION TO THE PROBLEM OF INVESTIGATION OF THEFT BY ABUSE OF OFFICIAL POWER COMMITTED IN THE ACTIVITIES OF THESE ORGANIZATIONS

E. TIMOFEYEVA

(Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk)

Based on the results obtained during a study of legislation regulating the relations of participants in joint home ownership, as well as existing domestic and international scientific literature, this article analyzes views on the development of owner organizations (hereinafter referred to as OS) in the Republic of Belarus. The activities of these organizations are one of the most popular methods of managing citizens' common property. However, in parallel with the widespread use of OS, there has been an increase in the registration of crimes committed by their officials, most often involving theft through abuse of office. Based on the above, the author analyzed the existing research findings on the investigation of these thefts, identified potential challenges for the criminal prosecution agency, noted positive trends in improving the provisions of the Housing Code of the Republic of Belarus (hereinafter referred to as HC), and, consequently, recognized the need to develop forensic recommendations for the investigation of this type of criminal activity.

Keywords: *owners' organization, joint home ownership, housing legislation, theft through abuse of office.*

УДК 347.23

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-121-124

**ПРАВОВОЙ СТАТУС ТИТУЛЬНОГО СОБСТВЕННИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ****В.А. ШАБРАТКО**

(ООО «Финспейс», Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6359-693X>

В статье исследуется правовой статус титульного собственника в Республике Беларусь через призму расхождения между формальным регистрационным закреплением права и фактическим объемом правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом. На основе анализа судебной практики, нотариальных процедур и публичных разъяснений государственных органов формулируется авторское определение титульного собственника как лица, указанного в регистрационных документах без гарантии совпадения с реальным составом собственников. Выявляются риски, возникающие при отчуждении недвижимого имущества и транспортных средств, особенно в условиях общей совместной собственности супругов. Оцениваются законодательные изменения 2025 года в сфере государственной регистрации недвижимости и их влияние на решение обозначенной проблемы. Делается вывод о сохранении нормативного пробела в автотранспортной сфере и предлагаются направления совершенствования регистрационной модели с целью повышения правовой определенности и баланса интересов участников гражданского оборота.

Ключевые слова: титульный собственник, право собственности, государственная регистрация, недвижимое имущество, транспортные средства, общая совместная собственность супругов, сосособственники, регистрационная модель, нотариальные процедуры, добросовестный приобретатель.

Введение. Гражданка Республики Беларусь в 2016 году заключила договор купли-продажи легкового транспортного средства. Через три недели в суд был подан иск о признании заключённого договора недействительным и истребовании автомобиля. Истцом выступила супруга продавца, указавшая, что транспортное средство являлось совместно нажитым имуществом и было отчуждено без её согласия¹. Указанный случай наглядно иллюстрирует расхождение между формальным статусом лица, определённого регистрационными документами как собственник, и фактическим объёмом его правомочий по распоряжению имуществом. В юридической практике подобные случаи часто описываются через категорию «титульного собственника».

Актуальность исследования обусловлена распространённостью подобных правовых ситуаций в сфере оборота недвижимого имущества и транспортных средств, а также их влиянием на стабильность гражданского оборота и уровень правовой определённости. Несоответствие между регистрационными данными и реальным составом сосособственников порождает риски оспаривания сделок, затрагивает интересы добросовестных приобретателей и осложняет правоприменительную практику.

Целью настоящего исследования является выявление правовой природы феномена титульного собственника и анализ проблем, возникающих в связи с его существованием в регистрационной модели Республики Беларусь. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: определить содержание понятия «титульный собственник», проанализировать особенности его проявления в сфере недвижимости и транспортных средств, выявить связанные с ним правовые риски и предложить направления совершенствования законодательства.

Основная часть. Несмотря на активное использование в юридической практике, термин «титульный собственник» редко применяется в национальной научной литературе и не имеет общепринятого определения. Так, например, Ананич С.М. в своей работе, не вводя отдельной терминологии, упоминает титульного собственника в контексте прав супругов при наследовании имущества. [1, с. 83]. Также национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь Pravo.by, комментируя законодательные новеллы в сфере недвижимого имущества, акцентирует внимание на титульных собственниках, разъясняя изменения, связанные с регистрационными процедурами². Иные государственные органы и организации активно используют в своих решениях и комментариях термин «титульный владелец», который является более узким понятием, но также отражает указанную тенденцию. В частности, в официальных комментариях прокуратуры г. Минска используется термин «титульный владелец» при рассмотрении споров о возмещении вреда, в которых отмечается, что определяющим для возложения ответственности является факт сохранения за лицом зарегистрированного титула на транспортное средство вразрез с фактической передачей автомобиля иному физическому лицу³. Верховный суд Республики Беларусь в постановлении по делу № 166-11/А/К/К от 27.04.2021 г., рассматривая спор об истребовании имущества из чужого незаконного владения, также применяет термин «титульный владелец» для определения круга субъектов, наделённых правом на предъявление соответствующего требования, отождествляя его с необходимостью доказать наличие права собственности или иного законного титула на вещь⁴.

¹ Новостной интернет-портал abw.by. URL: <https://abw.by/news/law/2016/09/08/oformila-dogovor-kupliprodazhi-v-gai-no-vse-ravno-mogu-lishitsya-avtomobilya-istoriya-odnogo-razvoda>

² URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/june/89049/>

³ URL: <https://minsk.gov.by/ru/org/7313/attach/519bdda/20170518.shtml>

⁴ URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/practice/acts_vs/economics/34f1c09502634ad4.html

Систематичность употребления указанного понятия в публичных разъяснениях и правоприменительной практике обуславливает необходимость его научного определения. Под титульным собственником в рамках настоящей работы предлагается понимать лицо, в установленном законом порядке обозначенное в правоустанавливающих и регистрационных документах в качестве собственника имущества, статус которого не предопределяет безусловного совпадения с фактическим и юридическим единоличным владением, пользованием и распоряжением данным имуществом.

Исходя из определения можно выделить основную проблематику «титульного собственника».

Ввиду того, что в регистрационных документах указывается только одно лицо, на которое оформлено право титульного представления, иные сособственники там не отмечаются. Подобная ситуация наблюдается в регистрационных документах на недвижимое имущество и транспортные средства. Так, например, в регистрационных документах на автомобиль не отражается режим общей совместной собственности супругов, а в документах на недвижимое имущество не указываются собственники долей, которые существуют, но не выделены, как, например, в случае приватизации. Именно в таких случаях лица, участвовавшие в приватизации, зачастую являются невыделенными собственниками доли в праве собственности на недвижимое имущество⁵, не осознавая этого.

Следует отметить, что подобная ситуация не представляет существенной проблемы в случаях, когда существуют нотариальные и регистрационные процедуры, позволяющие с высокой долей вероятности установить наличие иных собственников недвижимого имущества. Так, рассматривая вышеупомянутую сделку по продаже приватизированной квартиры, нотариус должен истребовать документы, позволяющие установить участников общей собственности⁶. Однако законодательными актами и постановлениями не определено, какие именно документы должны быть истребованы нотариусом. Такие документы могут содержаться в методических рекомендациях и разъяснениях подведомственных органов. Однако в случае их отсутствия либо пропуска нотариусом соответствующих сведений нотариус, не фиксируя в свидетельстве о государственной регистрации недвижимого имущества иных собственников, может совершить сделку без их участия, что впоследствии может привести к её оспариванию указанными лицами.

Особую обеспокоенность вызывают сделки по отчуждению транспортных средств и недвижимого имущества, связанные с режимом общей совместной собственности супругов. В данной ситуации титульный собственник, указанный в свидетельстве, вправе сообщить об отсутствии супруги (в том числе бывшей супруги). Если нотариус не найдёт в электронной базе данных соответствующей информации после считывания идентификационной карты гражданина⁷ либо не обнаружит отметок в паспорте, ему предлагается подать заявление об отсутствии супруга. В таком случае нотариус обязан разъяснить, что неявленный супруг вправе претендовать на соответствующее имущество⁸. В большинстве случаев, согласно правоприменительной практике, недобросовестному лицу, не указавшему свой текущий или расторгнутый брак, не может быть вменена уголовная ответственность. Существует ряд ситуаций, при которых нотариус может не обнаружить необходимые сведения в документах, удостоверяющих личность. Так, при считывании идентификационной карты нотариус может не видеть сведения о заключённых и расторгнутых браках, если они не прошли процедуру оцифровывания. Кроме того, в заменённом паспорте может отсутствовать информация о расторгнутом браке, поскольку органы по гражданству и миграции не обязаны переносить такие сведения в новый документ⁹.

11 июня 2025 года вступил в силу Закон Республики Беларусь от 5 декабря 2024 г. № 44-3 «Об изменении законов по вопросам государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним». Указанный закон предусматривает необходимость внесения в запись о зарегистрированном праве собственности на недвижимое имущество сведений о каждом собственнике, в том числе в случае общей совместной собственности (п. 3.2 ст. 27, ст. 63). Именно данные положения начинают решать проблему титульных собственников в сфере недвижимого имущества, поскольку с 11 июня 2025 года в свидетельстве о государственной регистрации подлежат отражению сведения не только о лице, выступившем стороной сделки, но и о лице, приобретающем право совместной собственности наряду с ним. Следует отметить, что данный закон позволяет остановить дальнейшее прогрессирование проблемы титульных собственников в сфере недвижимости, однако его положения не обеспечивают её комплексного и системного разрешения. Свидетельства о государственной регистрации, выданные до указанной даты, не подлежат обязательному приведению в соответствие с новой формой, что сохраняет ранее обозначенные проблемы, связанные с титульными собственниками.

На данный момент проблема титульного собственника не получила своего разрешения в сфере регистрации транспортных средств. При регистрации транспортных средств Государственная автомобильная инспекция (далее – ГАИ) не обязана запрашивать сведения и документы об иных сособственниках имущества, например, свидетельство о заключении брака¹⁰. Нормативные акты предусматривают необходимость указания только тех лиц, которые установлены правоустанавливающими документами (договор купли-продажи/мены/дарения и др.). При этом в случае,

⁵ Жилищный кодекс Республики Беларусь № 428-3 от 28.08.2012, п. 5 ст. 188.

⁶ Инструкция о порядке совершения нотариальных действий, утверждённая постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь № 63 от 23.10.2006, п. 18.

⁷ Закон Республики Беларусь № 305-3 от 18.07.2004 «О нотариате и нотариальной деятельности», п. 1 ст. 25.

⁸ Инструкция о порядке совершения нотариальных действий, п. 2.

⁹ Инструкция о порядке организации работы по выдаче, учету, обмену, признанию недействительным, изъятию, хранению, уничтожению паспорта гражданина Республики Беларусь, утверждённая постановлением Министерства внутренних дел № 251 от 12.07.2024, п. 30.

¹⁰ Указ президента Республики Беларусь № 200 от 26.04.2010 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан», п. 15.11.

если правоустанавливающими документами прямо предусмотрено наличие иных долевых собственников имущества, сведения о таких лицах, помимо титульного собственника, указываются в свидетельстве о государственной регистрации в графе «Особые отметки»¹¹. Исходя из данной диспозиции, следует, что лишь при наличии брачного договора, прямо закрепляющего соответствующее распределение прав на имущество супругов, один из них может быть указан в качестве титульного собственника, а второй – отражён в графе «Особые отметки».

Следует выделить также дополнительные процессуальные сложности, связанные с проблемой титульных собственников. Рассмотрим это на примере сделок с транспортными средствами. Поскольку в свидетельстве о государственной регистрации указан только один собственник – титульный, именно он участвует во всех последующих процессуальных действиях, связанных с транспортным средством. Например, при внесении изменений в свидетельство о государственной регистрации (например, при смене цвета или иных существенных характеристик) и при снятии транспортного средства с учёта требуется присутствие титульного собственника¹². Супруг или супруга титульного собственника может выполнять указанные действия по нотариальной доверенности¹³. В таком случае у государственных органов не возникает сложностей при взаимодействии с представителем собственника. Напротив, потенциальные покупатели транспортного средства часто скептически относятся к совершению сделок по нотариальной доверенности из-за возможных правовых рисков: они опасаются, действует ли доверенное лицо в интересах доверителя, и что его действия впоследствии могут быть оспорены.

Помимо сложностей, возникающих при регистрации транспортных средств, существуют практические проблемы, связанные с положением титульного собственника транспортного средства. Например, семья, располагающая одним транспортным средством в совместном пользовании, зарегистрированным на одного титульного собственника, получает все постановления о наложении штрафов на указанного титульного собственника без уточнения фактического водителя¹⁴. В дальнейшем указанные постановления можно обжаловать в ГАИ, что требует личного присутствия титульного собственника вместе с фактическим водителем и занимает дополнительное время. В связи с изложенным титульный собственник может усмотреть необходимость передачи своего титула на транспортное средство лицу, которое чаще его использует – супругу или супруге.

Именно в данной ситуации можно выделить ещё одну проблему. Законодательство Республики Беларусь не содержит правовых инструментов для смены титульного собственника между супругами без существенных изменений в правовом режиме собственности и пользования транспортным средством. Основными способами законодательство предусматривает куплю-продажу, мену и дарение. Договор купли-продажи предполагает внесение покупателем реальной рыночной стоимости продавцу, что требует объяснения источника этих средств перед налоговыми органами. Впоследствии это может лишать покупателя установленных налоговых льгот. Договор мены имеет сходные с договором купли-продажи сложности, за исключением того, что вместо денежных средств необходимо предоставить товар, равный рыночной стоимости транспортного средства. Договор дарения влечёт изменение режима собственности имущества и выводит транспортное средство из общей совместной собственности супругов в личную собственность одного из них. В судебной практике такой договор дарения может рассматриваться как в пользу сохранения имущества в общей собственности супругов, так и в пользу индивидуального закрепления имущества за одним из супругов, что не соответствует изначальной цели смены титульного собственника без изменения режима собственности.

Вышеуказанная проблема до 11 июня 2025 года была также актуальной для сделок с недвижимым имуществом. Однако с вступлением в силу новых положений закона супруги получили возможность самостоятельно подавать заявление на внесение себя в свидетельство о государственной регистрации в качестве второго собственника объекта недвижимого имущества, являющегося общей совместной собственностью¹⁵. Статья 256 Гражданского кодекса Республики Беларусь устанавливала диспозицию о том, что каждый из участников совместной собственности вправе совершать сделки по распоряжению общим имуществом, при этом требуется письменное согласие иных участников. Из данной нормы следует, что каждый из супругов может распоряжаться имуществом, а другому участнику необходимо предоставить согласие, нотариальное либо письменное при личном обращении. Ранее нормы данной статьи не могли применяться из-за существовавших процедурных ограничений. Например, пункт 14 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, утверждённой Постановлением Министерства юстиции № 63 от 23.10.2006 г. устанавливает обязанность нотариуса истребовать документы, подтверждающие государственную регистрацию соответствующего права на имущество или государственную регистрацию имущества на имя отчуждателя или залогодателя. Поскольку в документах был указан только один титульный собственник, именно это лицо считалось основным при заключении сделок, а другие участники предоставляли согласие на совершение сделки.

Заключение. Проведённый анализ позволяет выявить существующую проблему «титульных собственников» в Республике Беларусь, а также сформулировать научное определение данного понятия. Можно утверждать, что данный феномен представляет собой не самостоятельную единицу материального гражданского права, а результат особенностей

¹¹ Положение о порядке государственной регистрации и государственного учёта транспортных средств, их снятия с государственного учёта и внесения изменений в документы, связанные с государственной регистрацией транспортных средств, утверждённое постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 691 от 28.11.2025, п. 11.

¹² Указ президента Республики Беларусь № 200, п. 15.11.

¹³ Гражданский кодекс Республики Беларусь № 218-3 от 07.12.1998, ст. 183.

¹⁴ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях № 91-3 от 06.01.2021, ст. 4.8.

¹⁵ Закон о государственной регистрации недвижимого имущества, п. 1.5. ст. 31.

нашей регистрационной модели, где в реестрах и документах на имущество отражается лишь формальный носитель права без гарантии совпадения с действительным объёмом владения, пользования и распоряжения им. Данная ситуация системно снижает уровень правовой определённости гражданского оборота и может ослаблять доверие к регистрационным процедурам и органам как к источнику полной и достоверной информации о составе собственников. Законодательные новеллы 2025 года в сфере недвижимого имущества являются крайне положительными, однако носят перспективный характер. Они не устраняют ранее сформированные риски и создают двухуровневое правовое положение объектов недвижимости. В автотранспортной сфере сохраняется модель повышенной правовой уязвимости, что недостаточно обеспечивает баланс интересов титульного собственника, невыделенного сособственника и добросовестного приобретателя. Данная проблематика выходит за пределы частноправовых случаев, влияя на распределение административной ответственности и процессуальных обязанностей, и при отсутствии специального механизма смены регистрационного титула между супругами без изменения режима собственности на имущество выявляется нормативный пробел, требующий соответствующего регулирования.

Представляется целесообразным предложить следующие меры по совершенствованию действующего законодательства:

1. Необходимо закрепить понятие «титульный собственник» через официальные разъяснения государственных органов или постановления Верховного суда Республики Беларусь, обозначив тем самым существующую правовую проблему.

2. Необходимо унифицировать регистрационную модель движимого и недвижимого имущества. Следует установить обязанность органов, осуществляющих государственную регистрацию транспортных средств, отражать сведения о режиме общей совместной собственности по аналогии с обновлённой моделью регистрации недвижимого имущества.

3. Целесообразно ввести специальный регистрационный механизм для изменения титульного собственника между супругами без изменения правового режима собственности на имущество. Данное нововведение позволило бы эффективно перераспределять регистрационный статус без применения конструкций, не соответствующих изначальным целям супругов.

4. Необходимо для объектов, связанных с недвижимым имуществом (после введения схожих новелл в сфере регистрации транспортных средств, то и с транспортными средствами) использовать все возможности для комфорта граждан, но в то же время полнообъёмного внесения ранее не указанных собственников имущества. Данное нововведение позволит уменьшить правовую неопределённость по сделкам, заключённым до 11 июня 2025 года. Например, при окончательном погашении долговых требований по приватизации и желании снять отметку со свидетельства регистраторы агентств по государственной регистрации и земельному кадастру могут сразу запрашивать специализированную документацию (договор приватизации, справку о начисленных жилищных квотах и т.д.), чтобы заранее определить и вписать всех собственников данного имущества. Аналогичные действия могут применяться и для объектов общей совместной собственности при снятии ипотеки, ареста, проведении проектных и иных работ, требующих обращения в агентство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананич С.М. Некоторые вопросы оформления прав супругов при наследовании имущества // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н.Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О.Н. Здрок (отв. ред.). – Минск: БГУ, 2018. – С. 82–86.

Поступила 10.03.2026

LEGAL STATUS OF THE TITLE OWNER IN THE REPUBLIC OF BELARUS: LEGAL NATURE AND PRACTICAL ISSUES

U. SHABRATKA
(LLC «Finspace», Minsk)

The article examines the legal status of the title owner in the Republic of Belarus through the lens of the divergence between formal registration of ownership and the actual scope of rights to possess, use, and dispose of property. Based on an analysis of judicial practice, notarial procedures, and public clarifications issued by state authorities, the author formulates a definition of the title owner as a person indicated in registration documents without any guarantee of correspondence with the actual composition of co-owners. The article identifies risks arising from the alienation of real estate and vehicles, particularly in the context of spouses' joint ownership. The 2025 legislative amendments in the field of state registration of real estate are evaluated for their impact on addressing this issue. The study concludes that a regulatory gap remains in the automotive sector and proposes directions for improving the registration model to enhance legal certainty and balance the interests of participants in civil transactions.

Keywords: *title owner, property ownership, state registration, real estate, vehicles, spouses' joint ownership, co-owners, registration model, notarial procedures, bona fide purchaser.*

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-125-129

**НАПРАВЛЕНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ПРИ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ¹**

канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
e-mail: i.shakhnovskaya@psu.by

В статье рассматриваются различные аспекты цифровизации конституционного строя в Республике Беларусь, на основе научных трудов предшественников обосновывается необходимость признания идеи цифрового конституционализма как следствия внедрения цифровых технологий в различные общественные отношения. Автор рассматривает отдельные аспекты воздействия цифровых технологий, в частности, технологий искусственного интеллекта на институты конституционного права. В целях ликвидации цифрового разрыва между конституционно-правовой нормой и реальностью предлагаются изменения и дополнения действующего законодательства. В частности, были предложены изменения и дополнения в Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» в части уточнения содержания принципа гуманизма в нормотворческой деятельности, что позволит обеспечить реализацию конституционного принципа приоритета прав и свобод личности.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, искусственный интеллект, конституционный строй, цифровой конституционализм, права и свободы, институты конституционного права.

Введение. Актуальность исследования определена стремительным развитием и внедрением цифровых технологий в область конституционно-правовой действительности. В связи с этим возникает противоречие между действующей конституционно-правовой нормой и правовой реальностью, что требует достижения баланса посредством внесения изменений и дополнений. Воздействие цифровых технологий требует переосмысления принципов и институтов конституционного права.

Цель исследования – определить направления воздействия цифровых технологий на различные сферы конституционно-правовой действительности, что позволит разработать рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики и законодательства Республики Беларусь.

Использование технологий искусственного интеллекта в современный период становится предметом исследования ряда юридических наук. При этом особую важность приобретает определение степени конституционно-правового регулирования («конституционно-правового вмешательства») общественных отношений, подвергающихся воздействию цифровых технологий. Важность исследования вопроса обусловлена значимостью конституционного права как ведущей отрасли права, определяющей фундаментальные принципы регулирования всех отраслей права. Точное разграничение определения степени конституционно-правового регулирования данных аспектов позволит определить пределы конституционно-правового регулирования цифровизации общественных отношений. На наш взгляд, именно конституционное право, как основополагающая отрасль права, должно задать идею и концепцию цифровизации конституционно-правовых институтов с неукоснительным соблюдением конституционных норм и принципов. Такой подход обусловлен фундаментальностью конституционно-правовых норм, регламентирующих общие положения для формирования иных отраслей права, а также императивным характером данной отрасли права, входением в предмет конституционного права наиболее важных и значимых для общества и государства общественных отношений.

Основная часть. В рамках конституционно-правовой реальности одним из направлений воздействия цифровых технологий выступает цифровизация конституционного строя. Вопросы цифровизации основ конституционного строя становились предметом исследования ряда научных трудов И.Н. Плотниковой [1], А.В. Григорьева [2], М.С. Савченко [3], Е.В. Киричек [4] и др. Прогрессивной научной идеей выступает идея формирования цифрового конституционализма. Так, В.В. Гончаров, С.Ю. Поярков и М.С. Савченко отмечают, что в основе теории цифрового конституционализма находится понятие цифровой среды как новой конституционной реальности с собственными механизмами власти, режимами и т.д. [3, с. 205]. К числу принципов цифрового конституционализма авторы относят принцип цифровой свободы, алгоритмической прозрачности, защиты автономии личности.

Рассматривая цифровой конституционализм как следствие цифровизации основ конституционного строя, необходимо определять его как политико-правовую систему, основанную на внедрении цифровых технологий во все сферы конституционно-правовых отношений, оказывающих воздействие на трансформацию институтов конституционного права. Цифровой конституционализм содержит в себе противоречие, существующее в настоящий момент в правовой реальности: с одной стороны, конституционный строй характеризуется стабильностью, с другой стороны, внедрение цифровых технологий носит динамичный характер, создавая определенные последствия,

¹ Статья подготовлена при реализации гранта Белорусского фонда фундаментальных исследований Г25ИИ М-025 «Конституционные права и свободы личности в условиях использования технологий искусственного интеллекта: способы реализации и защиты».

нуждающиеся в правовом регулировании. Следовательно, возникает «цифровой разрыв» между конституционно-правовой нормой и конституционной реальностью.

Особое внимание необходимо обратить на возможные конституционные риски в области обеспечения принципов конституционного строя, конституционных прав и свобод личности. В частности, это связано с возрастанием роли и значения искусственного интеллекта в правовых отношениях. С целью недопустимости умаления прав и свобод личности, а также обеспечения принципа юридического антропоцентризма (как недопущение «замещения» человека искусственным интеллектом) необходимо уточнить понимание принципа гуманизма в нормотворческой деятельности. В связи с этим предлагаем внести дополнения в часть 4 статьи 6 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» и изложить норму в следующей редакции:

Принцип гуманизма выражается в признании неотъемлемых фундаментальных прав граждан на человеческое достоинство и свободное развитие личности, самоопределение, личной и общественной (солидарной) ответственности граждан за свое нравственное и материальное благополучие. Принцип гуманизма означает, что нормотворческие органы (должностные лица) при планировании, подготовке, принятии (издании) и реализации нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере внедрения и реализации цифровых технологий, учитывают конституционный принцип признания человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности и цели для общества и государства.

Одним из проблемных аспектов выступает понимание роли искусственного интеллекта в системе реализации принципа разделения властей. Сущность принципа разделения властей исследована в общей теории права давно. В целом, принцип разделения властей заключается в одновременном существовании нескольких органов государственной власти (нескольких систем), полномочия которых конкретно определены. При этом ни одна власть не вправе подменять полномочия другой [5, с. 451]. В условиях внедрения технологий искусственного интеллекта, безусловно, важно переосмыслить содержание принципа разделения властей.

Так, сама по себе цифровизация значительным образом оказывает влияние на направления взаимодействия между государственными органами в рамках системы разделения властей, на перераспределение полномочий между ними. В частности, в настоящий момент происходит сосредоточение принятия решений в области цифровизации в рамках одного центра (как правило, государственного органа исполнительной ветви власти).

В Республике Беларусь принят Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 года № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации»², согласно которому Министерство связи и информатизации Республики Беларусь наделяется дополнительными полномочиями органа государственного управления в сфере цифрового развития, в частности, по разработке государственной политики в области цифрового развития, проектов нормативных правовых актов в данной сфере, осуществляет контрольно-надзорную деятельность за соблюдением нормативных правовых актов в области цифрового развития и др. Кроме того, данным Указом созданы Центр цифрового развития, Центр перспективных исследований, Совет по проектам в сфере цифрового развития. Следовательно, сфера цифрового развития (сквозь призму реализации отдельных полномочий) передана на ведомственный уровень, что свидетельствует об усилении органов исполнительной власти в системе разделения властей в принятии данного круга решений.

Использование цифровых технологий, в частности, технологий искусственного интеллекта, оказывает влияние на содержание и реализацию суверенитета как неотъемлемого признака государства. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 1 Конституции Республики Беларусь «Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику». В современный период государству важно сохранить свою независимость и полноту власти на своей территории. В связи с цифровизацией общественных отношений особую значимость в данном ключе приобретает необходимость сохранения суверенитета в цифровой среде (информационного суверенитета) как права государства самостоятельно проводить информационную политику, свободно распоряжаться своими информационными ресурсами. Трансформация суверенитета в современный период происходит не только в области появления новых его форм, а также переосмысления суверенитетов (носителей той или иной формы суверенитета). Например, ведутся научные дискуссии о признании организаций, личности в качестве носителей суверенитета (в частности, цифрового суверенитета), что не характерно для классической теории конституционного права [6, с. 49; 7, с. 193]. И здесь важно понимать, как наука конституционного права будет «реагировать» на появление новых форм суверенитета, определить пределы конституционного регулирования информационного и цифрового суверенитета.

По большей части его появление связано с распространением влияния цифровых технологий за пределы классического понимания «территории государства», что вызвало проблемные дискуссии в области методов обеспечения цифрового суверенитета, а также с развитием и внедрением цифровых технологий. Причем обычно родоначальником «цифрового суверенитета» считают Джона Барлоу с его Декларацией независимости киберпространства, в которой автор отрицает возможности государства контролировать киберпространство, признавая при этом само пространство сувереном [8]. А к числу первых западных исследователей цифрового суверенитета государства обычно относят Пьера Белланжера, который под данной категорией понимал «контроль над сегодняшним днем и нашей общей судьбой, которые являют себя и формируются через применение технологий

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32200136&p1=1&p5=0>.

и компьютерных сетей» [9, с. 154]. К примеру, Д.А. Карев относит цифровой суверенитет к новому виду суверенитета [10, с. 81]. При этом автор вкладывает в содержание данного понятия многие аспекты государственной независимости: не только в технологической сфере, но также выделяет и социальную, и экономическую составляющие. А.К. Дубень под цифровым суверенитетом понимает возможность независимого суверенного государства самостоятельно определять степень и способ участия в информационной деятельности при применении цифровых технологий для реализации собственных интересов и противодействия противоправным действиям в национальном информационном пространстве [11, с. 89]. Очевидно, что здесь происходит содержательное ограничение сферы реализации цифрового суверенитета в отличие от информационного: цифровой суверенитет предполагает независимую и самостоятельную власть государства при применении цифровых технологий.

Следовательно, под цифровым суверенитетом государства понимается форма государственного суверенитета, включающая в себя самостоятельность и независимость государства в области применения и распоряжения национальными цифровыми технологиями, основной задачей которого является защита собственных технологических решений от внешнего влияния.

Внедрение технологий искусственного интеллекта стало причиной для трансформации идеи цифрового суверенитета в конституционном праве в части расширения круга носителей (суверенов) за счет включения отдельной личности. Концепция формирования цифрового суверенитета личности, на наш взгляд, основывается на положениях Общего регламента по защите данных (Directive EU 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (далее – GDPR)³. Так, GDPR были регламентированы такие права личности в отношении распоряжения своими данными в цифровой среде, как право не подвергаться решениям, принимаемым на основе технологий искусственного интеллекта, право на уточнение и удаление данных, право на ограничение обработки, право на переносимость данных и др. Таким образом, первоначальное понимание цифрового суверенитета личности основывалось на совокупности полномочий личности в области осуществления контроля, распоряжения своими данными в цифровом пространстве. В то же время прогрессивное зарубежное регулирование позволило расширить доктринальное понимание данного понятия. В частности, французская и китайская правовые системы включили в него «право на цифровую смерть», а также предоставили определенные права родственникам по распоряжению данными субъекта в цифровом пространстве после его смерти.

С учетом изложенного доктринальное осмысление цифрового суверенитета происходит по двум основным направлениям (критерием различия при этом выступает носитель суверенитета): цифровой суверенитет государства и цифровой суверенитет личности. С позиций конституционно-правовой науки цифровой суверенитет государства относится к основным признакам государства как основного института политической системы, его атрибутам. При этом цифровой суверенитет государства является основополагающим условием для развития цифровой экономики, поскольку направлен на достижение независимости в сфере создания, использования и распоряжения цифровыми технологиями. Относительно цифрового суверенитета личности определимся, что данное понятие вытекает из одного из основных конституционных прав – права на частную жизнь, трансформированное таким образом в условиях существования цифрового пространства. Кроме того, государство при разработке направлений реализации цифрового суверенитета создает условия для реализации цифрового суверенитета личности, поскольку защита персональных данных является одной из задач для государства. Вопросы соотношения цифрового суверенитета государства и цифрового суверенитета личности находятся также в русле достижения конституционно-правового баланса между интересами государства и интересами личности.

Следующим аспектом влияния технологий искусственного интеллекта является конституционный институт прав и свобод личности. Посредством появления новых «цифровых» прав и свобод, таких как:

- право на доступ в Интернет;
- право на защиту цифровой идентичности;
- право на обеспечение цифрового суверенитета личности;
- право на защиту от информационных манипуляций;
- право на защиту от цифровой дискриминации;
- право на защиту персональных данных;
- право на отзыв данных, право на забвение в цифровом пространстве;
- право на защиту от противоправных деяний в цифровом пространстве;
- право на оспаривание решений и действий систем искусственного интеллекта в отношении себя;
- право на отказ от использования цифровых технологий и др.

Большая часть вышеобозначенных прав имеет конституционно-правовую природу возникновения и базируется на неприкосновенности личности, праве на защиту частной жизни, имеющих свое выражение в сети Интернет. Понятие частной жизни в условиях цифровизации подлежит расширительному толкованию и должно включать, на наш взгляд, следующие обязательные «цифровые понятие и категории»: цифровой образ, цифровой след, персональные данные, цифровая идентичность и т.д. В связи с этим особую актуальность вызывает необходимость дачи толкования ч. 1 ст. 28 Конституции Республики Беларусь Конституционным Судом Республики Беларусь в рамках реализации полномочий, предусмотренных Законом Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве».

³ URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>.

В качестве еще одного направления воздействия технологий искусственного интеллекта в рамках конституционно-правового регулирования является трансформация конституционных принципов. Так, в условиях цифровизации конституционно-правовой действительности важно обеспечить сохранность таких фундаментальных принципов конституционного права, как:

1. Принцип приоритета прав и свобод личности перед интересами общества и государства. Данный постулат четко определяет положение личности в системе отношений, подвергающихся воздействию цифровых технологий, в части трансформации конституционных прав и свобод. Данный принцип гуманизма ставит личность в центр, обязывая государство сохранять и обеспечивать его права и законные интересы. Такой принцип следует называть юридическим антропоцентризмом. Так, признавая человека центральным субъектом правовой системы (как субъекта правотворчества и как субъекта правоприменения), все чаще возникают вопросы о воздействии цифровых технологий на правосознание, на мотивы совершения юридически значимых действий субъектом правоотношений.

2. Принцип прямого действия Конституции (ч. 2 ст. 7 Конституции Республики Беларусь). Особую значимость в процессе цифровизации приобретает необходимость обеспечить точную сохранность конституционных ценностей нашего государства, что достижимо, в первую очередь, благодаря прямому действию норм Основного Закона государства.

3. Неукоснительное обеспечение принципа верховенства права. Сохранение прежнего места личности в системе правоотношений в цифровой среде возможно, безусловно, благодаря реализации принципа верховенства права. Именно право выступает универсальным регулятором общественных отношений и именно перед правом стоит задача определять правила использования технологий искусственного интеллекта, основанных на рекомендациях международного права (речь идет о разработанных этических принципах регулирования искусственного интеллекта).

4. Сохранение и обеспечение конституционного принципа равенства. В соответствии со ст. 22 Конституции Республики Беларусь «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов». Современное развитие информационных технологий оказывает влияние и на обеспечение принципа равенства граждан. Все чаще возникают дискуссии о существовании «цифрового разрыва», разработке мер по преодолению данного негативного явления. Не следует считать «цифровое неравенство» самостоятельной категорией, это всего лишь результат проявления неравенства в силу возраста, материального уровня жизни, культуры, знаний и возможностей по причине внедрения информационных технологий. Цифровое равенство в настоящий момент следует рассматривать в тесной связи с обеспечением каждому достойного уровня жизни. Согласно ч. 2 ст. 21 Конституции Республики Беларусь в понятие достойного уровня жизни включены достаточное питание, одежда и жилье, а также постоянное улучшение этих показателей. Однако современная реальность требует отнесения к достойному уровню жизни и постоянное улучшение показателей в области доступа населения к информационным технологиям, являющихся необходимыми в ряде случаев как средство удовлетворения базовых потребностей человека. На основании этого видится целесообразным изложение ч. 2 ст. 21 Конституции Республики Беларусь в следующей редакции:

Каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье, доступ к информационным технологиям и постоянное улучшение необходимых для этого условий.

Цифровизация конституционного строя влечет за собой угрозу трансформации семейных, национальных и иных ценностей белорусского народа.

1. Угрозы нарушения формирования традиционных семейных ценностей у несовершеннолетних. Несовершеннолетние как социальная общность находятся в социально уязвимом положении по причине несформированности взглядов, восприятия действительности. Вовлеченность несовершеннолетних в коммуникацию посредством социальных мессенджеров, восприятие информации, в большинстве случаев, через различные информационные каналы влечет за собой угрозы для правильного понимания конституционных ценностей Республики Беларусь.

Важные шаги в данном направлении сделаны белорусским законодателем. Так, Законом Республики Беларусь от 12 июля 2025 г. № 86-З «Об изменении законов по вопросам обеспечения прав детей» внесены важные изменения в Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» (далее – Закон), направленные на усиление сохранения семейных, культурных и исторических ценностей белорусского народа, в частности, в ст. 14 Закона дополнены обязанности ребенка по уважению культурных ценностей и исторической памяти белорусского народа, в ст. 17 Закона повышена ответственность института семьи за ребенка в данной сфере.

2. Угроза понимания института семьи сквозь призму воспитания в цифровой среде.

3. Риск утраты культурных ценностей по причине глобальной унификации феномена культуры, транслируемого в цифровой среде.

4. Абсолютизация позитивных возможностей цифровой среды, что является одним из рисков гуманитарной безопасности [12].

5. Деформация исторической памяти и подвига белорусского народа в цифровой среде посредством глобального распространения информации, искажающей вклад белорусского народа в победу в Великой Отечественной войне. На последнем конституционном референдуме (2022 год) такие конституционные ценности были включены в текст Основного закона Республики Беларусь.

Вышеобозначенное определенно указывает на необходимость формирования идеологии белорусского государства в цифровой среде, которая должна представлять собой систему взглядов и ценностей на направления развития цифрового государства, а также ограничения и пределы внедрения цифровых технологий, основанных фундаментальных принципах конституционного строя. Такая идеология должна быть основана на необходимости обеспечения цифрового суверенитета, признании принципа юридического антропоцентризма, сохранении традиционных ценностей белорусского народа.

Заключение. Цифровизация основ конституционного строя влечет за собой формирование концепта цифрового конституционализма как особой политико-правовой системы, в рамках которой осуществляется внедрение цифровых технологий во все сферы конституционно-правовых отношений, трансформирующих конституционно-правовые институты. Воздействию цифровых технологий подвергаются множество институтов конституционного права, таких как институт прав и свобод личности, суверенитета, институт принципов конституционного строя, институт публичной власти и др. Имеющийся цифровой разрыв между конституционно-правовой нормой и конституционной реальностью требует внесения изменений и дополнений в законодательство Республики Беларусь. В частности, были предложены изменения и дополнения в Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» в части уточнения содержания принципа гуманизма в нормотворческой деятельности, что позволит обеспечить реализацию конституционного принципа приоритета прав и свобод личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плотникова И.Н. Реализация принципов экономических основ конституционного строя на современном этапе развития России в условиях цифровизации // Вестник Саратовской юридической академии. – 2023. – № 6. – С. 80–85.
2. Григорьев А.В. Реализация конституционного права граждан на управление делами государства в условиях цифровизации // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 45–57.
3. Гончаров В.В., Поярков С.Ю., Савченко М.С. Цифровой конституционализм: эволюция правовых принципов в условиях цифровизации современного общества // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 8. – С. 203–215.
4. Киричек Е.В. Цифровизация в конституционно-правовом измерении // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 29–40.
5. Марченко М.Н. Теория государства и права. – Ч. 1.: Теория государства: учеб. – М., 2011. – С. 451.
6. Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 48–69.
7. Паншина С.В., Чимаров С.Ю. Социальный аспект информационного суверенитета личности в пределах концепции «прайвэси» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 6. – С. 192–196.
8. Barlow J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace // EFF. – 1996. – URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 20.04.2026 г.).
9. Bellanger P. De la souveraineté numérique // Le Débat. – 2020. – Vol. 170 (3). – P. 149–159.
10. Карев Д.А., Чертыковцев Ю.В. Цифровой суверенитет // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 80–83.
11. Дубень А.К. Правовое обеспечение информационной безопасности в системе информационного права в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2023. – 245 с.
12. Титаренко Л.Г. Специфика рисков гуманитарной безопасности страны, связанных с особенностями восприятия студенчеством современных технологических инноваций // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13, № 2. – С. 15–25.

Поступила 15.04.2026

DIRECTIONS OF INFLUENCE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE DIGITALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM IN THE REPUBLIC OF BELARUS

I. SHAKHNOUSKAYA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The author examines various aspects of the digitalization of the constitutional system in the Republic of Belarus, and, based on the scientific works of predecessors, substantiates the need to recognize the idea of digital constitutionalism as a consequence of the introduction of digital technologies into various social relations. The author examines specific aspects of the impact of digital technologies, particularly artificial intelligence, on constitutional law institutions. To bridge the digital gap between constitutional law and reality, amendments and additions to current legislation are proposed. In particular, amendments and additions to the Law of the Republic of Belarus «On Regulatory Legal Acts» were proposed in terms of clarifying the content of the principle of humanism in law-making activities, which will ensure the implementation of the constitutional principle of the priority of individual rights and freedoms.

Keywords: digitalization, digital technologies, artificial intelligence, constitutional order, digital constitutionalism, rights and freedoms, constitutional law institutions.

РЕЦЕНЗИИ

Погосян, Н.В. Управленческий учет приемной кампании в вузах Ростовской области / Н.В. Погосян. – Екатеринбург : ООО «Издательские решения», 2026. – 94 с. ISBN 978-5-0069-3112-1

Исследуемая автором в монографии тема обладает высокой актуальностью по причине узконаправленной проблемы, затрагивающей деятельность приемной кампании. До настоящего времени результаты приемной кампании вуза традиционно рассматривались с точки зрения востребованности профилей и направлений обучения. Спрос на образовательные программы по итогам проведения приемной кампании в вузе оказывал в основном влияние на число таких программ в будущем учебном году и контрольные цифры приема.

В рецензируемой монографии впервые предпринимается попытка объединить результаты приемной кампании, экономику регионального университета и управленческий учет. Многие современные исследования охватывают разные актуальные на данный момент направления развития университета, включая цифровизацию и совершенствование ФГОС. В монографии раскрывается способ обеспечения экономического благополучия регионального университета с учетом образуемых приемной кампанией разнообразных данных. При этом данные исследователем интерпретируются как финансово значимая информация и достаточно содержательно обосновываются в экономическом контексте. Результаты приемной кампании исследуются не с точки зрения общей хозяйственной деятельности регионального университета, но в рамках управленческого учета. Несмотря на узкую направленность исследования, на практике, как показывает анализ имеющихся показателей востребованности образовательных программ вузов Ростовской области, управленческий учет образовательной организации выступает как широкий пласт принятия управленческих решений. Соответственно, затрагиваемая проблема относится к узконаправленной лишь с точки зрения научного познания, но не в рамках общественной значимости.

Целесообразность проведения исследования в сфере управленческого учета регионального университета с использованием результатов приемной кампании на примере Ростовской области состоит в наглядности раскрытия потенциала образовательной организации, на которую оказывают влияние национальная и региональная экономика, позиционирование региона на рынке образовательных услуг и профиль каждого университета. Основное целевое назначение монографии, одновременно являющейся практической ценностью, состоит в возможности использования предлагаемых индикаторов при оптимизации экономического благополучия университета. Ввиду сложившихся обстоятельств в национальной экономике, которые стали источником для ее дальнейшего укрепления, способность регионального университета к самофинансированию является фундаментальным условием укрепления экономики вуза.

Ряд аспектов монографии обладает новизной как в научном смысле, так и в прикладном по причине содержательности и наглядности взаимодействия приемной комиссии и финансовых подразделений регионального университета. Предлагаемая автором концепция управленческого учета региональных вузов на примере Ростовской области может быть использована на практике и адаптирована с учетом профиля образовательной организации.

В процессе исследования автором разработана структура управления финансово значимой информацией хозяйствующим субъектом, структура элементов управленческого учета хозяйствующего субъекта, которые впоследствии позволили разработать концепцию управленческого учета образовательной организации. Представляется интересным разделение автором отчетной документации по оперативному и управленческому учету при использовании идентичной финансово значимой информации, образуемой приемной кампанией. В данной концепции автором приставлены вертикальные и горизонтальные центры ответственности, охватывающие деятельность всех подразделений университета. Такой подход позволяет сформировать представление о том, в какой степени и какую ответственность несет подразделение вуза при обработке финансово значимой информации приемной кампании. При этом приемная комиссия как подразделение университета и одно из направлений его деятельности в концепции автора связана с финансовыми подразделениями, что указывает на определенное влияние результатов приемной кампании на экономическое благополучие университета.

Обозначенная концепция в ходе дальнейшего исследования автора адаптирована под управленческий учет вузов Ростовской области. Принципиально новым в адаптированной версии концепции и одновременно важным для специалистов в сфере экономики вузов является распределение финансово значимой информации по ключевым компонентам управленческого учета при помощи целевых показателей. Упомянутые автором показатели образуются приемной комиссией при обработке статистической информации, трансформируются в индикаторы и учитываются в отчетной документации. При помощи выделенных автором ключевых компонентов региональный университет на примере Ростовской области может своевременно принять решение о целесообразности реализации образовательной программы, максимально возможной прибыли, степени контроля за качеством реализации образовательных программ и степени контроля финансовой ситуации регионального университета.

Таким образом, впервые разработаны и предложены пути управления экономической ситуацией регионального вуза при помощи целевых показателей, имеющих ранее иное прикладное значение. Как утверждает автор монографии, концепция управленческого учета вузов Ростовской области позволит усилить потенциал самофинансирования университета, так как среди ключевых компонентов концепции учитываются профильные и

непрофильные направления обучения, оказание платных образовательных услуг и объем спроса по ряду показателей на образовательные программы. Автор монографии последовательно формирует выводы на каждом этапе анализа имеющейся теоретической и практической информации в сфере управленческого учета вуза. По причине фактического отсутствия на современном этапе исследований в сфере управленческого учета региональных университетов, автором предпринята попытка восполнить данный пробел путем структуры такого учета и разъяснения специфики регионального развития в контексте функционирования рынка образовательных услуг.

Структура монографии в целом состоит из двух частей. Тем не менее, следует обратить внимание, что первая глава носит теоретико-методологический характер, в то время как вторая глава в полном объеме охватывает практику развития системы высшего образования Ростовской области.

Содержательное изучение структуры монографии показывает, что автор уделяет внимание управленческому учету как базовому объекту исследования, при этом предметом исследования является управленческий учет в университетах Ростовской области. Для того, чтобы раскрыть сущность предмета исследования, автор методом дедукции определяет признаки управленческого учета университета, ключевые компоненты при включении результатов деятельности приемной кампании. Прикладной аспект в наглядной форме позволяет получить представление не только о показателях приемной кампании, потенциально способных стать финансово значимой информацией, но также о факторах устойчивости и риска вузов Ростовской области в период проведения среди абитуриентов вступительных испытаний. Несмотря на то, что анализируемые автором данные затрагивают исключительно Ростовскую область, выводы могут помочь исследователям осуществить научный поиск по идентичной теме среди вузов других регионов. Перспективность проведения подобных исследований в других регионах обеспечивается автором монографии выявленными целевыми показателями и индикаторами приемной кампании, оказывающими влияние на экономическое благополучие образовательной организации. Таким образом, монография обладает существенным преимуществом прикладного характера, на которое следует обратить внимание специалистам в сфере экономики вуза.

Исследователем концептуально предложены направления оптимизации управленческого учета регионального университета на основе прогнозирования степени востребованности образовательных программ в вузах региона по уровням образования до 2030 года. Это значит, что перспективы управленческого учета региональной системы высшего образования к указанному периоду понятны уже в настоящее время, при этом факторы устойчивости и риска учтены автором монографии. Региональные университеты Ростовской области могут воспользоваться прогностическими результатами, внедрить выявленные показатели, адаптировать предложенные ключевые компоненты и индикаторы приемной кампании в отчетную документацию управленческого учета и построить хозяйственную деятельность на основе потенциально востребованных образовательных программ и особенности позиционирования Ростовской области как образовательного и научного центра.

Заслуживает внимание понятийный аппарат, в котором впервые автором введены в научный оборот экономической науки такие понятия как: аналитика приемной кампании, ожидания абитуриента, портрет преподавателя вуза, социальный портрет потенциального студента, сбор и систематизация финансово значимой информации. В широком смысле признаки вводимых специальных терминов затрагивают разные общественные науки. Автор обосновал экономический аспект данных терминов, что позволяет рассматривать их как часть терминологии экономики вузов.

Теоретическая часть монографии изобилует результатами исследований отечественных и зарубежных авторов в сфере экономики высшего образования. Используемые источники на момент обнародования монографии являются актуальными. Анализируемые данные обладают признаками высокой достоверности, так как автором использована статистическая информация государственных источников.

Дальнейшие исследования в сфере экономики вузов могут быть расширены путем использования выводов автора монографии об особенностях структуры управленческого учета вуза, ответственных подразделениях университета, видах финансово значимой информации, закономерностях формирования сведений приемной кампании вузом, о влиянии системы высшего образования региона на управленческий учет вуза, о влиянии факторов устойчивости вузов на примере Ростовской области, а также факторов риска. Оценка перспективности осуществления управленческого учета вузами Ростовской области может быть расширена во многих сравнительных аспектах включая влияния результатов приемной кампании на отдельные экономические процессы регионального университета. Стоит отметить, что анализ специфики востребованности образовательных программ вузов Ростовской области носит как теоретический, так и прикладной характер и может быть осмыслен специалистами в сфере экономики вузов, региональной экономики, пространственного развития, управления трудовыми ресурсами. Совокупность перспективных направлений указывает на научную состоятельность проведенного автором исследования и возможность развития данного научного направления в других регионах, на федеральном уровне и в сравнительной характеристике вузов, совпадающих по какому-либо критерию.

*д-р экон. наук, проф. Юрий Рафаелович ТУМАНЯН
(Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)*

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Касаева Т.В., Коваленко Ж.А. Матрица рентабельности как инструмент интегральной оценки эффективности функционирования организации	2
Маркидонова А.В. Совершенствование государственного регулирования региональных рынков труда в Республике Беларусь с учетом их территориальной организации	8
Сарвари Р.Д. Проект «Родительство»: мотивация, издержки, окупаемость и механизм регулирования	17
Чуянова Е.А. Развитие риск-ориентированного управления качеством продукции агропромышленного комплекса (на примере сахарной отрасли)	26
Яшева Г.А., Вайлунова Ю.Г., Вардомацкая Е.Ю. Оценка влияния неокластеризации на экономическую безопасность Республики Беларусь.....	35

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аваева Д.С. Факторы правообразования в цифровой экономике	45
Белоусова С.Д. Правовая природа регистрации холдингов в Республике Беларусь	51
Василевич Д.Г. Принцип соразмерности ограничения соматических прав и свобод в контексте национального, зарубежного и международного опыта	56
Гриневич В.С. Трансформация института конституционного контроля в Республике Беларусь в контексте изменений и дополнений Основного закона, принятых на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г.	61
Козловская В.А. Методологический подход к пониманию денег с позиции монетарного (денежно-кредитного) регулирования.....	66
Костюк А.С. Процессуальная экономия в научных трудах процессуалистов дореволюционного периода.....	70
Курто Я.А. Манипуляция волеизъявлением субъекта в контексте согласия на обработку персональных данных: правовой аспект	75
Маркина В.В. Обеспечение эффективности исполнения наказания в виде общественных работ: способы совершенствования правового и организационного механизма	80
Мельнова К.Ю. О соотношении понятий «фальсифицированная», «контрафактная» и «небезопасная» продукция	87
Михневич В.Н. Понятие, значение и структура возбуждения уголовного дела как элемента частной криминалистической методики (на примере коррупционных должностных преступлений)	93
Москвина В.И. К вопросу о правовом режиме подземных вод по законодательству Республики Беларусь	101
Олесько С.С. Переосмысление конституционных ценностей под влиянием процесса цифровизации (Часть 2)	105
Терещенко Т.Г. Роль магдебургского права в контексте формирования ограничительных мер коррупции	111
Тимофеева Е.А. Развитие деятельности организаций собственников в Республике Беларусь во взаимосвязи с проблемой расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, совершаемых в деятельности указанных организаций	116
Шабратко В.А. Правовой статус титульного собственника в Республике Беларусь: правовая природа и практические проблемы	121
Шахновская И.В. Направления воздействия цифровых технологий при цифровизации конституционного строя в Республике Беларусь.....	125

РЕЦЕНЗИЯ

Погосян, Н.В. Управленческий учет приемной кампании в вузах Ростовской области / Н.В. Погосян. – Екатеринбург : ООО «Издательские решения», 2026. – 94 с. ISBN 978-5-0069-3112-1 (Туманян Ю.Р.)	130
--	-----